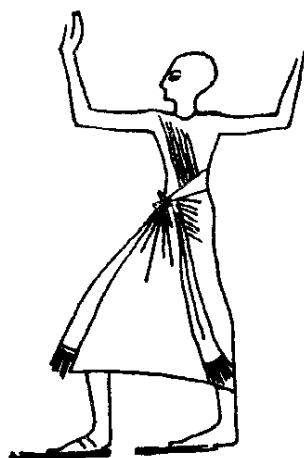

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. А. Стучевский

РАМСЕС II и ХЕРИХОР

Из истории
древнего Египта
эпохи
Рамессидов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Ответственный редактор
Э. А. ГРАНТОВСКИЙ

В книге рассматриваются разнообразные проблемы, в основном политической истории, древнего Египта эпохи Рамессидов, связанные с деятельностью двух крупных политических фигур этого времени — фараона Рамсеса II и верховного фиванского жреца Херихора.

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа посвящена рассмотрению различных проблем, связанных с деятельностью фараона Рамсеса II и верховного фиванского жреца Херихора — двух крупных политических фигур, живших соответственно в начале и конце эпохи Рамессидов (XIII—XI вв. до н. э.).

Эпоха Рамессидов — яркая страница в истории древнего Египта. Это было время возрождения военного могущества страны пирамид, ожесточенных схваток с хеттами, ливийцами и пришедшими с северо-запада «народами моря», активных политических и культурных контактов с переднеазиатским миром, строительства величественных памятников архитектуры, острых политических и социальных конфликтов.

Рамсес II был лишь третьим представителем XIX династии, с приходом которой к власти началась эпоха Рамессидов. Но именно в его более чем шестидесятишестилетнее царствование наступил расцвет этой эпохи.

Живший более 3000 лет тому назад, фараон Рамсес II — достаточно известный исторический персонаж. О нем писали античные авторы, его имя упоминается в Библии. Туристы, посещающие Египет, всегда с восхищением любуются величественными архитектурными сооружениями, возведенными в долине Нила в годы его царствования. Созданные при Рамсесе II великолепные памятники зодчества, такие, как гипостильный зал Карнака, Рамессеум, передний двор Луксора, храмы в Абу-Симбеле и многие другие изумительные творения архитектуры, и теперь поражают своими гигантскими размерами, стройностью и красотой.

Будучи действительно великим фараоном, Рамсес II оставил по себе столь прочную память, что почти все представители XX династии, воцарившейся после окончания XIX династии, к которой принадлежал Рамсес II, носили имя «Рамсес». Популярность Рамсеса II в древности и в новое время объясняется как его строительной деятельностью, так и тем, что при нем произошел последний взлет египетского могущества. Царствование Рамсеса II характеризуется длительными войнами за восстановление гегемонии страны пирамид в Азии, экономическим благополучием и политической стабильностью Египта.

Рамсес II был, безусловно, сильной личностью. Индивидуальные [С. 3] черты его характера прослеживаются с трудом, поскольку египетские источники всех фараонов изображают по стандартному образцу неземного величия, могущества и силы. И все же о Рамсесе II можно сказать, что это был человек, несомненно, смелый и решительный. Само собой разумеется, что Рамсес II никогда не задумывался над тем, насколько его желания и поступки соответствуют объективным потребностям страны, полновластным хозяином которой он был. И тем не менее внешняя и внутренняя политика египетского государства, осуществлявшаяся в годы его царствования, несомненно, соответствовала нуждам господствующего класса, заинтересованного в планомерной эксплуатации собственного народа и покоренных народов Нубии и Азии. Как неограниченный владыка Египта, как земной бог, Рамсес II многие годы определял жизнь египетского общества, и по этой причине подробное рассмотрение всего, что характеризует деятельность Рамсеса II, представляет, по нашему мнению, бесспорный интерес.

Херихор был политическим деятелем совершенно иного масштаба и характера. Если при Рамсесе II нашел свое наилучшее выражение принцип максимальной централизации политической власти в Египте, то при Херихоре победила противоположная тенденция — тенденция политического сепаратизма. Херихор фактически был независимым правителем Верхнего Египта в годы царствования последнего Рамессиды — Рамсеса XI, в правление которого завершился закат эпохи Рамессидов. В этот период фиванский «первый жрец» Амуна-Ра, стремящийся овладеть короной фараонов, искал идеологического оправдания для

своих честолюбивых планов в религиозной доктрине амунократии — доктрине, умалявшей достоинство фараона путем противопоставления его престижа авторитету верховного фиванского божества.

После выхода в свет, в конце прошлого столетия романа Б. Пруса «Фараон» о Херихоре, первом жреце Амуна-Ра, царя богов, военачальнике, визире, «царском, сыне Куша», на закате своих дней присвоившем и царский титул, узнала и широкая публика. С тех пор личность Херихора приобрела относительную известность, чему способствовал и поставленный польским режиссером Ежи Кавалеровичем по роману Б. Пруса кинофильм, показанный на экранах всего мира в конце 60-х годов.

Само собой разумеется, что реальный, исторический Херихор далеко не тождествен тому образу могущественного, коварного и хитрого жреца, который был создан польским романистом под влиянием современной ему египтологической традиции и тех идейных, политических устремлений, которые волновали в конце XIX в. либеральные демократические круги польской общественности. В последующие годы развитие египтологической науки, дальнейшее исследование первоисточников позволили увидеть несколько иной путь Херихора к власти, чем это представлялось во времена Б. Пруса. Многие мы теперь, [С. 4] естественно, оцениваем иначе, чем в годы написания романа.

Однако говорить о полном раскрытии «загадки» Херихора всё еще преждевременно.

Весьма солидная египтологическая традиция давно провозглашает Херихора «творцом» особого политического образования — так называемого «государства бога» Амуна или «фиванской теократии», возникшего в Верхнем Египте на развалинах державы фараонов Рамессидов в конце эпохи Нового царства. По мнению корифеев старой, «классической» египтологической школы Г. Масперо, Дж. Брэстеда, Б. А. Тураева, в основе этой «теократии» лежала победа древнеегипетского клерикализма [25, т. II, с. 205-206; 83, т. I, с. 325, т. II, с. 20; 394, с. 272; 395, с. 565]. С точки зрения Эд. Мейера, становление «фиванской теократии» явилось результатом развития религии и торжества религиозной идеи приоритета власти Амуна (т. е. идеи амунократии) [407, с. 495, 530]. Согласно выводу Г. Кееса, осуществившего коренной пересмотр старых представлений о Херихоре, фиванское «государство бога» Амуна по своей сути было замаскированной религией (лозунгом амунократии) военной диктатурой светского деятеля, захватившего кормило власти в благоприятный исторический момент — после подавления социального движения в Фивах [334, с. 1—20].

Думается, Г. Кеес был абсолютно прав, указав на ограниченность старых, традиционных идеалистических трактовок и раскрыв «мирской» смысл деятельности Херихора, лишь «прикрытый» лозунгом амунократии. Однако Г. Кеес, как нам кажется, излишне акцентировав свой вывод, преподнес его в таком модернизаторском ключе, что полностью согласиться с ним также невозможно. Г. Кеес обоснованно обратил внимание на военную опору власти Херихора, но он, явно модернизируя события, происходившие в то время в Египте, расценил эту «тайну» могущества Херихора как военную диктатуру, будто бы призванную усмирять социальные движения. Характеризуя возглавленную Херихором «фиванскую теократию» как военную диктатуру, Г. Кеес тем самым придавал ей оттенок особой исключительности, не замечая, что ее своеобразие было, по существу, лишь внешним и второстепенным, поскольку в основе этой «теократии» лежал традиционный для истории древнего Египта местный (номовый) сепаратизм.

Конечно, после опубликования работ Г. Кееса и его последователей многое в истории возвышения Херихора и создания «фиванской теократии» прояснилось. Сейчас мы гораздо лучше представляем себе путь Херихора к власти, чем во времена Г. Масперо, Дж. Брэстеда, Эд. Мейера, Б. А. Тураева. И все же в судьбе Херихора остаются еще не разгаданные «белые пятна», вызывающие разногласия среди египтологов. Все это, полагаем, оправдывает наш интерес к личности Херихора и к его деятельности, протекавшей в переломный, бурный, драматический период истории древнего Египта. [С. 5]

РАМСЕС II

ПРЕДКИ РАМСЕСА II

Рамсес II был третьим представителем XIX династии, начавшей новую эпоху в истории древнего Египта — эпоху Рамессидов. Царствовали отец Рамсеса II (Сети I) и дед (Рамсес I). Возвысившийся еще при Хoremхебе, Рамсес I был сыном некоего «начальника лучников» (*hrj pd.t*), по имени Сети¹. Почему потомки этого Сети смогли овладеть престолом фараонов, остается неясным и по сей день. Можно думать, что решающую роль сыграло покровительство Хoremхеба, не имевшего наследника и потому выдвинувшего Рамсеса I, как человека, принадлежавшего к близкой Хoremхебу военной среде². Основатель XIX династии Рамсес I царствовал очень недолго — немногим более одного года. Его сын Сети I³ находился на престоле фараонов не менее 11 лет⁴. Рамсес II намного превзошел и отца и деда по длительности царствования.

О ближайших предках Рамсеса II интересные сведения содержатся в записи на стеле, упоминающей о 400-летней эре Сетха (Сутеха). Эта стела была обнаружена в Танисе О. Мариеттом еще в 1863 г. Оставленную на том месте, где она была найдена, эту стелу в 1932 г. вновь открыл П. Монтэ⁵. В верхней части стелы изображен бог Сетх (Сутех) в одеянии, характерном для азиатских божеств, в высоком головном уборе Баала. За Сетхом представлен Рамсес II, а за ним — человек в позе поклонения, названный визирем Сети. Текст по всей этой группе содержит 12 строк. Последняя строка частично разрушена. По предположению П. Монтэ, в первоначальном виде текст имел еще две строки. Первая часть текста дает титулатуру Рамсеса II и сообщает о его приказе доставить стелу «ради великого имени его отцов, чтобы восстановить имя отца отцов его». Вторая часть текста упоминает о событии, датированном 400-м годом эры бога Сетха Небти (т. е. из Омбоса), называемого царем Верхнего и Нижнего Египта. Хотя конец текста испорчен, совершенно очевидно, что речь в нем идет о визире по имени Сети, который обратился к богу Сетху с просьбой о покровительстве. Здесь же помещена полная титулатура визиря Сети и отца последнего — также визиря — Парамеса (*P3 Rḥmṣ*).

[С. 6] Приведем теперь текст стелы полностью. В верхней части стелы, как мы уже говорили, изображен бог Сетх (Сутех) в одеянии и головном уборе азиатского Баала, под ним — надпись: «Сетх Рамсеса Мериамуна, которому дана жизнь всякая». Рядом находится изображение царя и надпись: «Царь Верхнего и Нижнего Египта, Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун». Действия царя характеризует надпись: «Выдача вина отцу, создавшему (?) его, которому дана жизнь». Рядом с царем изображен человек, о котором сопроводительный текст, продолжая вышеприведенную надпись, сообщает: «Для Ка твоего, Сетх, сын Нут. Да дашь ты прекрасное время при сопровождении Ка твоего, для Ка правителя, начальника города, визиря, царского писца, начальника лошадей, начальника чужеземных стран, начальника крепости Чару, Сети правогласного». С правого и левого краев стелы одна и та же запись: «Верховный Гор, могучий бык, любимый правдой, царь Верхнего и Нижнего Египта, Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун». Основной текст стелы гласит: «(1) Живой Гор, могучий бык, любимый правдой, владыка праздников „хлеб-сед“, подобный отцу его Птаху, царь Верхнего и Нижнего Египта, Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун, которому дана жизнь, (2) две богини, храбрец Египта, который унаследовал чужеземные страны, порождение богов, приведший в порядок две земли. Гор золота, сильный годами, великий победами (3), царь Верхнего и Нижнего Египта, Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун, правитель, покрывший две земли

памятниками ради имени его (Сетха). (4) Сияет Ра в небе ради любви к нему, царь Верхнего и Нижнего Египта, Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун. (5) Повелел его величество поставить большую стелу из нового камня ради великого имени его отцов, чтобы восстановить имя отца отцов его (т. е. Сетха.— *И. С.*) (6) (и имя.— *И. С.*) царя Менмаатра, сына Ра, Сети Мернептах (Сети I), пребывающего прочно, навеки, подобно Ра, каждый день. (7) Год 400-й месяц 4-й периода шему, день 4-й (от) царя Верхнего и Нижнего Египта Сетха, великого мощью, сына Ра, любимого его, Небти (т. е. из Омбоса.— *И. С.*), любимого Ра-Горахте, да существует он до вечной вечности. (8) Приход этот, который сделал правитель, начальник города, визирь, носитель опахала с правой стороны царя, начальник лучников, начальник чужеземных стран, начальник крепости Чару, начальник маджаев, царский писец, начальник лошадей, (9) руководитель праздника (бога) Дждет-ти — владыки Мендеса, первый жрец Сетха, „херихеб“ колонного зала (в храме), который разделяет две земли (?), начальник жрецов всех богов, Сети правогазный, сын правителя, начальника города, визиря, (10) начальника лучников, начальника чужеземных стран, начальника крепости Чару, царского писца, начальника лошадей Парамеса правогазного — говорит он (Сети): Привет тебе, Сетх, сын Нут, великий мощью в ладье [С. 7] миллионов, сокрушающий врагов (?) перед ладьей Ра, великий криком... (12) да дашь ты мне прекрасное время при сопровождении Ка твоего, да буду я упрочен (в)... (13)...» [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 287—288].

Эд. Мейер, объясняя содержание танисской стелы, обратил внимание на фиксацию в ней особого способа летосчисления, начавшегося в гиксосский период в связи с установлением культа Сетха (Сутеха) и строительством храма для этого божества. Что касается визирей Парамеса и Сети, о которых сообщает стела, то, по мнению Эд. Мейера, в данном случае речь идет о лицах, занимавших пост визиря при Рамсесе II. Визирь Сети, изображенный на стеле позади Рамсеса II, приносящего дары Сетху, согласно концепции Эд. Мейера, был послан Рамсесом II в Танис для установления стелы [405, с. 292, и сл.]. Высказанная выше трактовка танисской находки была общепринятой до 1930 г., когда К. Зете опубликовал статью [514, с. 85 и сл.], сразу коренным образом изменившую понимание содержания текста стелы из Таниса. Предложенная К. Зете реконструкция содержания стелы получила широкое признание [116, с. 39 и сл.; 204, с. 328; 242, с. 165; 469, с. 252 и сл.] и господствует по сей день. К. Зете утверждал, что в надписи на стеле говорится об осуществленном визирем Сети в Танисе праздновании 400-летней годовщины эры Сетха⁶. Этот визирь потом стал фараоном Сети I. Визирь Парамес — отец визиря Сети, также фигурирующий в рассматриваемой стеле, — аналогичным образом должен был быть отождествлен с фараоном Рамсесом I, основателем XIX династии. Празднование 400-летней годовщины господства Сетха (Сутеха) отмечалось в царствование Хоремхеба, когда отец Рамсеса II был еще визирем, а не фараоном Сети I. Сама же стела была поставлена уже в годы правления Рамсеса II, пожелавшего таким образом почтить память о своем отце Сети, который сначала был лишь визирем, а позднее стал фараоном.

Как мы уже отмечали, изложенная выше концепция господствует в египтологической литературе и по сей день. Однако в 1965 г. Р. Штадельманн попытался полностью ее пересмотреть [537, с. 46—60] и этим положил начало дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Chronique d'Egypte» в 1966 г. Дискуссия эта, несомненно, представляет интерес для нас, почему мы и попытаемся ниже изложить взгляды как Р. Штадельманна, так и тех египтологов, которые откликнулись на высказанные им суждения.

Р. Штадельманн прежде всего отказался от отождествления визирей Парамеса и Сети с фараонами Рамсесом I и Сети I на том основании, что жена визиря Парамеса и мать визиря Сети носила имя, отличавшееся от имени матери фараона Сети I. Если женой визиря Парамеса и матерью визиря Сети была некая певица Тиу (*Tjw*), то матерью фараона Сети I считается царица Сатра (*Sjt-Rʿ*). Аргумент, выдвинутый Р. Штадельманном, [С. 8] действительно выглядит весьма серьезным, и потому, если бы в данном случае недопустимы были бы другие суждения (о которых мы еще будем говорить несколько ниже), концепции Р. Штадельманна вряд ли можно было бы что-либо противопоставить. Основываясь

на несовпадении имен матерей визиря Сети и фараона Сети I как якобы на неоспоримом факте, Р. Штадельманн и построил свои дальнейшие доказательства и выводы. По мнению Р. Штадельманна, на стеле 400-летия речь действительно идет о предках сына Сети I, однако о более отдаленных — не об отце и деде, как полагал К. Зете, а о прапрадеде и прадеде Рамсеса II. Событие, упоминаемое на стеле, Р. Штадельманн датировал временем царствования Аменхотепа IV (Эхнатона), а установление стелы объяснил желанием Рамсеса II доказать законность прав своей семьи на престол фараонов, якобы избранных самим богом Сетхом (Сутехом). Что же касается упоминания на стеле даты 400-летия, то, по словам Р. Штадельманна, в данном случае не следует предполагать реальное историческое событие, положившее начало особой эре, так как фигурирующее в тексте стелы число 400 всего лишь плод произвольных подсчетов, осуществленных в семье Рамессидов, не имевших никакого отношения к событиям гиксосского времени.

На тезисы статьи Р. Штадельманна, опубликованной в журнале «Chronique d'Egypte» в 1965 г., откликнулись в том же журнале в 1966 г. два исследователя — Г. Гёдике [268, с. 23—39] и В. Хелк [305, с. 234—241], занявшие диаметрально противоположные позиции по существу высказанных Р. Штадельманном суждений. Если Г. Гёдике принял аргументацию Р. Штадельманна и попытался развить ее дальше, отказавшись видеть в визирях Парамесе и Сети предков Рамсеса II, даже отдаленных, то В. Хелк полностью отверг основные выводы Р. Штадельманна, показав их несостоятельность и неспособность поколебать концепцию К. Зете.

Г. Гёдике не соглашался с Р. Штадельманном в вопросе, который касался мотивов действий Рамсеса II, повелевшего установить стелу 400-летия. Г. Гёдике не считал для Рамсеса II необходимым как-то обосновать свои права на престол. Ни о каких предках Рамсеса II на стеле, по словам Г. Гёдике, речь также не шла, но зато подчеркивалась личная привязанность Рамсеса II к культу Сетха (Сутеха), процветавшему в столице Египта Пер-Рамсесе. Ритуальное подношение Сетху (Сутеху), изображенному в верхней части стелы в одеянии и с атрибутами азиатских Баалов, осуществил по приказу Рамсеса II его визирь и современник Сети, не имевший никакого отношения к фараону Сети I. Данное событие произошло в промежуток времени между 34-м годом царствования Рамсеса II (год празднования второго юбилея *hb-šd*) и 40-м годом и, возможно, отражало какую-то годовщину, связанную с назначением Рамсеса II на престол фараонов в качестве соправителя [С. 9] своего отца Сети I. Что же касается самой даты 400-летия, то, по мнению Г. Гёдике, это была культовая эра, связанная с утверждением в Аварисе (позднейшем Пер-Рамсесе) почитания, принявшего азиатские черты исконного египетского божества Сетха. Подобное возвышение культа Сетха осуществил в конце эпохи Среднего царства и незадолго до начала гиксосского периода царствовавший в Дельте фараон Нехси. Если полагать, что Рамсес II начал править в 1290 г. до н. э., то тогда, по подсчетам Г. Гёдике; начало культовой эры Сетха (Сутеха) падает на 1654 г. до н. э., а начало гиксосского периода — на 1648 г. до н. э. [Иными словами, культовая эра Сетха (Сутеха) началась всего лишь за шесть лет до установления в Египте господства иноземных, азиатских властителей, принявших уже существовавший в Аварисе культ Сетха (Сутеха), уподобленного азиатским Баалам.]

Вывод Г. Гёдике относительно сущности эры 400-летия представляется нам справедливым. Однако все попытки Г. Гёдике утвердить с помощью филологического анализа текста стелы тезис об отсутствии в этом тексте каких-либо упоминаний о предках Рамсеса II выглядят, как нам кажется, очень неубедительными. В подтверждение высказанного нами сейчас суждения приведем хотя бы предлагаемую Г. Гёдике интерпретацию выражения *hr rn wr n it.w.f* в стк. 5 текста стелы. По словам Г. Гёдике, в данном случае не имеются в виду предки (отцы) Рамсеса II, а речь идет совсем о другом: вместо слова *it.w* («отцы») в исследуемой фразе якобы фигурирует термин, сравнимый с термином птолемеевского времени *tfw* [Wb. V, 299, 2], который следует сопоставить со словом *3tf* («быть коронованным» [Wb I, 234]), вследствие чего в стк. 5 текста стелы вместо *hr rn wr n it.w.f* («ради великого имени его отцов») следует читать *hr rn wr n tfw.f*

(«ради великого имени его корон») или [«ради великого имени, (которым) он был коронован»] [268, с. 32]. Г. Гёди́ке находит термин *tfw* еще в одном месте текста стелы (также в стк. 5), предлагая понимать соответствующее сочетание слов не как общепринято — *rn n it (n) it.w.f.* («имя отца отцов его»), а как *rn n it (n) tfw.f* [«имя отца (поручителя) его коронования»] [268, с. 33—34]. Основываясь на показанных нами выше изменениях в понимании одного слова иероглифического текста стелы (не *it.w.f.*, а *tfw.f.*), Г. Гёди́ке делает смелый, но, по нашему мнению, недостаточно убедительный вывод, что в рассматриваемом месте стелы речь не идет об отцах (предках) Рамсеса II, а имеется в виду коронование Рамсеса II фараоном — соправителем своего отца Сети I [268, с. 33—34], с чем якобы и было связано осуществленное через много лет по приказу Рамсеса II его визирем Сети ритуальное почитание бога Сетха (Сутеха). Один из основных постулатов статьи Г. Гёди́ке выглядит, как нам кажется, весьма нарочитым и искусственным. Подобную же оценку, думается, можно дать и всей статье Г. Гёди́ке. Последний, подобно Р. Штадельманну, от [С. 10] некоторых суждений которого он отталкивается, не смог предложить убедительную альтернативу взглядам К. Зете.

Как мы уже говорили, основным фактом, определившим концепцию Р. Штадельманна (фактом, принимаемым и Г. Гёди́ке), была подчеркнутая им разница имен матери визиря Сети, упоминаемого и изображенного вместе с Рамсесом II на стеле 400-летия, и матери фараона Сети I. Первая носила имя Тиу, а вторая — Сатра. Между тем по этому решающему пункту статьи Р. Штадельманна дал исчерпывающее разъяснение В. Хелк, выступивший на страницах журнала «Chronique d’Egypte» в поддержку интерпретации стелы 400-летия, предложенной К. Зете [305, с. 234—241]. В. Хелк подверг анализу все памятники, в которых речь идет о Сатра (стела в гробнице Сети I [382, т. III, с. 236], стела в заупокойном храме Сети I в Абидосе [148, т. 2, табл. 35], гробница № 38 в долине захоронения цариц в западной части Фив), и пришел к выводу, что в данном случае имелась в виду не мать, а жена фараона Сети [305, с. 237—238]. Если это так, то тогда никакой несовместимости имен матери визиря Сети, фигурирующего на стеле 400-летия, и матери фараона Сети I не существует, и потому вся возведенная Р. Штадельманном конструкция оказывается основанной на недоразумении и, естественно, неспособной опровергнуть утверждения К. Зете. В итоге В. Хелк, как и К. Зете, считает наиболее обоснованным реконструировать следующую родословную Рамсеса II: некий «начальник лучников» Сети, его сын визирь Парамес (он же фараон Рамсес I, женатый на Тиу), сын визиря Парамеса (Рамсеса I) и Тиу визирь Сети (он же фараон Сети I, женатый на Сатра и на Туи), сын визиря Сети (Сети I) и Туи Рамсес II [305, с. 239; 292]⁷. В. Хелк полагает, что эра 400-летия, зафиксированная на найденной в Танисе стеле⁸, отражает исторический факт, а именно возведение в Танисе храма богу Сетху (Сутеху), которое было осуществлено где-то между 1715 и 1712 гг. до н. э. [305, с. 241]. Как видим, последний вывод В. Хелка, несмотря на некоторое расхождение в датировке начала эры 400-летия, весьма близок к сходному утверждению, сделанному Г. Гёди́ке в его уже рассмотренной нами статье. Спрашивается, однако, почему Рамсес II, как и его предки и потомки, несомненно, чувствовал свою особую связь с культом бога Сетха (Сутеха)? Дать бесспорный ответ на поставленный вопрос, конечно, невозможно, но, безусловно, следует отметить, что фараоны XIX династии продолжали семейную традиций, восходившую к очень отдаленным временам. Соблазнительно поэтому было бы предположить, что предки Рамсеса II каким-то образом связаны с гиксосскими правителями Египта, как известно почитавшими Сетха (Сутеха), или с тем слоем азиатов, которые остались в долине Нила после изгнания гиксосов и египтизировались [157, с. 37].

В результате каких событий культ бога Сетха оказался связанным с Аварисом, попытался объяснить Дж. Вэн Сетерс. [С. 11] Он вслед за уже упомянутым Г. Гёди́ке вспоминает правителя Нехси, который царствовал в Дельте после фараонов XIII династии и незадолго до начала гиксосского периода [546]. (Он упоминается в Туринском каноне.) От времени этого Нехси в Танисе был найден обелиск вместе с обелисками Рамессидов [365]. На одном фрагменте обелиска Нехси можно прочесть: «Старший сын царя, Нехси,

любимый Сетхом, господином *r-3ht*». На другом фрагменте говорится о Нехси, что он «любимый Хершефи». Культ Хершефи на северо-восточной границе Дельты мог восходить к эпохе X династии, фараоны которой почитали Хершефи и о которых известно, что они укрепляли границу для защиты от набегов азиатов. По мнению Дж. Вэн Сетерса, Нехси, «старший сын царя», был начальником пограничного гарнизона и скорее всего выдвинул на первый план культы Сетха и Хершефи по той причине, что последние были не в чести у царей XII и XIII династий. Когда Нехси стал фараоном, он сделал Сетха господином Авариса (см. надпись Нехси в Телль Мокдаме [546, с. 102, примеч. 23]), придав этим Аварису новое религиозное и политическое значение. Тот факт, что обелиск Нехси был обнаружен вместе с обелисками Рамессидов, согласно точке зрения Дж. Вэн Сетерса, указывает на почитание царя Нехси фараонами XIX династии, которые отсчитывали эру бога Сетха от начала правления Нехси в Аварисе. Выбор Сетха в качестве патрона Нехси обуславливался несколькими причинами. С одной стороны, Сетх был древним божеством — покровителем монархии, и этот факт способствовал укреплению власти нового царя. С другой стороны, Сетх почитался на северо-востоке Дельты и в некоторых близлежащих районах Азии, где он отождествлялся с Баалом, и по этой причине мог привлечь на сторону Нехси тех азиатов, которые селились во времена Нехси в Дельте. Согласно предположению Дж. Вэн Сетерса, при дворе Нехси многие высокие должности занимали азиаты, которые впоследствии установили свое господство в Египте, выдвинув из своей среды гиксосских фараонов, воспринявших от Нехси культ Сетха в качестве главного божества.

АБСОЛЮТНАЯ ДАТИРОВКА НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНИЯ РАМСЕСА II

Установление абсолютных хронологических дат для царствований всех египетских фараонов — задача исключительно сложная. Само собой разумеется, что и длительное правление Рамсеса II не представляет в этом смысле исключения. Для абсолютной датировки всего царствования Рамсеса II решающим, естественно, оказывается хронологическое определение года его восшествия на престол. В этом последнем вопросе между исследователями до сих пор нет единогласия, и потому абсолютная дата воцарения Рамсеса II остается неустановленной. [С. 12] В советской историографии признание получила ранняя датировка начала царствования Рамсеса II, относящая это событие к 1317 г. до н. э. [29, с. 353, 691]. Дж. Брэстед называл 1292 г. до н. э. первым годом правления Рамсеса II [25, т. II, с. 99]. Б. А. Тураев склонялся почти к той же самой дате [83, т. I, с. 305]. В современной западной египтологии господствует мнение о поздней датировке начала царствования Рамсеса II, колеблющейся между 1304 и 1290 гг. до н. э. Последняя дата принята и в специальной работе Дж. Д. Шмидта [499, с. 13].

Абсолютную дату воцарения Рамсеса II пытаются определить как путем сопоставления событий, происходивших в Египте, с событиями истории царствований властителей Ассирии и Вавилонии, так и путем ориентации на ту или иную расшифровку одной лунной даты, упомянутой в Лейденском папирусе (P. Leiden I, 350, vs. 3, 6) и соответствующей 52-му году царствования Рамсеса II [443, с. 42—43]. М. Б. Роутон, ссылаясь на царские списки, заимствованные из труда Манефона, на перечень ассирийских правителей, обнаруженный в Хорсабаде, а также на данные о соотношении царствований Эхнатона, Тутанхамона, Хoremхеба и ассирийца Ашшурбаллита I, как и на сопоставление годов жизни и деятельности хеттского правителя Хаттусилиса III, Рамсеса II и вавилонского царя Кадашман-Тургу, пришел первоначально к выводу, что воцарение Рамсеса II падает на 1290 г. до н. э. или на самый конец 1291 г. до н. э. [487, с. 57—79]. Подобное же заключение сделал и Э. Эдель, ссылаясь на хронологическую расшифровку лунной даты от 52-го года царствования Рамсеса II и на хеттский текст из Богазкёя (КВо I, 10), якобы указывающий, что письмо Хаттусилиса III к вавилонскому царю Кадашман-Эллилю II было отправлено еще

до заключения мирного договора между Египтом и страной хеттов в 21-й год Рамсеса II [205, с. 130—133].

Непосредственному анализу лунной даты, отмечающей начало новой луны (так называемое *pśdntjw*) в 27-й день 2-го месяца периода *pṛt* в 52-й год царствования Рамсеса II (Р. Leiden I, 350, vs. 3, 6), посвятил свою статью известный специалист по древнеегипетской астрономии Р. А. Паркер. Учитывая 11-летний и 14-летний циклы начала лунного месяца соответственно с ускорением или с опозданием на один день по сравнению с тем, что наблюдалось за 11 или за 14 лет до этого, Р. А. Паркер предложил четыре расшифровки *pśdntjw* из Лейденского папируса (Р. Leiden I, 350, vs. 2, 6). Согласно этим расшифровкам, 27-й день 2-го месяца периода *pṛt* в 52-й год царствования Рамсеса II мог соответствовать: 1) 26 декабря 1253 г. до н. э. (в этом случае царствование Рамсеса II началось в 1304 г. до н. э.); 2) 24 декабря 1250 г. до н. э. (в этом случае Рамсес II стал царствовать в 1301 г. до н. э.); 3) 21 декабря 1239 г. до н. э. (в этом случае Рамсес II вззошел на престол в 1290 г. до н. э.); 4) 20 декабря 1228 г. до н. э. (в этом случае правление Рамсеса II началось в 1279 г. до н. э.). Считая [С. 13] наиболее вероятной третью расшифровку *pśdntjw* из Лейденского папируса (ориентируясь в данном вопросе на уже упомянутую нами работу М. Б. Роутона), Р. А. Паркер предложил оценивать 1290 г. до н. э. как год начала царствования Рамсеса II [443, с. 39—43]. Все дело, однако, в том, что и другие три расшифровки *pśdntjw* из Лейденского папируса вполне вероятны и их принятие или непринятие может обуславливаться лишь отношением исследователя к соответствующим историческим факторам.

И именно в этом вопросе позиция Р. А. Паркера оказалась поколебленной тем самым М. Б. Роутоном, на которого он сослался для обоснования своего мнения, поскольку М. Б. Роутон пересмотрел свой первоначальный вывод, базировавшийся на установлении синхронизма в царствованиях правителей Египта, страны хеттов, Ассирии и Вавилонии. Полемизируя с Э. Эделем, работу которого мы уже упоминали [205, с. 130—133], М. Б. Роутон пришел к заключению, что текст КВо I, 10 содержит письмо, отправленное Хаттусилисом III вавилонскому царю Кадашман-Эллилю II не до, а после заключения мирного договора с Рамсесом II, из чего, исходя из его выкладок, следует, что Кадашман-Тургу (отец Кадашман-Эллиля II) умер не в 1270 г. до н. э., а скорее в 1280 г. до н. э. Последний вывод делает наиболее вероятной датой воцарения Рамсеса II 1304 г. до н. э., поскольку это подтверждается, по мнению М. Б. Роутона, и вавилонскими данными, и содержанием списка ассирийских царей, изготовленного для Адад-Нерари I [486, с. 240—258].

Однако некоторые египтологи, и в частности Дж. Шмидт, посвятивший специальное исследование разработке проблемы хронологии царствования Рамсеса II, считают, что ассирийские и вавилонские списки не могут помочь в установлении абсолютной даты восшествия на престол Рамсеса II. Дж. Шмидт пишет:

«Трудности, связанные с установлением и датировкой синхронизмов между Месопотамией и Египтом на протяжении XIX династии, отвергают любую попытку контролировать египетский материал ассирийской или вавилонской хронологией... следовательно, месопотамская хронология не может помочь определить дату воцарения Рамсеса II... Принимая для воцарения Тутмоса III (год) 1490, пренебрегая хронологической возможностью соправительства Аменофиса III и Аменофиса IV и Семенхкара, выделяя Хoremхебу царствование в 25—30 лет, на что указывает надпись Меса, предоставляя Сети I царствование примерно в 11 лет, на что указывают датированные памятники, (можно установить), что наиболее вероятной датой воцарения Рамсеса II является (год) 1290» [499, с. 13]. Приведенный вывод Дж. Шмидта совпадает с сообщением К. А. Китчена: «Окончательный результат заключается в том, что все еще невозможно для воцарения Рамсеса II сделать выбор между 1304 и 1290 (годами). Однако в настоящем исследовании 1290 (год) [С. 14] будет принят как дата восшествия на престол (Рамсеса II.— И. С.)» [341, с. 322; 342, с. 310—322].

В установлении даты начала царствования Рамсеса II, к сожалению, не может помочь и решение вопроса о так называемой эре «ἄπὸ Μενόφρεως» («от Менофреоса»). О том, что собой представляет эта эра, писали многие исследователи [380, с. 167 и сл.; 489, с. 94 и сл.]. Из советских египтологов специальную статью ей посвятил В. В. Струве [541, с. 45—50]. Он попытался установить, к царствованию какого фараона XIX династии следует отнести начало упомянутой греческим математиком Теоном из Александрии особой эры, в названии которой специфическим образом хронологически локализовалось очередное начало периода Сотиса, т. е. начало цикла в 1460 лет, знаменующего совпадение гражданского и астрономического (солнечного) древнеегипетских календарей и одновременное (на широте Мемфиса) утреннее восхождение звезды Сириус (Сотис), и наступление разлива Нила. Поскольку из сочинений римского писателя Цензорина известно, что очередной период Сотиса возобновился в 139 г. н. э., то, следовательно, предшествующее начало периода Сотиса имело место в 1322 (1318)⁹ г. до н. э. Как указал В. В. Струве, в самом названии эры «ἄπὸ Μενόφρεως» («от Менофреоса») скрывается или название города Мемфис (Μενόφρης и Μέμφις) (так полагали некоторые египтологи), или указание на имя какого-то исторического лица, в царствование которого и наступил в 1322 (1318) г. до н. э. очередной период Сотиса. В. В. Струве, исходя из соответствующего греческого контекста сочинения Теона из Александрии, в котором Μενόφρης сопоставляется с Августом, пришел к выводу, что в выражении «от Менофреоса» имеется в виду не город Мемфис¹⁰, а какой-то правитель Египта по имени Μενόφρης.

В данном случае В. В. Струве согласился с мнением, высказанным еще Р. Лепсиусом, сопоставившим того, кто у Теона связывался с эрой «от Менофреоса», с человеком, чье имя могло звучать как Μενόφρης или Μενόφθης. Перед В. В. Струве возник, однако, вопрос, кто из фараонов, правивших около 1322 (1318) г. до н. э., оказался прототипом для носителя греческого имени Μενόφρης. Мернептах, сын Рамсеса II, для этого явно не подходил, поскольку он правил, несомненно, позднее 1322 (1318) г. до н. э. Вряд ли, по мнению В. В. Струве, ими являлись и кандидатуры Хoremхеба, Рамсеса I и Рамсеса II, поскольку их соответствующие тронные имена — *Dśr-ḥprw-Rʿ*, *Mn-phṯj-Rʿ* и *Wsr-mʿt-Rʿ-štp-n-Rʿ* — никак не могли в греческой транскрипции преобразоваться в Μενόφρης или Μενόφθης. Мало соответствует подобной трансформации и тронное имя Сети I — *Mn-mʿt-Rʿ*. Однако личное имя названного последним фараона — *Šthj-mr-n-Pth* — без начального *Šthj*, т. е. *Mr-n-Pth*, легко могло дать такие греческие именны́е формы, как Αμενώφης, Αμενέφης, Αμμενέφθης, а также Μενόφρης, Μενόφθης [541, с. 46].

Для заключительного, предложенного В. В. Струве толкования [С. 15] происхождения имен Μενόφρης, Μενόφθης препятствием является необходимость допущения выпадения в личном имени Сети I слово *Šthj*. Однако, по мнению В. В. Струве, в позднем и эллинистическо-римском Египте имя бога Сетха было настолько одиозным, настолько совпадающим с понятием зла, что его предпочитали не упоминать [541, с. 47]. Против последнего объяснения говорит как будто наличие имени Сетха в греческой форме Σέθως в сочинении Иосифа Флавия «Против Апиона» (I, 15), в том месте, где речь явно идет о Рамсесе II (Σέθως ὁ καὶ Ραμέσσης). Противоречит вышеприведенному толкованию и наличие имени Σέθως в списках фараонов, заимствованных из труда Манефона. В. В. Струве нашел, однако, простое объяснение затруднению, возникшему в логической цепочке его доказательства. По его словам, под греческим Σέθως в сочинениях авторов, писавших на греческом языке (т. е. в сочинениях Манефона и Иосифа Флавия), подразумевалось имя не проклятого бога Сетха, а краткое прозвище Рамсеса II, которое звучало как Сеси и по-гречески писалось как Σέσως (Σέθως), а по-коптски — как *сесωс* [541, с. 47].

Таким образом, отсутствие упоминания бога Сетха в личном имени фараона Сети I — *Šthj-mr-n-Pth*, — и преобразование в греческие формы Μενόφρης, Μενόφθης лишь древнеегипетского сочетания *Mr-n-Pth*, также относящегося к Сети I, является вполне естественным и закономерным. В итоге, по мнению В. В. Струве, получается, что в эре «от Менофреоса» логично видеть упоминание фараона Сети I, в царствование которого

в 1322 (1318) г. до н. э. произошло очередное начало периода Сотиса. Вывод В. В. Струве был позднее поддержан К. Зете [519, с. 1—7] и Э. Горнунгом [317, с. 61—62]. Соглашаясь с мнением В. В. Струве, К. Зете попытался привести некоторые текстуальные материалы в пользу идентификации имени «Менофреос» с фараоном Сети I, в царствование которого якобы были окончательно ликвидированы последствия религиозной реформы Эхнатона, что и могло побудить начать отсчитывать новую эру — эру «Возрождения».

Против соображений К. Зете выступил Я. Черны [173], предложивший сопоставлять имя «Менофреос» с Рамсесом I, чье тронное имя звучало как *Mn-phṯj-R^c*. Доводы Я. Черны были, однако, подвергнуты критике в статье Ю. Фон Бекерата [115, с. 5—9], указавшего на то, что фонетически *Mn-phṯj-R^c* никак не могло дать греческое «Менофреос». По мнению Ю. фон Бекерата, в данном случае следует подразумевать сына Рамсеса II, фараона Мернептаха, одно из имен которого в греческих списках звучало как Αμενώφης, Αμενώφης или Αμενώφθ. С выпадением первичного «А» могло образоваться имя Μενώφης, близкое к «Менофреосу» Теона. Конечно, датировка начала очередного периода Сотиса временем царствования Мернептаха была ошибкой [Мернептах стал править, несомненно, [С. 16] значительно позднее 1321 (1322) г.]. Однако в данном случае эту ошибку совершил не Теон, а те греческие авторы, на указания которых он опирался. В заключение Ю. фон Бекерат в своей статье справедливо подчеркивает, что эра «от Менофреоса» не может дать никакого указания на то, следует ли относить начало царствования Рамсеса II к 1304 г. до н. э. или к 1290 г. до н. э. Полагаем, что обе эти датировки в настоящее время могут считаться одинаково вероятными, более же точное определение абсолютной даты начала царствования Рамсеса II просто невозможно, несмотря на все попытки, которые делались в этом направлении¹¹.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЦАРСТВОВАНИЯ РАМСЕСА II

О продолжительности царствования Рамсеса II (не считая времени его соправления с Сети I) сообщает абидосская стела от 4-го года правления Рамсеса IV, содержащая следующее обращение последнего к божеству: «Удвой для меня продолжительность срока жизни и прекрасное царствование Усермаатра Сетепенра, великого бога, так как посмотри на количество полезных вещей, которые я сделал для твоего храма с целью обеспечить тебя божественными приношениями и для того, чтобы отыскать каждую радостную и каждую полезную вещь, дабы их давали в твоём храмовом дворе на протяжении этих четырех лет; оно (т. е. содеянное) более велико, чем то, что Усермаатра Сетепенра, великий бог, сотворил для тебя на протяжении своих 67 лет» [388, табл. 34—35, стк. 21—23]. Переводы данного текста см. [137, т. IV, § 470—471; 499, с. 65; в настоящее время стела находится в Каирском музее (№ 48876)].

Сведения абидосской стелы Рамсеса IV согласуются с данными одной карнакской надписи Рамсеса IV, в которой указывается, что Рамсес II царствовал 66 лет [309, с. 39—40]. О том же сообщает и папирус из Гуроба (фрагмент L) [251, с. 30—32], в котором имеются две датировки: в первой датировке упоминается «1-й месяц (периода) ахет, 18-й день», 67-го года царствования Рамсеса II, а во второй датировке — «2-й месяц (периода) ахет, 19-й день», 1-го года царствования какого-то другого фараона — несомненно, наследника Рамсеса II Мернептаха. Обе датировки разделяет интервал времени в один месяц, и, безусловно, в течение этого месяца на 67-м году самостоятельного царствования и умер Рамсес II [317, с. 95; 499, с. 64]. Вывод этот подтверждает Иосиф Флавий, который в своем труде «Против Апиона» (I, 97), ссылаясь на Манефона, писал, что Рамсес II процарствовал 66 лет и 2 месяца [552, с. 102—103]. [С. 17]

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ СТАРШЕМ БРАТЕ И СОПЕРНИКЕ РАМСЕСА II

Несколько десятилетий тому назад Дж. Брэстед попытался развить тезис о том, что Рамсес II имел старшего брата, который и должен был стать преемником своего отца на престоле фараонов. Дж. Брэстед развернул увлекательное повествование о борьбе двух старших сыновей Сети I, борьбе, закончившейся гибелью соперника Рамсеса II. Каковы же аргументы, которыми оперировал Дж. Брэстед при построении своего, несомненно, весьма интригующего предположения? Аргументы эти следующие: на внешней стороне северной стены большого гипостильного зала в Карнаке представлены сцены и надписи, повествующие о военной деятельности Сети I. Здесь особый интерес могут вызвать изображения и тексты, относящиеся к борьбе Сети I с ливийцами. По мнению Дж. Брэстеда, в данной части стены якобы сохранились наложенные друг на друга изображения двух сыновей Сети I, из которых один стал потом фараоном Рамсесом II. По словам Дж. Брэстеда, историческое значение этих изображений заключается в указании, что первенец Сети I не был его наследником Рамсесом, т. е. Рамсес II имел старшего брата, который не завладел тронном [137, т. III, , с. 62; 140, с. 130—139]. По мнению Дж. Брэстеда, старший сын Сети I вставил свое изображение по правую сторону от сцены битвы с ливийцами и по правую сторону от сцены возвращения Сети I в Египет. Впоследствии Рамсес II повелел стереть обе фигуры своего старшего брата и начертать свою собственную в сцене возвращения отца таким образом, как будто он (Рамсес II) принимал участие в борьбе с ливийцами. Кроме того, по словам Дж. Брэстеда, имеются следы подобной же подстановки и в верхней части стены на нескольких изолированных блоках с северной стороны, содержащих изображение захвата Сети I города Кадеш на Оронте. Все это позволило Дж. Брэстеду утверждать, что Рамсес II не принимал участия в битвах своего отца, который не предполагал сделать Рамсеса II своим наследником. По мнению Дж. Брэстеда, Рамсес II не взошел на трон еще ребенком в качестве соправителя. Утверждение же надписи из Абидоса и надписи на кубанской стеле о назначении Рамсеса II еще при жизни Сети I его наследником или соправителем, согласно предположению Дж. Брэстеда, было скорее всего фикцией (437, т. III, с. 59-62, 65, 71, 104, § 123, 129—131, 251, 283, фиг. 3—4; 140, с. 130—139].

Подробно толкование предыстории царствования Рамсеса II Дж. Брэстед изложил в своем капитальном труде, посвященном истории древнего Египта [25, т. II, с. 99—100]. Нужно, однако, сразу отметить, что интригующая историческая конструкция Дж. Брэстеда была поставлена под сомнение еще Эд. Мейером [406, с. 456, примеч. 2]. Ведь в карнакских сценах, повествующих о борьбе Сети I с ливийцами, изображение какого-то [С. 18] персонажа, сопровождающего Сети I, сохранилось очень плохо, и нужно было обладать большой фантазией, чтобы на столь шаткой основе развить увлекательную гипотезу о борьбе двух сыновей Сети I за власть. Впоследствии в результате тщательных эпиграфических обследований надписей Сети I в Карнаке было установлено, что Рамсес II вообще не имел старшего брата, а в качестве сопровождающего Сети I в походе был изображен «начальник лучников» (*ts pḏ.t*) и «носитель опахала» по имени Мехи [425, с. 60—61; 529, с. 275—278].

СОПРАВЛЕНИЕ РАМСЕСА II С СЕТИ I

Первым по времени документом, сообщающим о соправлении Рамсеса II со своим отцом, является посвятельная надпись из Абидоса, датируемая 1-м годом самостоятельного царствования сына Сети I [137, т. III, § 251—281; 257, 344, т. II, вып. 6, 1971, с. 323—336; 388, табл. 6; 463, т. III, 3; 506, с. 26—27]. В этой надписи Рамсес II утверждает следующее: «Когда мой отец появился перед народом, я был ребенком, находящимся между его рук. Сказал он обо мне: „Коронуем его как царя, (чтобы) видел я красоту его, пока живу“. Повелел он, чтобы объявили находящимся во внутренних покоях дворца относительно возложения двойной короны на мою голову. „Поместим для него

корону на его голову», — сказал он относительно меня в то время, когда был он (Сети I.—И. С.) на земле» [344, т. II, вып. 6, 1971, с. 327—329, стк. 49—50].

О большой власти Рамсеса II в детские годы при жизни Сети I утверждает и текст стелы из Кубана, относящейся к 3-му году независимого правления Рамсеса II [137. т. III, § 282—298; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 356; 491, с. 30; 506, с. 27, 543]: «Каждое дело проходило через твои уши с того времени, как ты руководил этой страной. Управлял ты еще тогда, когда был в яйце в твоём статусе ребенка и наследного царевича. Сообщали тебе о делах обеих земель, когда ты был еще мальчиком с локоном. Не было памятника, который возникал бы без твоего наблюдения. Не было поручения, о котором ты бы не знал. Ты стал „верховными устами“ войска, когда ты был еще мальчиком десяти лет» [344, т. II, вып. 7, 1976, с. 356, стк. 1—7]¹².

Как показал К. Зееле, время соправления Рамсеса II с Сети I может устанавливаться в результате анализа храмовых текстов и изображений, в которых сохранились следы совместной деятельности обоих правителей.

Дело в том, что для надписей Сети I характерна техника высокого, выпуклого рельефа, а для надписей Рамсеса II — техника глубокого, врезного рельефа. В период соправления Рамсеса II также использовался высокий, выпуклый рельеф, который впоследствии, когда Рамсес II стал царствовать самостоятельно, был переделан на любимый им глубокий, врезной [С. 19] рельеф. Этот рельеф использовался и в конце периода соправления. Другим отличительным признаком, времени соправления Рамсеса II с Сети I, на который обратил внимание К. Зееле, был характер тронного имени Рамсеса II, фиксируемого в надписях в период соправления в своей краткой форме — Усермаатра (*Wsr-m3^c.t-R^c*) (иногда с некоторыми дополнительными эпитетами), а с началом самостоятельного правления Рамсеса II — в полной, развернутой форме — Усермаатра Сетепенра (*Wsr-m3^c.t-R^c Stp-n-R^c*) [506]. Впоследствии выводы К. Зееле по конкретным текстам и изображениям в различных храмах, связанные с их датировкой, были уточнены В. Марнейном [425, с. 80—87; 426].

К сожалению, нет точных данных ни о длительности периода соправления, ни о том, в какой год царствования Сети I оно началось.

Как полагал К. Зееле, соправление продолжалось около десяти лет, и, следовательно, оно должно было начаться в самые первые годы царствования Сети I [506, с. 29]. Дж. Д. Шмидт пришел к выводу, что соправление было провозглашено в 8-й год царствования Сети I и длилось около четырех лет [499, с. 158—160].

По мнению В. Марнейна и А. Спэрлингера, соправление Рамсеса II с Сети I было очень кратковременным, так как продолжалось немногим более одного года, начавшись в конце 9-го года царствования Сети I [425, с. 57—87; 426, с. 189—190; 427, с. 41—43; 529, с. 271, 284—286]. Особо следует отметить, что В. Марнейн поддержал вывод Дж. Д. Шмидта, согласно которому отсчет своего царствования Рамсес II начал вести еще в период соправления с Сети I [425, с. 80—87; 426, с. 188; 499, с. 158—160]. Точка зрения Дж. Д. Шмидта о времени начала Рамсесом II отсчета годов своего царствования не стала общепринятой, и в момент ее выдвижения из египтологов ее разделяли только Е. Дриотон и Ж. Вандье [204, с. 388].

Позднее, когда точку зрения Дж. Д. Шмидта поддержал В. Марнейн, она также не получила всеобщего признания, о чем свидетельствует критика ее А. Спэрлингером [529, с. 284]. Утверждение Дж. Д. Шмидта и В. Марнейна, что Рамсес II, еще будучи соправителем Сети I, уже начал вести отсчет годов своего царствования, нам представляется недоказуемым. Это утверждение, как и вывод о начале соправления в 8-й или 9-й год царствования Сети I, не согласуется с теми данными, который нам известны о возрасте Рамсеса II, когда он был назначен соправителем. Ведь если соправление Рамсеса II началось, когда ему было 10 лет, а продолжалось оно около четырех или двух лет, то, следовательно, Рамсес II стал править самостоятельно в возрасте всего лишь 14 или 12 лет. Но это совершенно невозможный вывод, особенно если принять во внимание свидетельства текстов

и изображений в храме в Бейт эль-Вали [479; 476], которые сообщают о том, что в годы своего [С. 20] соправления Рамсес II вместе со своими четырьмя старшими сыновьями якобы принял участие в военных действиях в Нубии, которые вел в 8-й год своего царствования Сети I [529, с. 284—285]. Наиболее сильный аргумент Дж. Д. Шмидта, который, по его мнению, должен был обосновать вывод, что Рамсес II начал отсчет своего царствования в 8-й год правления Сети I, также не представляется нам неотразимым. Дж. Д. Шмидт упомянул две синайские стелы в Серабит эль-Кадиме, из которых одна датируется 8-м годом правления Сети I, а другая — 2-м годом царствования Рамсеса II. Поскольку обе стелы были поставлены не только одними и теми же лицами, но и в одном и том же месте, Дж. Д. Шмидт и пришел к выводу, что обе датировки на обеих стелах соответствуют одному и тому же времени и, следовательно, Рамсес II начал отсчет своего царствования еще в период соправления с Сети I [499, с. 158—160; 426, с. 189—190]. По этому поводу мы можем сказать следующее. Сам факт сооружения обеих стел в одном и том же месте одними и теми же лицами еще не может обязательно служить доказательством постановки их в одно и то же время. Вторая стела, датированная 2-м годом царствования Рамсеса II, могла быть воздвигнута и позднее первой, т. е. уже после смерти Сети I и во 2-й год самостоятельного правления Рамсеса II. Если учитывать, что Сети I умер на 11-м году своего царствования¹³, то тогда две синайские стелы — от 8-го года Сети I и 2-го года Рамсеса II — могли быть поставлены совсем через небольшой отрезок времени, всего лишь в пять лет, т. е. в срок вполне приемлемый, когда это могли сделать одни и те же люди в одном и том же месте.

Синайские стелы не могут помочь обосновать и тезис о начале соправления в 8-й год царствования Сети I. На одной из этих стел в верхней части изображены Сети I и Рамсес II, а и тексте упоминаются как Сети I, так и «его царский сын Усермаатра...». Вопреки мнению В. Марнейна, наименование Рамсеса II «его царским сыном» не означает, что Рамсес II еще не был провозглашен соправителем [426, с. 189—190]. Скорее из данной записи следует сделать вывод, что в 8-й год царствования Сети I Рамсес II уже был соправителем, коль скоро он обозначен тронным именем Усермаатра, причем это тронное имя приводится здесь, возможно, в своей краткой форме, характерной для соправления. Во всяком случае, и, в этом В. Марнейн прав, синайские стелы, вопреки утверждению Дж. Д. Шмидта, ничего не сообщают о провозглашении Рамсеса II соправителем в 8-й год царствования Сети I, согласно же А. Спэрлингеру, синайские стелы вообще не имеют никакого отношения к проблеме соправления [529, с. 286, примеч. 79].

Обосновывая свое мнение, что Рамсес II был провозглашен соправителем в конце 9-го года царствования Сети I, В. Марнейн ссылается прежде всего на одну стелу Сети I из Асуана, датированную 9-м годом его правления, в которой Рамсес II [С. 21] упоминается всего лишь в качестве старшего сына Сети I, но не как его соправитель [295, с. 113—125; 426, с. 190]. По этому поводу, однако, А. Спэрлингер справедливо заметил, что, поскольку данная стела была поставлена от имени Сети I, а не от имени Рамсеса II, в тексте на этой стеле могла подчеркиваться преимущественная позиция Сети I, игнорирующая его соправление с Рамсесом II [529, с. 282].

Решать проблему начала периода соправления и его длительности невозможно без учета данных текстов и изображений в храме в Бейт эль-Вали, в которых имеются точные указания на наличие у Рамсеса II в период строительства этого храма четырех сыновей, якобы достаточно взрослых для того, чтобы принимать участие в военных действиях, которые вел в Нубии Сети I в 8-й год своего правления (по общему мнению, храм был построен Рамсесом II в период его соправления в 9-й год царствования Сети I). В. Марнейн совершенно не затронул эту проблему, а А. Спэрлингер предложил такое ее решение, которое может вызвать только недоумение: «Как мы можем заключить, Рамсес II был зачислен в войско в раннем возрасте в ранге командира, и он должен был быть рожден до восшествия Сети I на престол. К восьмому (году Сети I.— *И. С.*) — времени нубийской войны — он был достаточно взрослым для того, чтобы породить четырех детей, и, следуя за свидетельством стелы из Кубана... ему было по крайней мере десять лет от роду.

Впоследствии он был коронован как царь» [529, с. 283]. Десятилетний мальчик, конечно, не мог бы иметь четырех сыновей, и притом настолько великовозрастных, чтобы они вместе с ним могли принимать участие в войне, которую вел в Нубии их дедушка Сети I.

Загадку надписей и изображений храма в Бейт эль-Вали можно объяснить следующим образом. После войны в Нубии, которую вел Сети I в 8-й год своего царствования, Рамсес II был назначен в 9-й год правления Сети I не соправителем своего отца, а всего лишь ответственным за строительство пещерного храма в Бейт эль-Вали. Если считать, что десятилетним мальчиком Рамсес II был провозглашен соправителем уже в 1-й год правления Сети I, то тогда в 9-й год царствования Сети I Рамсесу II должно было быть 19 лет. В этом возрасте он, конечно, уже мог иметь четырех сыновей, старшему из которых могло бы быть около шести лет. Конечно, малые дети не принимали участия в нубийской войне, но, поскольку их отец Рамсес II руководил строительством храма в Бейт эль-Вали, он распорядился изобразить их как участников нубийской кампании Сети I.

Итак, только возврат к выводу К. Зееле о длительном, десятилетнем периоде соправления, начавшемся в самые первые годы царствования Сети I, позволяет достаточно хорошо разрешить очень сложную проблему. В год смерти Сети I Рамсесу II, как мы полагаем, было около 21 года (считая, что соправление продолжалось в течение всех 11 лет царствования [С. 22] Сети I). Если в качестве самостоятельного правителя Рамсес II царствовал более 66 лет, то, следовательно, умер он на 88-м году жизни¹⁴.

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАМСЕСА II В АЗИИ (ВОЙНЫ СЕТИ I)

Первые два десятилетия своего царствования Рамсес II вел упорную борьбу в Азии с хеттским царем Муваталлисом, стремясь укрепить господство Египта в Палестине, Финикии, Сирии. Находимые по всему Египту и Нубии изображения и тексты, начертанные на стенах храмов, повествуют о доблести Рамсеса II как фараона-воина и о его многочисленных победах. Перед своими современниками и потомками Рамсес II хотел предстать в качестве великого завоевателя. Насколько эти претензии были оправданны, мы постараемся показать ниже. Однако не подлежит сомнению, что Рамсес II в течение многих лет совершал регулярные походы в страны Азии, заставив их вновь почувствовать военную мощь египетской державы.

Военная политика Рамсеса II в Азии была направлена на достижение тех же целей, что и политика его отца Сети I, и поэтому освещение военных акций последнего представляет несомненный интерес (о войнах Сети I см. [228, с. 34—39; 303, с. 189—194; 406, с. 449—456; 528]).

Предварительно скажем несколько слов о международной обстановке того времени.

В правление Эйи, после убийства в Египте хеттского царевича, сына Суппилиумаса, которого вдова Тутанхамона хотела взять в супруги и сделать фараоном [285, с. 94—110; 303, с. 186; 346, с. 48], в Южной Сирии, в районе Амка [500], встретились хеттское и египетское войско. Во главе египетского войска стоял Хоремхеб. Начавшееся сражение закончилось безрезультатно, так как от египетских пленных в хеттском войске распространилась эпидемия чумы, от которой вскоре погиб и хеттский царь Суппилиумас, что, однако, не изменило неблагоприятную для Египта обстановку в Азии. Вся Северная Сирия, включая долину Оронта, вместе с княжеством Кадеш, оказалась в сфере влияния хеттов. Египетская провинция в Южной Сирии (без Кадеша) и Ханаан (Палестина) остались за Египтом, однако и в этих районах было очень неспокойно, поскольку постоянные мятежи отдельных вассальных правителей, действовавших в союзе с так называемыми хапиру, делали власть Египта крайне непрочной. Таким образом, огромные завоевания Тутмоса I, Тутмоса III, Аменхотепа II были практически к концу эпохи XVIII династии сведены на нет, и фараонам новой, XIX династии пришлось начинать все сначала.

Как писал Р. О. Фолкнер [228, с. 34—39], после смерти Эхнатона, при Тутанхамоне, будущий фараон Хoremхeб, согласно его надписи, совершил военную экспедицию в Палестину, [С. 23] «охраняя ноги своего господина на поле битвы в день избиения азиатов». Сам Тутанхамон на раскрашенном ларце из его гробницы представлен устремляющимся на колеснице против врага — семита; Правитель Нубии — «царский сын Куша» Хеви сообщает о принесении Тутанхамону даров Куша и Азии [189, табл. 19]. Очень сомнительно, однако, чтобы в это время какая-либо значительная территория в Азии была вновь подчинена Египтом. После своего воцарения Хoremхeб был полностью занят установлением порядка в долине Нила и лишь одну несомненную экспедицию предпринял в Куш для подавления мятежа [382, т. III, с. 120 и сл.; 137, т. III, с. 41 и сл.]. Список покоренных народов, представленный в Карнаке Хoremхeбом, включающий и царство хеттов, явно фиктивен, так как в это время Египет не мог совершить значительный военный поход в Азию и, бесспорно, не вступал в непосредственное столкновение с хеттами. Возможно, в данном случае Хoremхeб как бы подводил итог своей деятельности в качестве военачальника при Тутанхамоне.

Преемник Хoremхeба — Рамсес I при вступлении на престол был уже старым человеком, однако его сын Сети I, еще будучи соправителем своего отца, готовился к восстановлению владычества Египта в Азии. Став фараоном, Сети I осуществил свой замысел, предприняв ряд походов, сведения о которых дают тексты и изображения на внешней стороне северной стены большого гипостильного зала в Карнакском храме, представляющие собой три регистра, в которых рассказывается о битвах, покорении чужеземных вождей, триумфальном возвращении Сети I в Египет и принесении пленных в жертву Амуну [137, т. III, с. 80; 577, табл. 34 и сл.]. Как установил Дж. Брэстед, здесь суммируются сведения о нескольких военных походах, хотя упоминается только один — в 1-й год царствования Сети I [137, т. III, с. 39]. Художник, по-видимому, стремился представить походы Сети I в хронологическом порядке, начиная с нижнего регистра, слева от дверного проема, который разделяет северную стену гипостильного зала Карнакского храма примерно на две равные половины (по обе стороны от дверного проема изображены сцены избиения пленных перед Амуну). В нижнем регистре, слева от дверного проема, под 1-м годом правления Сети I содержатся сведения о покорении племен кочевников-шасу [266] и опустошении города (?) Канаана. В средней части вышерасположенного регистра речь идет о захвате Иеноама, который был осуществлен, согласно данным стелы из Бейт-Шеана, также в 1-й год царствования Сети I. Здесь же говорится о подчинении правителей Ливана. Если, согласно Дж. Брэстеду [137, т. III, с. 40], Сети I повторял военные планы Тутмоса III, то тогда разрушенная часть верхнего левого регистра должна была, по мнению Р. О. Фолкнера, свидетельствовать о покорении аморитских морских портов в Северной Сирии, наиболее важным из которых была Симира, так как ее [С. 24] захват отрезал город Кадеш на Оронте от поступления военных подкреплений и припасов. Подобная точка зрения Р. О. Фолкнера подтверждается тем фактом, что надписи Сети I неоднократно упоминают города Симиру и Уллазу. По правую сторону от дверного проема, на северной стене гипостильного зала Карнакского храма, помимо сцен принесения пленных в жертву Амуну в верхнем правом регистре говорится о захвате Кадеша на Оронте. (Падение Кадеша было необходимым условием для проникновения египетских войск на просторы Северной Сирии.) Средняя часть правого регистра посвящена борьбе с ливийцами, а его нижняя часть говорит о победе Сети I над хеттами. Таким образом, если анализировать надписи и изображения, сгруппированные в три регистра на северной стене большого гипостильного зала Карнакского храма в том порядке, в котором предложил их рассматривать Р. О. Фолкнер — с нижнего регистра к верхнему регистру (слева от дверного проема) и с верхнего регистра к нижнему регистру (справа от дверного проема), то тогда все военные эпизоды, за исключением борьбы с ливийцами, окажутся расположенными в логически обусловленной последовательности, отражающей стремление Сети I покорить Северную Сирию. (Анализ карнакских военных сцен Сети I осуществил А. Спэрлингер; см. [528; 529, с. 277—279].)

Итак, в 1-й год своего царствования Сети I совершил военную акцию против племен кочевников шасу в Южной Палестине и захватил дорогу вдоль северного побережья Синайского полуострова. Вдоль этой дороги были приведены в надлежащее состояние колодцы с устроенными для их охраны военными постами [237, с. 19 и сл., табл. II, 12]. Многие из этих постов были названы именем Сети I. Покорив племена шасу и захватив города Рафу и Канаан (Газу?) [237, с. 104; 577, табл. 39], Сети I прошел через приморскую равнину Южной Палестины. Однако это не явилось пределом его продвижения в Азии, поскольку раскопки в Бейт-Шеане обнаружили стелу, датируемую 1-м годом правления Сети I, в которой сообщается о следующем: «В этот день пришли сказать его величеству, что подлый враг, который был в городе Хамате, собрал для себя много людей и захватил город Бейт-Шеан, заключив союз с (городом) Пеллой, и он не позволил правителю Рехоба выйти наружу. И Его Величество послал первое войско Амуна, могучего луками, к городу Хамату, и первое войско Ра, богатого доблестями, к городу Бейт-Шеану, и первое войско Сутеха, победоносного луками, к городу Иеноаму. И это пришло к завершению в течение одного дня — то, что они (города) пали из-за мощи его величества, царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра, сына Ра, Сети Мернептаха, которому дана жизнь» [228, с. 36]. (В настоящее время стела Сети I из Бейт-Шеана хранится в музее Иерусалима, № 885; см. [278].)

По мнению Р. О. Фолкнера, надпись на стеле из Бейт-Шеана указывает на то, что египетское войско под водительством [С. 25] Сети I после сокрушения города (?) Канаана проникло на просторы равнины Йизреэля. Крепость Мегиддо не оказала сопротивления продвижению египетских войск, и, очевидно, город Бейт-Шеан, как и менее крупный город Рехоб, поддержал египтян. Согласно надписи стелы из Бейт-Шеана, продвижение войск Сети I к городам Бейт-Шеан, Хамат и Иеноам было осуществлено одновременно. Город Хамат, о котором идет речь в надписи на стеле из Бейт-Шеана, находился на берегу Галилейского озера (или несколько южнее, у начала долины Ярмука. Данный Хамат не следует смешивать с городом Хамат на р. Оронт, в 70 км вниз по течению от Кадеша). В надписи на стеле из Бейт-Шеана ничего не говорится о попытках освободить Рехоб, который располагался в долине Йизреэля, недалеко от Бейт-Шеана и р. Иордан. Ничего не сообщается в надписи на стеле из Бейт-Шеана также о продвижении в сторону города Пелла, находившегося к юго-востоку от Бейт-Шеана. Этот город, однако, несомненно, покорился Сети I перед его возвращением в Египет, поскольку данное название встречается в списке подчиненных местностей, начертанных на сфинксе из заупокойного храма Сети I в Курна [382, т. III, с. 131, а; 137, т. III, с. 114]. (Сети I поставил стелу в Телль эс-Шихабе, в Хауране, в 35 км восточное Галилейского озера [228, с. 36].) По-видимому, в первом военном походе египтяне захватили и морские порты Акра и Тир, как об этом сообщается в перечне на сфинксе из Курна. Захват Иеноама, ливанского (?) города Гадер [577, табл. 34 и сл.] и подчинение правителей Ливана явились главными успехами Сети I, достигнутыми в первом военном походе в Азию, после чего фараон триумфатором вернулся в Египет [228, с. 37; 237, табл. 11; 406, с. 434, примеч. 1]. Интересно отметить, что надпись на стеле из Бейт-Шеана дает возможность получить некоторое представление о структуре египетского войска во времена Сети I, поскольку здесь впервые упоминаются крупные военные подразделения, названные по имени основных богов Египта — Амуна, Ра и Сутеха (Сетха). Эти подразделения характеризуются как «первые», из чего позволительно предположить существование и «вторых» подразделений, возможно, как думал Р. О. Фолкнер, резерва, находящегося в Египте [228, с. 37]. (Об организации египетского войска в эпоху Нового царства см. [68, с. 141—150; 226; 503].)

Записи о втором военном походе Сети I в Карнаке отсутствуют, поскольку они занимали верхнюю, разрушенную часть левого регистра на северной стене гипостильного зала. Однако факт наличия в перечне покоренных местностей на сфинксе из Курна городов Симиры и Уллазы позволяет предполагать, что в утраченных сценах и записях в Карнаке речь шла о завоевании части аморитского побережья с главным портом Симирой. Захват Кадеша на Оронте, который был осуществлен во время третьего военного похода,

зафиксирован в записях и сценах сохранившейся части верхнего правого регистра на северной [С. 26] стене гипостильного зала Карнакского храма [577, табл. 53].

М. Пезард открыл в Кадеше на Оронте стелу, согласно которой Сети I овладел этим важным городом, открывавшим путь в Северную Сирию. Тем самым было опровергнуто предположение Эд. Мейера и Дж. Брэстеда, что Сети I покорил лишь Кадеш галилейский [137, т. III, с. 71; 406, с. 451]. Как говорится в надписи в Карнаке, сопровождающей изображение крепости Кадеш, в данном случае имеется в виду «поднятие, которое совершил фараон для того, чтобы разрушить страну Кадеш и страну Амор». Следовательно, захват Кадеша на Оронте и подчинение «страны Амор» были осуществлены во время одного военного похода. Поскольку сцена овладения Кадешем на Оронте представлена на краю северной стены гипостильного зала Карнакского храма, в наибольшем отдалении от центрального дверного проема, постольку, полагал Р. О. Фолкнер, Кадеш был крайним северным географическим пунктом, до которого дошло тогда египетское войско Сети I [137, т. III, с. 80; 228; 237, с. 99].

В записи на сфинксе из Курна Сети I упоминает страну Тахси, южная граница которой пролегла недалеко от Дамаска. Эд. Мейер во временном плане относил военный поход Сети I, в котором был захвачен Кадеш на Оронте, непосредственно за столкновением с хеттами. Нет, однако, никаких доказательств того, что сфера влияния царства хеттов при Сети I пролегла южнее Кадеша. В амарнский период долина к югу от Кадеша находилась в районе египетского подчинения. План Сети I форсировать успех при Кадеше на Оронте был ликвидирован вторжением в дельту Нила ливийцев. По этой причине четвертый военный поход Сети I, зафиксированный в центральном правом регистре записей и сцен, изображенных на северной стене гипостильного зала в Карнаке, был посвящен ликвидации в двух сражениях угрозы Египту с запада [137, т. III, с. 120 и сл.]. Дж. Брестед склонялся к тому, чтобы отнести борьбу Сети I с ливийцами ко 2-му году его царствования, полагая, что это произошло перед вторым азиатским походом [137, т. III, с. 120]. Тот факт, однако, что в Карнаке борьба с ливийцами изображена после захвата Кадеша на Оронте и перед победой над хеттами, указывает скорее на пресечение ливийской опасности в промежуток времени между двумя этими событиями. В своем последнем военном походе Сети I встретился с хеттами и разгромил их, захватив пленных и добычу [137, т. III, с. 142 и сл.]. Неизвестно, где произошла эта битва, но, по-видимому, это случилось к северу от Кадеша на Оронте.

Победа Сети I, однако, не была решающей. Она не нанесла существенного ущерба хеттской державе. Хотя на время египетский контроль и распространился на часть Северной Сирии, включавшую города Катну и Тунип, о чем сообщают записи Сети I, несомненно, к концу своего правления Сети I потерял все свои северные завоевания. Неудачи Египта не нашли отражения на северной стене гипостильного зала Карнакского [С. 27] храма, однако весьма показательны, что Рамсесу II уже в первом военном походе пришлось брать город Берит. Конечным результатом войн, которые вел Сети I, было установление в Азии северной границы египетского влияния, которая проходила приблизительно от устья р. Эль-Литани на восток, оставляя в руках египтян города Тир, Мегиддо и Бейт-Шеан, использованные, возможно, в качестве военных постов. Совершив максимум осуществимого, Сети I заключил мирный договор с хеттским царем Муваталлисом [193, с. 129] и больше не вёл никаких войн¹⁵. Хотя Сети I не удалось восстановить владения Египта в Азии в том объеме, в котором они были во времена Тутмоса III и Аменхотепа III, отец Рамсеса II все же преуспел в распространении египетского авторитета на всю Палестину и, возможно, на часть Южной Сирии. В результате в Азии установилось равновесие сил между Египтом и хеттами, и, по мнению Р. О. Фолкнера, для обеих держав было бы благом, если бы Рамсес II признал этот факт [228, с. 39]. В своих надписях Сети I говорит о подчинении стран Хета, Нахарина, Алашия (Кипр), однако всерьез принимать эти отчеты, конечно, нельзя. Правдой было лишь то, что Сети I один раз одержал победу над хеттами и на какое-то время захватил контроль над владениями союзников хеттов в Северной Сирии.

ВОЙНЫ РАМСЕСА II В АЗИИ

К концу правления Сети I его завоевания в Северной и Южной Сирии были потеряны. Кадеш на Оронте попал в сферу влияния хеттов. Соглашение Сети I с Муваталлисом оказалось кратковременным перемирием. Сын Сети I — Рамсес II продолжил политику своего отца в Азии, в течение многих лет ведя упорную борьбу с могущественной державой хеттов¹⁶. Наиболее ярким эпизодом этой борьбы стало прославленное в египетских памятниках сражение под стенами Кадеша на Оронте, происшедшее в 5-й год царствования Рамсеса II, во время его второго азиатского похода. Наследник Сети I был вынужден вновь укреплять пошатнувшееся влияние Египта в Палестине и на средиземноморском побережье Финикии, с тем чтобы обеспечить себе тыл для дальнейшей борьбы с хеттами за обладание Сирией. Основным препятствием для проникновения египетского войска на просторы союзной с хеттами Сирии, как и при Сети I, стал город Кадеш на Оронте, где и разгорелась знаменитая битва между войском Рамсеса II и объединенными силами возглавленной хеттами обширной коалиции сирийских вассалов Муваталлиса.

Насколько можно судить, опираясь на свидетельства сохранившихся источников, Рамсес II совершил несколько походов в Азию. Первый из них датируется 4-м годом царствования Рамсеса II, о чем говорится в надписи на так называемой [С. 28] средней стеле, поставленной Рамсесом II у р. Эль-Кельб (Собачьей реки), к северу от Берита [344, т. II, вып. 1, 1969, с. 1; 345, с. 68, примеч. 1; 382, т. III, с. 197, в; 463, т. III, с. 385]. По-видимому, в данном случае Рамсес II (как когда-то и Сети I) стремился подчинить морское побережье Палестины и Финикии в качестве необходимой предпосылки дальнейшего успешного ведения борьбы с хеттами.

Второй поход Рамсеса II завершился (в 5-й год его царствования) наиболее хорошо освещенной египетскими памятниками битвой под стенами Кадеша на Оронте. (Об этом сражении мы будем говорить особо.)

Как засвидетельствовано на западной стороне пилона в Рамессеуме [303, с. 219—220; 345, с. 68, примеч. 4; 344, т. II, вып. 3, 1970, с. 148—149; 577, табл. 90—91], в 8-й год правления Рамсеса II военные действия происходили в Палестине, Финикии и Сирии. Рамсесу II удалось осадить и взять штурмом город Дапур в Северной Сирии (в «стране Амор»), а также ряд городов в Северной Палестине.

В 10-й год царствования Рамсес II вновь вторгся в Финикию, на что указывает поставленная им у р. Эль-Кельб южная стела [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 149; 345, с. 68, примеч. 5; 382, т. III, с. 197, с; 463, т. VII, с. 385]. (У р. Эль-Кельб имеется еще северная стела, поставленная Рамсесом II, но ее текст полностью разрушен [344, т. II, вып. 1, 1969, с. 1].) В это же время Рамсес II совершил военный поход в Северную Сирию, о чем сообщают серии рельефов в Карнаке и Луксоре и другие памятники [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 148—149, 152—175, 183—186, 192, т. II, вып. 5, 1971, с. 288; 345, с. 68, примеч. 6—8; 463, т. II, с. 23—24 (66—73), 108—109 (117—125); 577, табл. 54—56а, 65—80]. В Северной Сирии был захвачен город Тунип.

По-видимому, в период борьбы Рамсеса II в Сирии или несколько позже произошли какие-то смуты в Палестине. Недатированная сцена в Карнаке изображает подчинение города Ашкелона [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 150; 345, с. 68, примеч. 9; 577 табл. 58].

В 18-й год своего правления Рамсес II был в Палестине, в районе Бейт-Шеана, о чем свидетельствует обнаруженная здесь базальтовая стела, находящаяся в настоящее время в музее Филадельфийского университета [177, с. 75—82; 344, т. II, вып. 3, 1970, с. 150—151; 345, с. 68, примеч. 10; 463, т. VII, с. 379; 469, с. 255, в; 483, табл. 46]. (В Бейт-Шеане были обнаружены развалины египетской крепости и храма, относящихся ко времени Рамсеса II.)

В период между 11-м и 20-м годами своего правления Рамсес II был занят укреплением египетского господства в Палестине. В это же время его войско проникало в Заиорданье (в Эдом и Моав) [345, с. 69]. В 21-й год правления Рамсеса II был заключен мирный договор с хеттами. [С. 29] По мнению Д. Шмидта [499, с. 98], наибольшая активная

военная деятельность Рамсеса II в Азии наблюдалась в первом, десятилетии его царствования. Совершал ли Рамсес II походы в Азию в течение двух лет после Кадешского сражения, остаётся неизвестным. Однако в 8-й год своего правления Рамсес II, как мы уже говорили, снова был в Палестине, Финикии и Сирии [330; 334, т. II, вып. 3, 1970, с. 148—149]. В Рамессеуме на первом пилоне сохранились изображения городов, захваченных Рамсесом II [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 148—149] и снабженных припиской: «Город, который его величество захватил в 8-й год царствования». О деятельности Рамсеса II в Палестине свидетельствует изображение в Карнаке (рядом с текстом мирного договора с Хаттусилисом III) захвата города Ашкелона. Д. Шмидт в данной связи предполагает, что в тот момент в Египте и в Палестине произошли какие-то смуты, в определенной степени подтолкнувшие Рамсеса II на заключение мирного договора с хеттами [499, с. 178]. Во всяком случае, имеются неоспоримые свидетельства о вторжении египтян в Палестину и в Заиорданье после 10-го года царствования Рамсеса II.

К. А. Китчен тщательно проанализировал материалы о военных походах Рамсеса II в Заиорданье [345, с. 47—70]. Материалы эти представляют несомненный интерес, так как затрагивают малоисследованную проблему, и по этой причине заслуживают специального рассмотрения. В конце прошлого века Э. Барэз произвел обследование внешней стороны северного конца восточной стены большого двора Рамсеса II в Луксорском храме. При обследовании были обнаружены сцены военных действий в Азии и сопутствующие надписи, опубликованные еще в 1922 г. Ш. Куентцем [345, с. 47, примеч. 2]. К. А. Китчен дал новое воспроизведение и толкование надписей из Луксора, что позволяет представить район Заиорданья, в который не раз вторгалось войско Рамсеса II. Выделить в данном случае в первую очередь следует надписи, сообщающие о захваченных египтянами городах.

Надписи эти следующие: «Город, который разграбила могучая рука фараона, ж.н.з., в стране Моав, *B(w)trt*». «Город, который разграбила могучая рука фараона, ж.н.з., *Šbdn*» [345, с. 50]. «Город, который разграбила [могучая рука] фараона, ж.н.з., *Yn(?)d...* в горах *Mrrn*». «[Город, который] [разграби]ла могучая рука фараона, ж.н.з., *Tbniw*». «Город, который разграбила могучая рука фараона, ж.н.з., *D...tdniwr*» [345, с. 53]. «Город, который... разграбила... *p3 [...k/r-d]*» [345, с. 56]. «Город, который разграбил его величество, *Krmyn*» [345, с. 57] «Город, который разграбила могучая рука фараона, ж.н.з. *I[p]k*» [345, с. 60].

Итак, в надписях, приведенных выше, упоминаются следующие города и территории: Моав. *B(w)trt*, *Šbdn*, *Yn(?)d...* в горах [С. 30] *Mrrn*, *Tbniw*, *D...tdniwr*, *p3 [...k/r-d]*, *Krmyn*, *I[p]k*. По мнению К. А. Китчена, территория Моава зафиксирована употребленным термином *Mwib*, что же касается города *B(w)trt*, то его локализация в Моаве установлена. Город *Šbdn* — это Шабтуна, известная по текстам, описывающим битву при Кадеше на Оронте. Город *Yn(?)d...* в горах *Mrrn* нигде более в источниках не упоминается, но можно полагать, что, подобно *B(w)trt*, *Yn(?)d...* в горах *Mrrn* также находился в Моаве. *Tbniw* — это хорошо известный по Библии моавитский город Дибон, или Дэбон [современный Дибан (Dhibān)]. *D...tdniwr*, а точнее, *[Dt-]dniwr*, или *[Drt-]dniwr*, — город неизвестного местонахождения. Наименование местности *p3 [...k/r-d]* и города *Krmyn* К. А. Китчен не расшифровывает.

Город *I[p]k* обычно встречается в списках рядом с городом *Krmyn*, в частности в текстах Рамсеса II, помещенных в большом гипостильном зале в Карнаке [345, с. 61, 63]. (Тексты Рамсеса II в Карнаке в отличие от надписей Сети I, по мнению К. А. Китчена, аморфны и не могут быть точно «привязаны» к какому-либо определенному военному походу.) На восточной стене большого двора Луксорского храма и в карнакских текстах города *Krmyn* и *I[p]k* занимают верхний регистр соответствующих надписей, в то время как город *Šbdn*-Шабтуна — нижний регистр [345, с. 63]. Город Дибон находится немного к северу от р. Арнон и на восток от Мертвого моря. Труднее локализовать город *B(w)trt*. Возможно, как предполагает К. А. Китчен, он соответствует пункту Раба-батора, в 92 км к югу от Аммана [345, с. 64]. Город *Yn(?)d...* в горах *Mrrn* скорее всего находился на отрогах моавского плато, западнее дороги, протянувшейся с севера на юг вдоль восточного берега Мертвого моря [345, с. 65]. Войско Рамсеса II проникло в Заиорданье севернее р. Арнон,

захватило Дибон и вторглось на моавское плато, между Арноном и р. Зеред. Возможно, что движение египетского войска осуществлялось мимо Гезера, в направлении Айлонской долины, через холмы Иудеи и р. Иордан, к северо-восточному берегу Мертвого моря [345, с. 65—66].

Рамсес II претендовал также на захват территории Эдома, о чем сообщает стела, поставленная в восточной дельте Нила, в Телль эр-Ратабе: «Совершение великого избиения в стране шасу. Он разграбил их холмы. Избиение их (людей) и застройка (вновь?) городами, носящими его имя» [241, с. 267, примеч. 1; 243, с. 89, примеч. 1; 345, с. 66; 454, табл. 28, 32]. На одном обелиске из Таниса о Рамсесе II сказано, что он «ужасный, свирепствующий лев, который разграбил страну шасу, который опустошил гору Сеир своей доблестной рукой» [345, с. 66]. Страна кочевников-шасу сопоставляется здесь с горой Сеир, расположенной в Эдоме, и, таким образом, активность Рамсеса II в Эдоме, как и в Моаве, несомненна. К. А. Китчен поднимает вопрос о том, подчинил Рамсес II Моав и Эдом в [С. 31] течение одного похода или двух. Дать определенный ответ на подобный вопрос в настоящее время не представляется возможным. Если Моав и Эдом были покорены в течение одного похода, то тогда К. А. Китчен предполагает движение египетского войска на восток, через Палестину и Иордан, в Моав, а затем на юг, в Эдом. Если же Моав и Эдом были подчинены Рамсесом II в результате двух военных экспедиций, то тогда можно представить себе северный путь египетского войска через Палестину и Иордан в Моав и южный путь — в Эдом [345, с. 67].

Как мы уже отмечали, К. А. Китчен предполагает военную активность египтян в Палестине и в Заиорданье, в Моаве и Эдоме в период между 11-м и 20-м годами царствования Рамсеса II [345, с. 69]. Как об этом засвидетельствовано стелой в Телль эс-Шихабе, Северное Заиорданье при Сети I было подчинено Египту [345, с. 69, примеч. 5]. Сети I вел борьбу и с племенами шасу, которые поднимали волнения и угрожали Египту в обширном районе от Силе (на границе восточной Дельты) до Южной Палестины (на Синае, в Негеве, в местности к югу от Мертвого моря и восточнее). Возникновение новых царств Эдома, Моавы и Аммона вызвало волнения в Палестине и по обе стороны р. Иордан. Начиная с царствования Рамсеса II Египет поддерживал постоянные контакты с территориями Моавы и Эдома [345, с. 69]. Новая информация в данном случае, по мнению К. А. Китчена, может быть добавлена к сообщению Библии о времени проникновения израильтян в Палестину [345, с. 70]. Как утверждает К. А. Китчен, моавитяне сначала заняли не только земли между реками Зеред и Арнон, но и район к северу от Арнона, вплоть до Хесбона на плато Медеба [345, с. 64]. Но аморитский царь из Гилеада по имени Сихон отнял у моавитян плато Медеба, вследствие чего они оказались оттесненными на юг, за р. Арнон. В это же время в Моаве появился новый царь Балак. Во времена Балака израильтяне расположились на восточных границах Эдома и Моавы.

По мнению К. А. Китчена, Рамсес II не мог вторгаться в Моав и Эдом после израильского нашествия, поскольку в последнем случае можно было бы ожидать упоминание Израиля в надписях Рамсеса II [345, с. 70, примеч. 7]. Реалистичнее предполагать, что походы Рамсеса в Моав и Эдом совершались до появления в этом регионе израильтян. Можно, согласно К. А. Китчену, ожидать следующую последовательность событий, происходивших в Моаве и Эдоме. Сначала, во второе десятилетие своего правления, Рамсес II — в ходе одной или двух военных экспедиций — вторгся в царства Моав и Эдом, о чём сообщают надписи в большом дворе Луксорского храма. Позднее аморитский царь Сихон захватил моавитскую территорию к северу от Арнона. Новым моавитским царем стал Балак.

Вторжения Рамсеса в Моав и Эдом имели место где-то в первой половине XIII в. до н. э., однако временные промежутки [С. 32] между всеми последующими событиями определить невозможно. Если движение израильтян через Иордан в Палестину произошло во второй половине XIII в. до н. э., то тогда сообщения Рамсеса II о его победах в Заиорданье добавляют некоторые сведения полезные для лучшего понимания рассматриваемой эпохи.

БИТВА ПРИ КАДЕШЕ НА ОРОНТЕ

Из всех военных акций Рамсеса II наиболее подробно в египетских памятниках освещена битва под стенами Кадеша на Оронте, происшедшая в 5-й год его царствования, во время второго азиатского похода. На стелах многочисленных храмов описаны и изображены героические деяния молодого фараона, представленного храбрым воином — единственным героем, одержавшим в критических обстоятельствах победу над многочисленными войсками хеттского царя Муваталлиса и его сирийских союзников. Первым издателем, переводчиком и толкователем текстов, посвященных Кадешскому сражению, был Дж. Брэстед [138; 137, т. III, § 294—351]. Он же подробно обрисовал весь ход битвы при Кадеше в своей обобщающей истории древнего Египта [25, т. II, с. 106—116].

Прекрасное собрание всех надписей (без перевода и комментария), сообщающих о Кадешской битве, опубликовал в 1928 г. Ш. Куентц [355]. Изданию текстов, посвященных битве при Кадеше, посвятил свою работу Селим Хассан [298]. Р. О. Фолкнер в 1958 г. дал свой комментированный перевод соответствующих текстов [227, с. 93 и сл.]. Переводы этих текстов предлагали также А. Эрман [221, с. 325 и сл.], А. М. Блэкман [125, с. 261 и сл.], Дж. А. Вильсон [570, с. 266 и сл.]. Наиболее тщательный комментированный перевод основных надписей, описывающих Кадешское сражение, содержится в фундаментальной работе А. Гардинера [247]. В начале 60-х годов полный русский перевод «поэмы» Пентаура («литературный» отчет о битве при Кадеше) дал Н. С. Петровский [89, с. 119—125], основывавшийся на издании Селима Хассана. В конце 70-х годов свой перевод «поэмы» предложил М. А. Коростовцев [39, с. 122—138]. Воспроизведение всех относящихся к битве при Кадеше сцен, начертанных на стенах многочисленных храмов, помещено в работе В. Врещинского [577]. Все тексты, описывающие Кадешскую битву, собраны в издании К. А. Китчена [344, т. I, вып. 1, 1969, с. 2—64, т. II, вып. 2, 1970, с. 65—124, т. V, вып. 3, 1970, с. 125—147]. Дж. Брэстед, издавая тексты, рассказывающие о Кадешском сражении, разделил их на три категории: 1) на «поэму», чье авторство было ошибочно приписано писцу Пентауру; 2) на «официальный» отчет (record) и 3) на рельефы, иллюстрирующие отдельные эпизоды битвы, сопровождающиеся небольшими пояснительными записями. [С. 33]

По мнению А. Гардинера, вышеприведенное деление можно упростить. Прежде всего «поэма» не является стихотворным произведением. В данном случае речь может идти скорее о прекрасном образце прозаического, «художественного» текста. Это «литературный» отчет о битве при Кадеше [247, с. 3; 344, т. II, вып. 1, 1969, с. 3—64, т. II, вып. 2, 1970, с. 65—101]. В свою очередь, «официальный» отчет [344, т. II, вып. 2, 1970, с. 102—124] очень близок к тем кратким записям, которые поясняют воспроизведенные на стенах храмов эпизоды битвы. В различных храмах иногда встречаются оба текста — и «литературный» и «официальный». В Луксоре и в Рамессеуме они расположены рядом. То же самое характерно также для Карнака и Абидосского храма Рамсеса II. Лишь в Абу-Симбеле «литературный» текст (или «поэма») отсутствует. А. Гардинер обратил внимание на факт близкого расположения «официального» отчета к рельефным сценам, которые этот отчет как бы растолковывает [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 125—128]. В последнем плане проявляется принципиальное сходство «официального» отчета и кратких записей, сопровождающих отдельные рельефные воспроизведения битвы. В обоих случаях речь идет об одинаковом функциональном предназначении «официального» отчета и кратких пояснительных записей, т. е. о предназначении комментировать соответствующие рельефные сцены, посвященные Кадешскому сражению. Последнее обстоятельство заставило А. Гардинера называть «официальный» отчет «пикторальным» отчетом, принципиально близким к сопровождающим отдельные сцены кратким записям [247, с. 3—4]. Оба отчета — и «литературный» и «пикторальный» — составлялись писцами: и художниками, работавшими в тесном контакте друг с другом, вдохновлявшимися рассказом самого Рамсеса II и сообщениями начальников войска, лично принимавших участие в битве.

«Литературный» отчет, начиная свое повествование с момента выступления войска

Рамсеса II в поход (ровно на один месяц ранее начала Кадешской битвы), опускал много подробностей фактического порядка, акцентируя внимание на эмоциональном описании героического деяния фараона. Что же касается «пикторального» отчета (или «официального»), то он более краток, однако содержит интересные фактические данные, объясняющие те конкретные условия и обстоятельства, которые привели к сражению под стенами Кадеша. «Пикторальный» отчет разъясняет текстуально то, что обычно бывает представлено в виде рельефных сцен [247, с. 47]. Значение «пикторального» отчета для понимания хода Кадешской битвы весьма велико. «Пикторальный» отчет обнаружен во многих пунктах Египта и Нубии: в Абидосе, на стене храма Рамсеса II, в Рамессеуме, на задней стороне первого пилона и на северной стене второго двора, в Карнаке, в Луксоре, на внешней стороне первого пилона, на внешней (западной) стороне стены переднего двора и на внешней (южной) стороне стены того же двора. «Пикторальный» [С. 34] отчет зафиксирован также на северной стене большого зала храма в Абу-Симбеле [499, с. 28; 201].

«Литературный» отчет («поэма») зафиксирован (вместе с «пикторальным» отчетом) в Абидосе, в Луксоре, в Карнаке (на внешней стороне южной стены большого гипостильного зала Карнакского храма Амуна, а также на внешней стороне западной стены двора, между девятым и десятым пилонами).

Независимо от «пикторального» отчета «литературный» отчет помещен на втором пилоне Рамессеума. «Литературный» отчет содержится также в записи на папирусах: Саллье III, Честер-Битти III vs. [244, табл. 9—10] (из Британского музея), на папирусе Рэфе (Raife) (из Лувра, одна страничка в 11 строк). В папирусе Саллье III, датированном 9-м годом царствования Рамсеса II, упоминается писец Пентаур, которому было первоначально ошибочно приписано авторство «поэмы». Как и папирус Рэфе, папирус Саллье III содержит текст, который является неточным воспроизведением почти всего «литературного» отчета о Кадешской битве [247, с. 2; 499, с. 28].

Каково же содержание «литературного» и «пикторального» отчетов о Кадешской битве?

В «литературном» отчете (344, т. II, вып. 1, 1969, с. 3—64, т. III, вып. 2, 1970, с. 65—101] сначала перечисляются страны и народы, побежденные Рамсесом II. Затем дается пространная характеристика могущества фараона, в войске которого кроме египтян служили наемники-шердены. Далее сообщается о том, как «его величество» выступил в поход на север (с пехотой и колесницами) в 5-й год своего правления и во 2-й месяц летнего периода шему, в 9-й день¹⁷, описывается путь войска Рамсеса II. Повествование затем переходит к описанию многочисленных союзников хеттского царя Муваталлиса¹⁸. Подчеркивается, что Рамсес II оказался почти в полном одиночестве перед множеством врагов, скрытно поджидавших его у Кадеша, поскольку только отряд Амуна и царские телохранители следовали непосредственно за фараоном, в то время как отряд Ра переходил еще вброд Оронт у города Шабтуна, отряд Птаха находился южнее города Аронама, отряд Сетха — где-то еще далее от Кадеша, а отборный отряд молодых воинов — на берегу моря, в «стране Амор». Именно в это время царь хеттов внезапно направил свои колесницы, скрытые за Кадешем, против ничего не подозревавшего отряда Ра, подходившего к Кадешу с юга и привел его в полное замешательство.

В «литературном» отчете далее основное внимание обращается на описание героического поведения Рамсеса II, оказавшегося в своем лагере на западном берегу Оронта, к северу от Кадеша, вместе с отрядом Амуна, телохранителями и остатками отряда Ра в окружении 2500 хеттских колесниц. Очень ярко и художественно излагается трогательное, эмоциональное обращение фараона к Амуну. Бог обещает Рамсесу II свою поддержку и призывает его атаковать врагов. Рамсес II, одетый [С. 35] в панцирь, стоя на колеснице вместе с возницей Менна, производит страшное опустошение в рядах своих противников — хеттов и их союзников, отбивая новую атаку еще тысячи хеттских колесниц. Фараон упрекает своих воинов в трусости, поскольку они оставили его одного в опаснейший момент битвы. Когда возница и щитоносец Рамсеса II Менна призывает своего господина

к осторожности, фараон ободряет возницу и советует ему быть стойким и храбрым. Рамсес II продолжает беспощадно истреблять врагов на глазах египетского войска, которое прославляет его. Рамсес II еще раз упрекает своих воинов в том, что они оставили его одного в окружении врагов, и перечисляет свои героические деяния. Затем в одной из версий отчета сообщается, что на следующий день царь хеттов обратился к Рамсесу II с предложением прекратить кровопролитие. Рамсес II советуется с начальниками пехоты и колесничих относительно мирного предложения хеттского царя. Все рекомендуют фараону заключить мирное соглашение. В этом нет ничего плохого, так как Рамсес II уже достаточно продемонстрировал свое могущество, а мир лучше войны. Рамсес II соглашается с просьбой хеттов и мирно отходит на юг от Кадеша. Фараон благополучно возвращается в Египет и вступает в свою столицу Пер-Рамсес Мериамун-Великий-Победами [247, с. 7—14; 344, т. II, вып. 1, 1969, с. 3—64, вып. 2, 1970, с. 65—101].

Бесспорно, огромное впечатление оставляет та часть «литературного» отчета о Кадешском сражении, в которой эмоционально показаны чувства фараона в момент, когда он обращается за помощью к своему отцу Амуну: «Затем сказал его величество: „Что беспокоит тебя, мой отец Амун? Разве приличествует отцу игнорировать своего сына? Разве я делал что-либо без тебя? Разве я не иду и не останавливаюсь по твоему слову? Разве я пренебрегал тем, что ты приказывал? Сделай добро тому, кто полагается на тебя... Я обратился к тебе, мой отец Амун, когда я был в середине множества, которое я не знаю. Все чужеземные страны объединились против меня, в то время как я один с самим собой, никого другого нет со мной, моя многочисленная пехота покинула меня, никто не смотрит на меня на моей колеснице. Я стал кричать им, но никто из них не услышал меня, в то время как я звал. Я нашел, что Амун более полезен, чем миллионы пехоты, чем сотни тысяч колесниц и чем десять тысяч братьев и детей, объединенных одним сердцем. Нет пользы во множестве людей, но Амун более полезен, чем они...” Я нашел, что Амун пришел, когда я звал его; он дал мне свою руку, и я возрадовался. Он говорил позади меня, как если бы он был лицом к лицу: „Вперед, Рамсес Мериамун, ж.н.з.! Я с тобой. Я твой отец. Моя рука с тобой. Я более полезен, чем сотни тысяч людей. Я господин победы, который любит доблесть”. Я нашел мое сердце крепким и мою грудь полной радости. Все, что я делал, приходило к завершению. Я был подобен Монту. Я стрелял своей правой (рукой) и схватывал [С. 36] своей левой. Я был, на их взгляд, подобен Сутеху в его момент...” [344, т. II, вып. 1, 1969, с. 34, § 92—94, с. 35, § 95, с. 39, § 109—110, с. 40, § 111—114, с. 41, § 115—118, с. 42, § 119, с. 43. § 123—126, с. 44, § 127—130, с. 45, § 131]¹⁹.

Более прозаичен «пикторальный» отчет о Кадешском сражении [344, т. II, вып. 2, 1970, с. 102—124]. В этом отчете сразу же сообщается, что в 5-й год своего правления, в 3-й месяц²⁰ летнего периода шему, в 9-й день, Рамсес II оказался в районе Джахи во время своего второго похода в Азию. Когда Рамсес II достиг города Шабтуна, два кочевника-шасу, якобы бежавшие от хеттского царя, сообщили фараону, что правитель хеттов со всеми своими силами находится еще далеко от Кадеша, на севере Сирии, «в стране Алеппо, к северу от Тунипа». Однако то, что сказали Рамсесу перебежчики-шасу, было хитро задуманной дезинформацией. Все хеттское войско совместно с воинскими контингентами сирийских городов (всего около 30 тыс. человек) уже было возле Кадеша (так называемого «Кадеша старого»). Ничего не подозревавший Рамсес II быстро проследовал на север с отрядом Амуна и телохранителями и остановился на западном берегу Оронта, к северо-западу от Кадеша на Оронте, где воины из отряда Амуна и телохранители стали разбивать лагерь. В это время были пойманы два разведчика, которые, будучи допрошены с пристрастием, рассказали о том, что все хеттское войско со своими союзниками находится совсем близко. Рамсес II стал горько упрекать своих помощников, «правителей чужеземных стран», в том, что они проглядели хитрый маневр хеттов. Затем он спешно отправил своего визиря на юг, чтобы поторопить отряд Птаха. Вскоре началась атака хеттских колесниц, разгромивших подходивший к Кадешу отряд Ра. Далее пространно излагается воинская доблесть фараона, сумевшего, уже будучи в окружении, сокрушить врагов, произведя страшное опустошение

в стане своих противников [247, с. 28—31; 344, т. II, вып. 3, 1970, с. 102—104]. Многие выражения, употребленные в данном случае для характеристики воинского могущества Рамсеса II, перекликаются с теми, которые упоминаются в «литературном» отчете.

«Пикторальный» отчет, как мы видим, во многом дополняет «литературный». Содержание «пикторального» отчета, в свою очередь, поясняется рельефными сценами, начертанными в Абу-Симбеле, в Дерре, в Рамессеуме, в Луксоре, в Карнаке, в Абидосе и во многих других местах [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 125—147], в которых показано как воины Рамсеса II разбивают лагерь, в то время как фараон сидит на стуле в окружении своих приближенных. Недалеко обычно изображены колесница фараона и его возничий и щитоносец Менна, группа начальников войска, приближающихся к Рамсесу II с донесением, избиение хеттских разведчиков. Большой выразительности достигают батальные композиции, в которых показывается, как в лагерь Рамсеса II прибывают спасающиеся от хеттов его [С. 37] сыновья, как Рамсес II в окружении хеттских колесниц прорывается на восток и сбрасывает в Оронт всех, кто стоял на его пути. Пространство между колесницей Рамсеса II и Оронтом усеяно трупами. На противоположном берегу Оронта обычно бывают изображены хеттский царь вместе с отрядами пехоты, так и не вступившей в битву, хеттские воины, с трудом переправляющиеся через Оронт, спасаясь от натиска Рамсеса II. Здесь же показан комичный эпизод, как воины царька Алеппо держат своего правителя вниз головой, чтобы вытряхнуть из него воду, которой он наглотался, переплывая Оронт.

Многочисленные небольшие надписи, сопровождающие отдельные сцены и изображения, обычно содержат интересную информацию о ходе Кадешской битвы. Особенно важной является одна сцена с сопровождающим ее текстом, согласно которому не только храбрость Рамсеса II спасла его самого и египетское войнство от полного разгрома. Оказывается, что в решающий момент сражения на помощь Рамсесу II с запада подошло подкрепление из пеших воинов и колесниц, которое ударило с тыла на хеттов, уже увлекшихся грабежом египетского лагеря. Из всех версий этого эпизода Кадешского сражения наиболее полная изображена в храме Абу-Симбела [577, с. 170]. (Соответствующая сцена и сопроводительный текст к ней имеются также в Луксоре [577, с. 82], в Рамессеуме [577, с. 92a] и в других местах — всего пять версий.) Вот что сообщается в данном случае: «Прибытие, которое сделали *nʿrn* фараона, ж.н.з., из страны Амор (*imr*). Они нашли, что множество низменных хета окружило лагерь фараона, ж.н.з., в то время как его величество пребывал один, его войско не было с ним (и) множество колесниц окружало... его воинов, в то время как войско Амуна, в котором находился фараон, еще не закончило разбивку лагеря, а войско Ра и войско Птаха находились в пути (и) их воины еще не прибыли из леса Рабави. И *nʿrn* вторглись во множество мерзких, низменных хета, когда они проникали в лагерь (фараона), и слуги его величества убили их и не позволили ни одному из них спастись. Их сердца были уверены в великой силе фараона, ж.н.з., их прекрасного господина. Он находился за ними, подобно горе из меди и подобно стене из железа, навсегда во веки веков» [344, т. II, вып. 3, 1970, с. 131—132, § 11].

Египетский термин (семитского происхождения) *nʿrn* (Wb. II, 209) толкуется как обозначение особого войскового подразделения, имеющего буквальное значение «молодежь». Он может быть сопоставлен с египетским словом *d3mw*. В этом смысле этот термин имеет соответствующий древнееврейский эквивалент נַעֲרִי, который обычно использовался в Библии, в книгах Ветхого завета для обозначения молодых («отроков») воинов (например, I книга царей XX, 14, 15, 17 [69]). В папирусе Анастаси I, 17, 3—4 под *nʿrn* имеются в виду финикийские воины, В большой надписи Мернептаха ханаанские наемники [С. 38] называются *nʿrn*. По мнению Г. Гёдике [267], словом *nʿrn* обозначались наемники семитского происхождения, набранные из числа так называемых аперу (хабиру-хапиру), расселенных фараонами в Палестине в качестве военных колонистов, чем объяснялась их тесная связь с владыками Египта (о *nʿrn* см. [504]). В данном случае речь идет о воинском подразделении, которое было или оставлено египтянами на финикийском побережье (в «стране Амор») после первого похода Рамсеса II, в 4-й год его царствования,

или специально направлено туда незадолго до начала Кадешской битвы. Подступив к Кадешу на Оронте с запада (или с северо-запада), данное подразделение вмешалось в сражение в его кульминационный момент и тем спасло фараона и египетское войско (отряд Амуна, царских телохранителей и остатки рассеянного хеттами отряда Ра) от полного разгрома. (Отряды Птаха и Сетха, находившиеся далеко от Кадеша, так и не приняли участия в сражении.)

Согласно египетским отчетам о Кадешской битве (и «литературному» и «пикторальному»), можно подумать, что Рамсес II одержал под Кадешем решительную победу. Между тем второй поход Рамсеса II в Азию был, несомненно, проигран, и именно так он и оценивается в хеттских документах, в чем мы еще будем иметь возможность убедиться. Рамсесу II не только не удалось проникнуть на просторы Северной Сирии, вытеснив оттуда хеттов, но даже в Южной Сирии и в Палестине положение египтян пошатнулось.

После битвы под стенами Кадеша союз хеттов с их сирийскими вассалами не только не ослабел, но, как о том свидетельствуют хеттские источники, еще более укрепился, что подтверждает наш вывод о неудачном для египтян исходе второго похода Рамсеса II в Азию.

Для оценки Кадешской битвы несомненный интерес представляет интерпретация этого сражения, данная Г. Гёдике [267, с. 71—80]. Предлагаемая Г. Гёдике трактовка битвы под стенами Кадеша заслуживает внимания потому, что в ней учитываются уточнения фактического характера, которые сделал Э. Эдель [208, с. 195—213; 213, с. 253—258] на основе анализа содержания письма Рамсеса II к Хаттусилису III (КВо I, 15—19), рассказывающего о расстановке египетских воинских сил в ходе Кадешского сражения, и текста из Папируса Честер-Битти [244, с. 23—24, табл. 9—10], в котором также сообщается о расположении отрядов войска Рамсеса II перед началом битвы.

Как считает Г. Гёдике, Рамсес II в 5-й год своего царствования направил войско к Кадешу на Оронте по той причине, что правитель Кадеша, признававший вассальную зависимость от Сети I, отказался подчиниться его молодому наследнику. Речь шла о решительной борьбе за обладание Сирией, и обе стороны — и египетская и хеттская — тщательно готовились. Хетты, как мы уже отмечали, привлекли на свою сторону многочисленных союзников из Малой Азии, Сирии, из городов [С. 39] Каркемиш и Угарит, из страны Нахарина. (В войске Муваталлиса насчитывалось около 30 тыс. воинов.) По «литературному» отчету о Кадешской битве, хеттский царь Муваталлис подкупал своих союзников: «Он не оставил серебра в своей стране, он собрал это во всех своих владениях и дал его всем чужеземным странам с целью побудить их сражаться вместе с ним» [267, с. 72]. Приготовления Рамсеса II были не менее значительны. (В войске Рамсеса II насчитывалось около 20 тыс. воинов.) В дополнение к египетским военным силам, разделенным на отряды Амуна, Ра, Птаха и Сетха, Рамсес II набрал воинов в Палестине, а также отряды наемников-шерденов. Как сообщает одна стела из Таниса, «царь Усермаатра, сын Ра, Рамсес Мериамун, его слава пересекла море, центральные острова почитают его. Они пришли к нему с дарами... Шердены изменили свои сердца; никто не знал, как одолеть их, начиная с вечности. Когда они нагло приходили, после того как они приплывали с середины моря на военных кораблях, никто не знал, как иметь с ними дело. Он (Рамсес II.— *И. С.*) победоносно взял их благодаря, своей доблестной силе и привел (их) в Египет» [267, с. 72].

Хеттские воинские силы собирались под стенами Кадеша. Что же касается войска Рамсеса II, то оно, прежде чем выступить к Кадешу, сконцентрировалось (согласно «пикторальному» отчету) в Джахи. Само слово «Джахи» («жажда»), по мнению Г. Гёдике, указывает на то, что речь шла в данном случае о каком-то засушливом районе. Джахи не могла располагаться в приморской полосе Палестины или Финикии, как считал Дж. Брэстед, а находилась где-то в глубине страны. (Только в папирусе Petersburg 1116 A, 67, в списке «марианну из Джахи», упоминается один прибрежный город — Ашкелон.) Не совсем ясна связь между обозначениями «Джахи» и «Ретену». В то время как А. Гардинер видел в них два различных термина [238, т. 1, с. 145*], В. Хелк считал слова «Джахи» и

«Ретену» синонимами [303, с. 274]. Локализация Джахи в глубине горной страны заставила Г. Гёдику предполагать, что Рамсес II выступил со своими основными силами к Кадешу не вдоль берега моря, а напрямик, через Палестину, и затем по долине р. Эль-Литани и далее по долине Бекаа. Согласно Г. Гёдику, высказанное выше предположение может получить подтверждение в той фразе «литературного» отчета (стк. 34), в которой говорится о продвижении египетского войска по узкой дороге в местности «кемет» (т. е. по дороге в плодородной долине). Коль скоро Рамсес II продвигался по дорогам внутренних областей Палестины и Финикии, он должен был пройти долины Эль-Литани, Бекаа и верхней части р. Оронт. В стк. 35 «литературного» отчета упоминается город, носящий название “Город (*dmi*) Рамсеса Мериамуна, который в долине кедра”. Это был крайний пункт египетских владений в Азии, локализация которого вызвала споры. [С. 40]

Некоторые исследователи предполагали, что город этот «в долине кедра» находился в прибрежной полосе возле Берита. Другие утверждали, что этот укрепленный египетский центр в Азии располагался в горах Ливана. Э. Эдель (как и Дж. Брестед) помещал «Город Рамсеса Мериамуна, который в долине кедра» в Финикии, возле р. Эль-Кельб [267]. Как считали все исследователи, город, о котором в данном случае идет речь, был или вновь основан, или, что более вероятно, переименован Рамсесом II. По мнению Г. Гёдику, «Город Рамсеса Мериамуна, который в долине кедра», определял границу владений Египта в Ливане, причем располагался он не в долине р. Нахр эль-Кельб, а в долине Бекаа, между горными хребтами Ливана и Антиливана. Долину эту орошала на юге р. Эль-Литани, а на севере — р. Оронт. Вдоль Оронта и шло продвижение с юга на север войска Рамсеса II. У города Шабтуна на Оронте (Дж. Брестед сопоставил Шабтуну с городом Рибла) Рамсес II перешел через Оронт с передовым отрядом Амуна. Кадеш находился на западном берегу Оронта, приблизительно в 10,5 милях от Шабтуны, т. е. на расстоянии одного дня пути. Согласно данным «пикторального», или «официального», отчета (стк. 26,51), войско хеттов сконцентрировалось у так называемого «Кадеша старого». Г. Гёдику, как и В. Хелк, полагает, что этот «Кадеш старый» не идентичен городу на холме Телль Неби Менд (местоположение Кадеша на Оронте, у которого произошло сражение), но тождествен другому городу, располагавшемуся немного к северо-востоку от Кадеша на Оронте. Именно здесь, по мнению В. Хелка, с которым согласен Г. Гёдику, и сконцентрировались силы хеттов [303, с. 212].

Рамсес II, обойдя Кадеш на Оронте с запада, стал возводить временный лагерь северо-западнее Кадеша. Севернее его лагеря было оз. Хомс, а западнее — р. Микийе. Подобное местонахождение лагеря указывает на то, что Рамсес II ожидал нападения с севера. В это время хеттское войско и царь Муваталлис находились на правом берегу Оронта, продвинувшись на юго-запад от «Кадеша старого» к Кадешу на Оронте.

Атаку против египтян начали хеттские колесничные отряды, внезапно переправившиеся через Оронт южнее Кадеша. Г. Гёдику сомневается, что такая масса хеттских войск, как 2500 колесниц и 7500 колесничих, могла сразу переправиться через Оронт, достаточно широкий в районе Кадеша. По мнению Г. Гёдику, хеттские колесничные отряды заблаговременно находились в засаде на левом берегу Оронта, южнее Кадеша, и именно отсюда они произвели свое неожиданное нападение на подходивший отряд Ра и затем, преследуя в панике бежавших египетских воинов, ворвались с юга в лагерь Рамсеса II. Как полагает Г. Гёдику, Рамсес II с отрядом Амуна подошел к Кадешу после полудня. В это время отряд Ра находился на расстоянии одного «итера» (10,5 миль, или одного перехода) [276, с. 76, примеч. 2]. Узнав, что хеттское войско находится рядом, [С. 41] Рамсес II послал визиря и кравчего поторопить отряды Ра и Птаха. По-видимому, отряд Ра поспешил на помощь к Рамсесу II еще ночью, но утром на подходе к Кадешу был внезапно атакован хеттами. Отряд Птаха в это время находился на марше возле Аронамы, в удалении на один «итер» (один переход) от отряда Ра. Согласно мнению У. Ф. Олбрайта, Аронама может, быть локализована в горной местности Эль-Хермиль, причем Аронама отстояла от Шабтуны (Риблы) примерно на такое же расстояние, как Шабтуна (Рибла) от Кадеша.

По тексту, сообщаемому об участии *nʿrn* в битве под стенами Кадеша, отряды Ра и Птаха еще не вышли тогда из «леса Рабави». Нужно, однако, обратить внимание на то, что горная местность Эль-Хермиль находилась восточнее Оронта, в то время как главная дорога к Кадешу проходила западнее Оронта, и здесь же был «лес Рабави». По мнению Г. Гёдике, отряды Амуна и Ра продвигались к Кадешу вдоль правого берега Оронта. Отряд же Птаха проходил по дороге к западу от Оронта, вдоль отрогов Ливана. Можно предполагать, что отряд Птаха торопился на помощь к Рамсесу II, идя более кратким путем — вдоль левого берега Оронта.

Все высказанные выше соображения Г. Гёдике подкрепляются ссылкой на известное письмо Рамсеса II к Хаттусилису III, отправленное уже после подписания мирного договора [208; 213, с. 253—258]. В этом письме Рамсес II указывает на расположение своего войска перед началом Кадешской битвы. Основное, что в данном случае отмечается, так это пребывание отряда Сетха Рамсеса II в стране Амурру (Амор), в то время как отряд Амуна тогда находился возле Кинзы (Кадеша), отряд Ра — возле Таминты, которую Э. Эдель расшифровывает как местность западнее Кадеша, а отряд Птаха — в районе Эль-Хермиля. Согласно «литературному» отчету, отряд Сетха «продвигался по дороге». Однако, согласно луксорской версии «литературного» отчета (стк. 62—65), он еще находился «на берегу страны Амор», что полностью согласуется с содержанием письма Рамсеса II к Хаттусилису III. Оказывается, Рамсес II разделил свое войско на две части. Одна часть (отряды Амуна, Ра, Птаха) продвигалась к Кадешу с юга, другая (отряды Сетха и *nʿrn*) — с запада, из «страны Амор», по долинам рек Эль-Кебир и Элеутерос. Кадеш в стратегическом плане, Рамсеса II играл роль сборного пункта всего египетского войска. По мнению Г. Гёдике, основной смысл стратегии Рамсеса II заключался в том, чтобы собрать в один определенный момент две части своего войска у стен Кадеша. Данная стратегия, как полагает Г. Гёдике, оказалась правильной. Она позволила египетскому войску, несмотря на несомненный успех хеттов, избежать угрожавшего ему полного уничтожения.

Изложенная нами выше интерпретация хода Кадешской битвы, предложенная Г. Гёдике, бесспорно, заслуживает внимания, поскольку в ней, как мы уже отмечали, учитываются данные [С. 42] письма Рамсеса II к Хаттусилису III, в котором сообщаются интересные сведения о дислокации египетского войска перед Кадешской битвой. Однако не на все возникающие вопросы Г. Гёдике дает ясный ответ, а с окончательным его выводом вообще трудно согласиться. Вряд ли можно считать проявлением стратегической мудрости разделение египетского войска на две части, которые должны были соединиться у Кадеша. Подход с запада в решающий момент битвы свежего подкрепления был всего лишь счастливой случайностью, поскольку Рамсес II, конечно, не предполагал, что он попадет в ловушку под стенами Кадеша. Рамсес, несомненно, считал, что войска хеттов и их союзников находились далеко на севере, и поэтому разъединил свои силы.

Для понимания основной специфики Кадешского сражения прежде всего необходимо объяснить странное поведение хеттской пехоты Муваталлиса, которая простояла в бездействии на правом берегу Оронта весь день, пока на левом берегу шло ожесточенное сражение, а Рамсес II героически отбивался от окружавших его хеттских колесниц. Как объяснить этот казус, если исходить из логики военных действий? В существующей египтологической литературе высказываний на этот счет имеется немного, и сводятся они, как правило, к простой констатации данного непонятного факта. Так, Дж. Брэстед писал: «По какой-то причине Метелла (т. е. Муваталлис.— *И. С.*) не посылал против него (т. е. Рамсеса II.— *И. С.*) восьми тысяч пеших воинов, сосредоточенных на восточной стороне реки против позиции Рамсеса. В битве, насколько мы можем проследить, продолжали принимать участие одни колесницы» [25, т. II, с. 113]. Аналогичным образом И. В. Виноградов, характеризуя Кадешское сражение, отмечает лишь, что «пехоту же Муваталли почему-то упорно держал в резерве» [34, с. 255].

Насколько нам известно, из советских историков лишь В. В. Струве попытался определить те мотивы, которыми руководствовался хеттский царь, отказываясь ввести в бой свои основные пешие силы: «По-видимому, не доверяя своей пехоте, противостоящей

колесничим, происходившим преимущественно из знати, Муватталлу не решился кинуть ее в бой. Этим он выпустил из своих рук победу» [29, с. 379].

Не думаем, однако, что с подобным объяснением можно согласиться. В самом деле, почему пехота была опасна для хеттского царя только при включении ее в битву? Разве она была менее для него опасна, когда стояла в бездействии? И вообще, о какой опасности в данном случае могла идти речь? Как известно, в социальном плане пехотинцы и колесничие различались на древнем Востоке всегда, что тем не менее не мешало пехоте принимать самое активное участие во всех битвах. Между тем, поведение хеттского царя, конечно, можно объяснить. По нашему мнению, Оронт в районе битвы у Кадеша был не переходим для пехоты и потому являлся тяжелым препятствием [С. 43] для людей, не умеющих плавать, а именно таковыми были, по-видимому, воины Муваталлиса. Однако следует учитывать то обстоятельство, что для прекрасно плавающих лошадей и деревянных колесниц, не тонущих в воде (а следовательно, и для колесничих, которые могли держаться за лошадей и колесницы), Оронт не являлся непреодолимой преградой. На рельефах, воспроизводящих Кадешскую битву и мощный натиск фараона в сторону Оронта, художник юмористически изобразил тот панический ужас, который охватил спасающихся бегством хеттских и сирийских воинов, с трудом переправляющихся через Оронт. Большинство цепляются за лошадей и колесницы, многие тонут. Не случайно здесь помещаются такие изображения: захлебнувшийся царек Алеппо, из которого воины вытряхивают воду, перевернув его вниз головой; хеттский воин, не умеющий плавать, переправляется через Оронт верхом на лошади; два хеттских воина добираются до стен Кадеша, ухватившись за шею и ногу плывущей лошади.

Нам могут возразить, что Дж. Брэстед, изображая ход Кадешской битвы, писал, будто бы Муваталлис сначала держал все свои войска на левом берегу Оронта, а при приближении Рамсеса II с отрядом Амуна спешно переправил свое войско на правый берег, стремясь скрыть его от фараона за стенами города [25, т. II, с. 109]. Но хотя в «литературном» отчете и говорится о местонахождении хеттского войска перед началом битвы к северо-западу от Кадеша, в стк. 26,51 «пикторального» или «официального», отчета о Кадешском сражении ясно сказано, что войско хеттов концентрировалось первоначально не в окрестностях Кадеша на Оронте, а несколько северо-восточнее, в районе так называемого «Кадеша старого», не тождественного Кадешу на Оронте, расположенному на холме Телль Неби Менд [303, с. 212], т. е. городу, определившему место схватки египетских и хеттских воинских сил. Таким образом, Муваталлис не переправлял свое войско с одного берега Оронта на другой непосредственно у интересующего нас Кадеша. Не мог он это сделать в отношении пехоты и в день битвы.

Как известно, основные воинские силы Рамсеса II (отряды Амуна и Ра) переправились вброд с правого берега Оронта на левый в районе города Шабтуна (Рибла). Однако город этот находился далеко к югу от Кадеша, примерно на расстоянии 10,5 миль, т. е. на расстоянии одного дневного перехода Пехоты. Ближе к Кадешу места, удобного для переправы пехоты вброд через Оронт, по-видимому, не было, и это лишило Муваталлиса возможностей маневра, почему он и смог бросить против Рамсеса II, находившегося на противоположном берегу Оронта, только свои колесницы.

В итоге можно сказать, что если Рамсес II вел себя перед Кадешской битвой весьма легкомысленно, то и Муваталлис, вначале продемонстрировавший свои способности замечательного стратега, все же не все предусмотрел. Муваталлис [С. 44] стремился нанести удар по египетскому войску внезапно. Для этого он послал навстречу Рамсесу II дезинформаторов и, продвигаясь на юг по правому берегу Оронта, заботился о том, чтобы стены Кадеша и холм, на котором он стоял, загораживали его от египетского войска. Однако, когда хорошо задуманная Муваталлисом операция стала осуществляться, оказалось, что Оронт в том месте, где разгорелась жаркая схватка, непреходим вброд для пехоты, вследствие чего блестящий замысел хеттского царя, несомненно, обладавшего незаурядными способностями полководца, не нашел своего логического завершения.

Капкан, в который Муваталлис заманил Рамсеса II, не захлопнулся, и это избавило молодого фараона от смерти или позорного плена. Можно понять психологическое состояние Рамсеса II, когда он после сражения поклялся ежедневно самолично кормить лошадей, запряженных в его колесницу, которые выстояли в жаркой схватке и спасли его от неминуемой гибели.

Прорываясь на восток в критический момент битвы сквозь кольцо окружавших его хеттских колесниц, Рамсес II, несомненно, сражался как герой. Однако совершенный им подвиг был, в сущности, продиктован отчаянием, поскольку впереди протекал Оронт, а за ним на противоположном берегу стояли многотысячные плотные шеренги хеттской пехоты. Рамсеса могло спасти только чудо, и потому можно вполне поверить автору «литературного» отчета о Кадешском сражении, что в грохоте битвы фараону почудился голос Амуна, сказавшего ему:

«Вперед, Рамсес Мериамун, ж.н.з.! Я с тобой! Я твой отец! Моя рука с тобой!»

Посмотрим теперь, как оценивались итоги битвы под стенами Кадеша в хеттских документах. Египетские источники изображают эту битву как решительную победу египтян. Но так ли обстояло дело в действительности? Мнения на этот счет у историков не совпадают. Так, Эд. Мейер утверждал, что «Рамсес своей личной решительностью превратил грозящую катастрофу в блестящую победу, которой он был вправе гордиться» [405, с. 466]. Другие исследователи, например Дж. Брэстед, Г. Кеес или А. Гётце, придерживались противоположной точки зрения. Наибольшее значение для решения вопроса о действительном исходе сражения при Кадеше имеют несомненно, свидетельства хеттских официальных записей позволяющие взглянуть на многократно повторенные утверждения египетских памятников глазами противников Рамсеса II. Последнюю задачу дают возможность решить некоторые тексты из хеттского архива в Богазкёе, уже давно изданные А. Гётце [271, с. 832—838; 469, с. 319], но все еще не всегда учитываемые при характеристике результатов Кадешского сражения²¹. Давая оценку этому сражению, А. Гётце ссылается на свои публикации (в транскрипции с переводом) двух хеттских документов, в частности на [С. 45] публикацию договора правителя страны Амурру Иштармуваша с хеттским царем Тутхалиясом, сыном Хаттусилиса III (KUB, XXIII, 1). Вот что сообщается в этом договоре:

- «(28) Когда, однако, Муваталлис, дядя Солнца,
- (29) был царем, люди страны Амурру провинились
- (30) перед ним и сказали ему следующее:
- (31) „Искренними
- (32) подданными были мы, теперь, однако, мы (более) не твои подданные”.
- (33) И (на сторону) царя страны Египет
- (34) перешли они. И дядя Солнца Муваталлис
- (35) и царь Египта сразились из-за людей страны Амурру
- (36) И Муваталлис
- (37) победил его, и страну Амурру
- (38) уничтожил он оружием и подчинил ее.
- (39) И в стране Амурру сделал он Шапилиша царем».

А. Гётце справедливо считает, что, если бы Рамсес II одержал победу в битве под стенами Кадеша (а именно данная битва имеется в виду в вышеприведенном тексте), это соответствующим образом отразилось бы на взаимоотношениях хеттского царя с его сирийскими вассалами. Между тем, как следует из договора Иштармуваша с Тутхалиясом, союзные отношения Муваталлиса со страной Амурру были восстановлены после битвы при Кадеше, и, следовательно, можно доверять стк. 37 этого договора о поражении Рамсеса II. Тот факт, что правителем страны Амурру после восшествия на хеттский престол: Хаттусилиса III вместо Шапилиша стал Бентешина, свидетельствует о событиях в царстве хеттов, так как ставленник Муваталлиса Шапилиш был отстранен узурпатором Хаттусилисом III, враждовавшим с Муваталлисом. О правителе же страны Амурру

Бентешине в договоре Иштармуваша с хеттским царем Тутхалиясом (Иштармуваш стал правителем страны Амурру непосредственно вслед за Бентешиной) говорится следующее:

- «(45) ...И он (Бентешина) был верен отцу Солнца,
- (46) а также стране Хатти был он верен
- (47) и не провинился по отношению к стране Хатти».

Следовательно, страна Амурру от момента сражения при Кадеше на Оронте и до воцарения Тутхалияса все время находилась под хеттским господством. Отсюда можно сделать вывод, что Рамсесу II так и не удалось на протяжении всего своего многолетнего правления изменить в пользу Египта политические взаимоотношения в Сирии. Границу между египетской и хеттской сферами влияния в Азии (в Финикии и Сирии), определившуюся еще при Суппилиумасе, Рамсес II не смог изменить с помощью многолетних военных действий, несмотря на отдельные успехи его войска, что он и вынужден был в конце концов признать в мирном договоре с хеттским царем Хаттусилисом III. Но, может быть, битва под стенами Кадеша принесла Египту не стратегический, а тактический успех? По [С. 46] мнению А. Гётце, об этом говорить также не приходится. Если Хаттусилис III в большой автобиографической надписи мало сообщает о военной деятельности своего брата Муваталлиса в период его борьбы с Рамсесом II, то это объясняется не ослаблением страны хеттов после сражения при Кадеше, а тем фактом, что Хаттусилис III враждовал с Муваталлисом и стремился прежде всего в благовидном свете изобразить свои собственные действия, направленные на захват престола. (Анналы самого Муваталлиса неизвестны.) Интересное сообщение о событиях, происшедших после битвы под стенами Кадеша, содержится в тексте Хаттусилиса III (KUB XXI, 17), являющемся, по мнению А. Гётце, параллелью к § 9 большой автобиографической надписи Хаттусилиса III, в котором повествуется о злодеяниях Арма-у-аса (Армадаттаса). В данном тексте говорится следующее:

- «(14) Так что, [однако, мой брат] вел против царя Египта
- (15) (в стране Хурр) и войну.
- (16) [Когда], однако, царь Египта из (?) страны Хурри
- (17) [наза]д в страну Аба [от]ошел,
- (18) [Тогда (?)] завоевал мой брат Муваталлис страну Аба.
- (19) (Арма-у-ас (Армадаттас), однако, был] в стране Хатти,
- (20) я же [был] в стране Аба».

Как явствует из § 9 большой автобиографической надписи Хаттусилиса III, повествующего о злодеяниях Арма-у-аса (Армадаттаса), речь идет в вышеприведенном тексте о событиях, последовавших за битвой при Кадеше. Мы видим, что Рамсес II был вынужден отойти к стране Аба (или Уби), т. е. к оазису Дамаска, а вслед за этим страна Аба перешла в подчинение к царю хеттов. Таким образом, Муваталлис после битвы при Кадеше предпринял наступление на юг, проникнув на территорию, подвластную ранее Египту.

«Успех» Рамсеса II в сражении при Кадеше ограничился лишь тем, что попавшим в западню вместе с фараоном изрядно потрепанным египетским воинским силам, несмотря на значительные потери, удалось вырваться из окружения. В данном случае большое значение имели как личная храбрость и решительность Рамсеса II, так и то случайное обстоятельство, что Оронт у Кадеша оказался непреходимым вброд для хеттской пехоты. Рамсес II смог выиграть время, и это позволило ему после подхода с запада свежего подкрепления, так называемых *nḥn*, а с юга отряда Птаха уйти от угрожавшего ему полного разгрома. Заключенное на следующий день соглашение с Муваталлисом дало Рамсесу II возможность с честью отступить и благополучно вернуться в Египет. Однако военный поход 5-го года царствования Рамсеса II был фараоном, несомненно, проигран.

Как мы уже отмечали, после Кадешской битвы Рамсес II продолжал вести упорную борьбу за овладение Сирией. На протяжении еще 16 лет войско египетского фараона регулярно [С. 47] вторгалось в Палестину, где происходили какие-то волнения, а также в Заиорданье, Финикию, Сирию. Как утверждают надписи Рамсеса II, он покорил: Нижний

Ретену (Северную Сирию), Нахарину (бывшее царство Митанни), Кефтиу (Крит), захватил штурмом город Дапур в «стране Амор» и город Тунип в Северной Сирии [581], город Арвад в Финикии, город Катна в долине Оронта, ряд городов в Заиорданье и в Северной Палестине [137, т. III, § 357—366; 344, т. II, вып. 1, 1969, вып. 3, 1970, вып. 4, 1979, вып. 5, 1971, вып. 1, 1976]. Если, однако, некоторые походы войска Рамсеса II в Азию и были удачны, прочного успеха они не принесли. Рамсесу II, бесспорно, не удалось восстановить власть Египта в Северной Сирии.

Помимо войн в Азии Рамсес II, по-видимому, совершал какие-то военные действия на западной границе Египта против ливийцев (племен темеху, техену, мешвеш, либу), с которыми боролся еще Сети I. Ничего определенного на этот счет неизвестно, кроме того, что в 44-й год царствования Рамсеса II ливийские пленные использовались на строительстве храма в Вади эс-Себуа Нижней Нубии (в Куше) [225, с. 16]. Представляет интерес факт строительства Рамсесом II укрепленных пунктов вдоль северо-западного побережья Дельты — от местечка Ракотис (где много веков позднее был основан город Александрия) до ливийского побережья Средиземного моря (около Эль-Аламейна). По-видимому, эти укрепления возводились для защиты от набегов морских пиратов-шерденов [225, с. 16]. Можно предполагать, что во 2-й или в 4-й год своего правления Рамсес II отразил набег шерденов, после чего шерденские, пленные были включены в египетское войско, составив его большой, организационно обособленный контингент [225, с. 12]²².

МИРНЫЙ ДОГОВОР РАМСЕСА II С ХАТТУСИЛИСОМ III

Наиболее полный египетский текст мирного договора Рамсеса II с Хаттусилисом III, заключенного в 21-й год царствования Рамсеса, помещен в Карнаке, на внешней стороне западной стены, между большим гипостильным залом и седьмым пилоном. Фрагмент этого текста имеется также на наружной стороне поверхности второго пилона в Рамессеуме. Оба текста представляют собой не буквальный перевод на египетский язык той составленной на аккадском языке записи текста мирного договора, который был выгравирован на серебряной пластине и доставлен Рамсесу II специальной дипломатической делегацией в составе посла Рамсеса II при хеттском дворе и двух послов Хаттусилиса — Теретсеба и Рамеса, прибывших от хеттского царя в столицу Египта — город Пер-Рамсес [211].

Выработке текста мирного договора предшествовали длительные переговоры между заинтересованными сторонами. Сначала [С. 48] текст договора был согласован в столице хеттов с послами Рамсеса II. Затем договор был записан на аккадском языке на серебряной пластине и отправлен в Египет, в резиденцию Рамсеса II. В Египте с аккадского оригинала договора был сделан не совсем дословный перевод на египетский язык, который по утверждению его Рамсесом II был высечен в иероглифике в Карнаке и Рамессеуме, серебряная же пластина с первоначальным аккадским текстом договора была отправлена на хранение в архив столичного храма Ра [210, с. 72—85; 359, с. 203].

В свою очередь, отредактированная по приказанию Рамсеса II аккадская версия текста мирного договора вновь была записана в Египте на аккадском языке зафиксирована, на серебряной пластине и отправлена Хаттусилису III, который повелел снять копию с текста полученной от Рамсеса II серебряной пластины, записать эту копию на глиняных табличках и поместить их на хранение в архив храма Тешуба [210, с. 72—85; 359, с. 203]. Именно эту клинописную копию со вторичного аккадского текста, мирного договора и обнаружил в Богазкёе Г. Винклер.

Имеется много изданий текста и переводов египетского варианта мирного договора [137, т. III, § 367—391 (перевод); 344, т. II, вып. 5, 1971, с. 225—232 (издание текста); 359, с. 185—198 (перевод); 402; 428, с. 193 и сл., табл. I—XVI; 477; 459, с. 113—141 (перевод); 571, с. 199—201 (перевод)].

На русский язык египетский текст мирного договора Рамсеса II с Хаттусилисом III переводился неоднократно [83, т. I, с. 306—307; 89, с. 126—130; 90, с. 79—83]. Предложим и мы свой перевод, осуществленный на основе последнего издания этого текста, выполненного К. А. Китченом [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 226—232]:

«(1) Год 21-й, первый месяц периода перет, день 21-й при величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сына Ра, Рамсеса Мериамуна, которому дана жизнь вечная навеки, любимого Амуном-Ра, Горахте, Птахом-югом стены его — владыкой Анхтауи, Мут — владычицей Ишеру, Хонсу-Неферхотепом, воссиявшего на троне Гора живущих как отец его Ра-Горахте на веки вечные. (2) День это, когда величество его (находился) у города Пер-Рамсес Мериамун, восхваляя отца своего Амуна-Ра-Горахте, Атума, владыку двух земель Гелиополя, Амуна Рамсеса Мериамуна, Птаха Рамсеса Мериамуна, Сетха, великого силой сына Нут в соответствии с тем, что дают они ему вечность в празднествах, вечность в мирных годах, когда все земли (и) все чужеземные страны повергнуты под сандалии его навеки. (3) Пришел царский посол, слушающий (?)... царский посол... посол из страны Хета... Теретсеб, второй посол из страны Хета — Рамес, посол... рад[еющий] о (?) (Хаттусилисе III), с пластиной из [серебра, которую повелел] (4) великий правитель страны Хета Хетесер (Хаттусилис III) доставить фараону, да будет он жив, невредим, здоров, чтобы [С. 49] выпросить [мир у величества царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра] Сетепенра, сына Ра, Рамсе[са] Мериамуна, [которому дана] жизнь на веки вечные, как отцу его Ра, каждый день. Копия пластины из серебра, которую повелел великий правитель страны Хета Хетесер (Хаттусилис III) доставить фараону, да будет он жив, невредим, здоров, рукою посла его (5) Теретсеба (и) посла его Рамеса, чтобы выпросить мир у величества [царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра], сына Ра, Рамсеса Мериамуна, быка властителей, определяющих границы свои по желанию своему в любой стране. Договор, составленный великим правителем страны Хета Хетесером (Хаттусилисом III), могучим, сыном Мерсера (Мурсилиса II) (6), великого правителя, могучего, сына сына Сепе[рера] (Суппилиумаса), «великого правителя страны Хета, мо[гучего], на пластине из серебра для Усермаатра Сетепенра, великого властителя Египта, могучего сына Менмаатра (Сети I), великого властителя Египта, могучего, сына сына Менпехтира (Рамсеса I) (7), великого властителя Египта, могучего. Прекрасный договор о мире и братстве, устанавливающий мир... на веки.

Что касается будущего вплоть до вечности, что касается помысла великого властителя Египта и великого правителя страны Хета, то да не даст бог случиться вражде между ними в соответствии с договором. Что же касается того, что во (8) времена Меченра (Муваталлиса), великого правителя страны Хета, моего брата, он сражался [с (Рамсесом Мериамуном)] великим властителем Египта, то в будущем, начиная с этого дня, смотри, Хетесер (Хаттусилис), великий правитель страны Хета, (заключил) договор, закрепляющий помысел, который сделал Ра, который сделал Сутех, для земли Египта (9) и страны Хета, чтобы не дать случиться вражде между ними вовек. Смотри, заключил его Хетесер (Хаттусилис), великий правитель страны Хета, в качестве договора с Усермаатра Сетепенра, великим властителем Египта, начиная с этого дня, чтобы дать установиться прекрасному миру и прекрасному братству между нами навеки. (10) Он в братстве со мной, он в мире со мной, я в братстве с ним, я в мире с ним навеки. Когда Меченра (Муваталлис), великий правитель страны Хета, мой брат проследовал за своим предопределением (умер), (тогда) Хетесер (Хаттусилис) сел в качестве (11) великого правителя страны Хета на трон своих отцов. Смотри, я оказался с Рамсесом Мериамуном, великим властителем Египта, (а) [он оказался со мной в мире и братстве (?)]. [Наш] ми[р] (и) на[ше] брат[ство] — лучше это, чем мир и братство, которые прежде были на земле. Смотри, я в кач[естве] великого правителя страны Хета (нахожусь) с (12) [Рамсесом Мериамуном], великим властителем Египта, в прекрасном мире, в прекрасном братстве. Да будут дети детей великого правителя страны Хета в братстве и мире с детьми детей Рамсеса Мериамуна, великого [С. 50] властителя Египта. Да будут (они) в (нашем) помысле о братстве, нашем помысле

(13) [о мире. (Да будет) земля Египта] со страной Хета (в) мире и братстве, подобно нам, вечно. Да не слу[чится] вражда между ними вовек. Да не совершит великий правитель страны Хета нападение на землю Египта вовек, чтобы захватить что-нибудь в ней. Да не совершит Усермаатра Сетепенра, великий властитель Египта, нападение на землю (14) страны Хета], чтобы захватить что-нибудь в ней, вовек. Что касается засвидетельствованного договора, бывшего во времена Сеперера (Суппилиумаса), великого правителя страны Хета, а также засвидетельствованного договора, бывшего во времена Меченра (Муваталлиса), великого правителя страны Хета, моего отца (?sic!), то я следую ему. Смотри, Рамсес Мериамун, великий властитель Египта, следует (15) [ему]... вместе с нами одновременно. Начиная с этого дня следуем мы ему. Мы будем действовать в соответствии с этим засвидетельствованным помыслом. Если пойдет другой враг против земель Усермаатра Сетепенра, великого властителя Египта, и он пошлет (послание) великому правителю страны Хета, говоря: „Выступи со мной с победоносным (войском) (?) против него“, великий правитель страны Хета (16) (придет) великий правитель страны Хета сокрушит его врага. Если же не будет желания великого правителя страны Хета прийти (самому), то он даст без промедления свою пехоту и свое колесничное войско и (они) сокрушат его врага. Либо если будет гневаться Рамсес Мериамун (17), [великий властитель Египта], на слуг своих или совершат они другой проступок и он выступит, чтобы сокрушить их, то будет великий правитель страны Хета вместе [с ним, чтобы уничтожить всех тех, которые вызвали гнев против них]. Если же [пойдет д]ругой в[раг] против [великого] правителя [страны Хета... (и он пошлет послание)] Усермаат[ра] Сетепенра, (18) [великому властителю Египта], то и он придет к нему с победоносным (войском) (?), чтобы сокрушить его врага. Если (не) будет желания у Рамсеса Мериамуна, великого властителя Египта прийти (самому), то он... [и он даст без промедления] сво[ю] пехоту (19) и свое колесничное войско] в качестве повелевшего вернуть (положительный) (?) ответ (на послание великого правителя) (?) страны Хета. Если же поднимутся слуги великого правителя страны Хета против него, то и Рамсе[с] Мериамун... (будет вместе с ним (?))... сообразно с тем как договорились великие правители (?) страны Хета (и) [земли Египта] (20)... (и если великий правитель страны Хета сообразно с) (?) клятвой скажет: „Когда я последую [за его (?) судьбой (умру)], пусть Рамсес [Мериамун], великий, властитель Египта, живущий вечно, (придет на помощь к наследнику великого правителя) (?) [страны] Хета“, (то пусть он придет) (?)... (21)... (И если узнает великий властитель Египта то, что) (?) сделали они для того, чтобы был он (узурпатор) (?) дан им в качестве господина, то пусть (не) будет. Усермаатра Сетепенра, великий [С. 51] властитель Египта, молчать (на его притязания) (?) ртом своим вовек. И после того как он (узурпатор) (?) (будет изгнан из) (?) [страны] Хета, пусть он будет (возвращен) (?) [великому правителю страны Хета. Также], (если какой-либо знатный человек убежит из земли Египта к) (?) великому правителю страны Хета или какой-либо город (в Азии)²³ (22) из тех, которые на землях Рамсеса Мериамуна, великого властителя Египта (отпадет от Египта) (?) и они придут к великому правителю страны Хета, то да не примет их великий правитель страны Хета, да повелит великий правитель страны Хета, что бы доставили их Усермаатра Сетепенра, великому властителю Египта, их господину, [да будет он жив, невредим], здрав. Либо если [убегут] один человек или два человека, которых не знают (23) [из Египта] и они придут в землю страны Хета, чтобы стать слугами другого, то да не оставят их в стране Хета, пусть их доставят Рамсесу Мериамуну, великому властителю Египта. Либо если убежит какой-либо знатный человек из страны Хета и он [придет к Усер]маат[ра] Сетепенра, [великому властителю Египта, или какой-либо (человек) из города, или какой-либо (человек) сельской местности, или (24)... их страны Хета и они придут к Рамсесу Мериамуну, великому властителю Египта, то да не примет их Усермаатра Сетепенра, великий властитель Египта, да повелит Рамсес Мериамун, великий властитель Египта, чтобы доставили их великому правителю [страны Хета], да не оставят их. Точно так же, если убегут один человек или два человека (25), которых не знают, и они придут в землю Египта, чтобы стать слугами других, то да не оставит их Усермаатра

Сетепенра, великий властитель Египта, пусть повелит он, чтобы доставили их великому правителю страны Хета. Что касается этих слов договора, который заключил великий правитель страны Хета [с Рамсесом Мериамуном], великим властителем (26) [Египта, которые начертаны] на пластине из серебра, что касается этих слов, то тысяча божеств из богов (и) богинь страны Хета вместе с тысячью божеств из богов (и) богинь земли их Египта — они у меня в качестве свидетелей, (гарантирующих) (?) эти слова: Па-Ра, владыка неба, Па-Ра города Аринны (27), Сутех, владыка неба, Сутех страны Хета, Сутех города Аринны, Сутех города Зиппаланды, [Сут]ех города Петтиарика, Сутех города Хиссасхапы, Сутех города Сариса, Сутех города Халеба, Сутех города Лихзины, Сутех (28) [города... Сутех города... Сутех города...] Сутех города Сахпина, богиня Антарет страны Хета, бог страны Зитхариас, бог страны Карзис, бог страны Хапанталиас, (29) богиня города Каракхны, [богиня] страны Джер, богиня страны Нуа, богиня страны Джин, бог страны Ан[ет], бог [страны Керет, бог страны Хебет, царица] неба из богов — владык клятвы, богиня, [госпожа] земли, госпожа клятвы Исхара, госпожа (30) гор и рек страны Хета, боги страны Киззувадна, Амун, Па-Ра, Сутех, боги (и) богини, (божества) гор и рек [С. 52] земли Египта, неба, земли, нашего великого водного потока моря), ветров, облаков²⁴.

Что касается этих слов, (31) которые на этой пластине из серебра, (начертанные) для страны Хета (и) для земли Египта, то, что касается того, кто не будет соблюдать их, тысяча богов страны Хета вместе с тысячью богов земли Египта сделают (все), чтобы уничтожить его дом, его землю, его слуг. Что же касается того, кто будет соблюдать эти слова, которые на этой пластине из серебра, будут ли они из страны Хета, будут ли они из (числа) людей (32) Египта, и они не станут пренебрегать ими, тысяча богов страны Хета вместе с тысячью богов земли Египта сделают (все), чтобы был он здоров, чтобы был он жив вместе с его домами, вместе с его землей, вместе с его слугами. Если убежит один человек из земли Египта, или два, или три и (33) они придут к правителю страны Хета, то великий правитель страны Хета пусть схватит [их] и пусть он [повелит] доставить их обратно к Усермаатра Сетепенра, (великому) властителю [Е]гипта. Что же касается челове[ка], которого доставят Рамсесу Мериамуну, великому властителю Египта, то да не будет возбуждено против него (дело) (относительно) его преступления, да не (34) уничтожат его дом, его жен, его детей, [да не убьют] его, да не посягнут на его глаза, его уши, его рот, его ноги, да не будет против него (дело) (относительно) какого-либо [преступления]. Точно так же, если убегут люди из страны Хета, будет ли он один, будут ли их двое, будут ли их трое, и они придут к Усермаатра Сетепенра (35), великому властителю Египта, то пусть Рамсес Мериамун, [великий] властитель [Египта], схватит [их] и пусть он повелит доставить их великому правителю страны Хета, и да не [возбудит великий правитель страны Хета] (дело) против них (относительно) [их] преступле[ния], и да [не уничтожат] его [дом], его жен, его де[тей], и да не убьют его, и да не посягнут на его уши (36), на его рот, на его ноги, и да не возбудят (дело) против него (относительно) какого-либо преступления, (подобного тому), которое в середине пластины из серебра. На ее передней стороне фигура в образе Сутеха, обнимаю[щая... великого властителя страны Хета], окруженная сопроводительными (?) словами, а именно: „Печать Сутеха, властителя неба, печать этого договора, заключенного Хетесером (Хаттусилисом III), великим правителем (37) страны [Хета], могучим, сыном [Мерсера] (Мурсилиса), [великого правителя страны Хета, могучего]”.

Внутри обрамления этой фигуры печать... Сутеха, властителя неба. То, что (находится) в середине] ее другой стороны: фигура знатной женщины — [богини страны Хета, обнимающей (образ) знатной женщины — правительницы страны Хета, окруженная сопроводительными словами, а именно: „Печать] Па-Ра города Аринны, владыки земли; печать Пудухепы — правительницы страны Хета, дочери страны Киззувадна, (владычицы) [города [С. 53] А]ринны, госпожи земли, прислужницы богини”. То, что внутри обрамления этой фигуры: печать Па-Ра (города) Аринны, владыки всей земли» [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 226—232].

Таков египетский текст мирного договора, заключенного Рамсесом II с Хаттусилисом III. Аккадский вариант этого договора обнаруженный Богазкёе (тексты KBo I, 7+KUB III, 121 KBo I, 25, KUB III, II+KUB III, 120), [231; 359, с; 181—183; 400, с. 46—57; 401; 402; 477], менее известен, и потому для сопоставления приведем и его, используя перевод А. Гётце [270, с. 202—203]. (Имеется много клинописных фрагментов составленного на аккадском языке текста договора. Один такой фрагмент хранится в Ленинграде в Эрмитаже [92, с. 77—82].)

«Договор Риамасеса Маиамана (Рамсеса Мериамуна), великого царя, царя страны Египет, могучего, с Хаттусилисом, великим царем Хатти, об установлении [хорошего] мира [и] хорошего братства, [достойных] великого [цар]ства, навечно.

Таковы слова Риамасеса Маиамана, великого царя страны Египет, могучего в отношении всех стран, сына (5) Минмуариа (Сети I), великого царя, царя страны Египет, могучего внука. Минпахтариа (Рамсеса I), великого царя, царя страны Египет, могучего, (сказанные) Хаттусилису, великому царю страны Хатти, могучему, сыну Мурселиса, великого царя, царя страны Хатти, могучего, внуку Суппилиумаса, великого царя, царя страны Хатти, могучего.

Теперь я установил хорошее братство (и) хороший мир между нами навечно. Для того чтобы установить хороший мир (и) хорошее братство во [взаимоотношениях] страны Египет со страной Хатти навечно, (я говорю) так: Вот, что касается взаимоотношения между страной Египет (10) и страной Хатти, то и после бесконечности бог не позволит возникнуть вражде между ними по причине договора (действительного) вечно. Вот, Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Египет, целью осуществить взаимоотношение, которое бог солнца (Ра), и бог бури установили для страны Египет и страны Хатти, при знает себя во взаимоотношении, действительном и после бесконечности, которое [не позволяе]т возникнуть вражде между [нами] вплоть до вечного времени.

Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Египет, вступил в соглашение, (написанное) на серебряной пластине, (15) с Хаттусилисом, великим царем, царем страны Хатти, [своим] братом, [с] этого [д]ня об установлении хорошего мира (и) хорошего братства ме[жду нами] навечно. Он брат [мне], и я брат ему и в мире с ним навечно. И что касается нас, наше братство и наш мир осуществлены и будут лучше, чем братство и мир, которые существовали прежде для страны Египет и страны Хатти.

Вот, Риамасеса Маиамана, царь страны Египет, находится в хорошем мире (и) хорошем братстве с [Хаттусилисом], великим царем, царем, страны Хатти. Вот, сыновья Риамасеса [С. 54] Маиамана, царя страны Египет, (20) находятся в мире с братьями и сыновьями Хаттусилиса, великого царя, царя страны Хатти, навечно. Они находятся в таком же взаимоотношении братства и мира, как мы. И что касается (взаимоотношения) страны Египет со страной Хатти, они находятся в мире и братстве, подобно нам, вечно.

Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Египет, не (вторгнется в страну Хатти, чтобы предпринять что-либо там, в будущем. И Хаттусилис, великий царь, царь страны Хатти, не вторгнется в страну Египет, чтобы предпринять что-либо там, в будущем. Вот, священный указ, (действительный) вечно, который бог солнца (Ра) и бог бури осуществили (25) в отношении страны Египет и страны Хатти, (призывая к) миру и братству, с тем чтобы не возникла вражда между ними. Вот, Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Египет, взял в отношении этого (обязательство ?) с целью осуществления хорошего бытия с этого дня. Вот, страна Египет (в своем взаимоотношении) со страной Хатти, они находятся в мире и братстве навечно.

Если какой-либо враг со стороны пойдет против страны Хатти и Хаттусилиса, великий царь, царь страны Хатти, пошлет ко мне, говоря: „Приди ко мне, чтобы помочь мне против него“. Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Египет, (30) пошлет своих пеших воинов (и) своих колесничих, и они поразят [его врага и] отомстят ему ради страны Хатти.

И если Хаттусилис, великий царь, царь страны Хатти, рассердится на своих слуг, принадлежащих ему, (и если) они не будут иметь успеха против него и пошлют к Риамасеса

Маиамана, великому царю, царю страны Египет, в отношении себя — вот, Риамасеса Маиамана пошлет своих пеших воинов (и) своих колесничих, и они разрушат все (дело) тех, на кого он (Хаттусилис) рассердится.

Если какой-либо враг со стороны пойдет против страны Египет и Риамасеса Маиамана, царь страны Египет, его брат, пошлет к Хаттусилису (35), царю страны Хатти, своему брату, говоря: „Приди сюда, чтобы помочь мне против него”, вот, Хаттусилис, царь страны Хатти, пошлет своих пеших воинов (и) своих колесничих, и они поразят моих врагов.

И если Риамасеса Ма[иамана, царь] страны Египет, рассердится на слуг, принадлежащих ему, (и если) они предадутся греху проти[в него и я пошлю] к Хаттусилису, царю страны Хатти, моему брату, в отношении себя, вот, Хаттусилис, [царь страны Хатти], мой брат, пошлет своих пеших воинов (и) своих колесничих, и они разрушат все (дело) тех, на кого он (Риамасеса Маиамана) рассердится.

(40) Вот, сын Хаттусилиса, царя страны Хатти, станет царем страны Хатти вместо Хаттусилиса, его отца, после многих лет (правления) Хаттусилиса, царя страны Хатти. Если знатные [С. 55] люди страны Хатти предадутся греху против него, вот, [Риамасеса Маиамана, царь Египта, пошлет пеших воинов (и) колесничих, чтобы отомстить им [ради страны Хатти, и, после того как они восстановят порядок] в стране царя страны Хатти, [они вернутся] в страну [Египет].

[Если знатный человек убежит из страны Хатти и е]сли какой-либо (подобный) человек придет [к Риамасеса Маиамана великому царю, царю страны Египет], с целью поступить к нему на службу — [да будет это... принадлежащее Ха]ттусилису царю страны Хатти, (10) [да будет это...] или один город, [Риамасеса Маиамана, великий царь, царь страны Хатти (?) схватит их и] доставит их обратно к царю страны Хатти.

(18) «[Если знатный человек] убежит [от Риамасеса Маиамана, царя страны Египет, и если какой-либо (подобный) человек] придет в страну [Хатти], [Ха]ттусилис, (20) [великий царь, царь страны Хатти, схватит его и] доставит его обратно к Р[иамасеса Маи]амана, великому царю, царю страны Египет, своему брату.

Если какой-либо человек убежит из [страны Хатти, или] два человека, [или три человека и придут к] Риамасеса Маи[амана, великому царю, царю страны Египет], [Риамасеса] Маиамана великий царь, [царь страны Египет, схватит их и доставит их обратно к] Хаттусилису, своему брату. [Риамасеса Маиамана, и Хаттусилис действительно] братья, [да не взыщут наказание за] их грехи, [да не] вырвут [их глаза; (25) да не отомстят им] на их людях [...вместе с] их [женами и с] их детьми.

Если [какой-либо человек убежит из Египта], или два человека, или три человека [и придут к Хаттусилису, великий царь], царь страны Хатти, его брат, схватит их и доставит их [обратно к Риамасеса Маиамана, великому царю, царю] страны Египет. [Хаттусилис, великий царь страны Хатти], и Риамасеса Маиамана, великий царь, [царь страны Египет, действительно братья, да не взыщут они наказание за их грехи] (30) [...] да не вырвут их глаза, [да не отомстят им на их людях... вместе с] их женами (и) с их детьми».

После нескольких фрагментарных строк текст обрывается. Из-за незаконченности сохранившегося аккадского текста потеряны аккадский список богов, которые были привлечены в качестве гарантов соблюдения договора.

Сличение египетского и аккадского вариантов договора Рамсеса II с Хаттусилисом III показывает тождественность их содержания. Речь идет в обоих случаях об одном и том же: о заключении договора о вечном мире, дружбе и братстве, о взаимном отказе от агрессии, о союзе и взаимопомощи в случае военного нападения на кого-либо из договаривающихся сторон, о помощи в случае внутренних беспорядков, о выдаче друг другу политических противников — беглецов при условии гуманного отношения к ним независимо от того, знатные они люди или простые. [С. 56]

В то же время египетский вариант договора, несомненно, более подробен. Так, только в египетском варианте договора сообщается о том, что согласованный при дворе Хаттусилиса III аккадский текст договора, записанный клинописью на серебряной пластине,

был доставлен в Египет специальным посольством, в состав которого входили два хеттских посла, Теретсеб и Рамес, и один египетский. Только в египетском варианте договора упоминаются предшествовавшие мирные договоры, заключённые хеттской державой с Египтом при Суппилулиумасе и Муваталлисе. Только в египетском варианте договора сохранился перечень имен многих переднеазиатских богов из объявленной в тексте договора тысячи египетских и хеттских богов и богинь, которые должны были выступить гарантами соблюдения договора заинтересованными сторонами. Только в египетском варианте договора описываются печати хеттского царя и царицы с изображениями хеттских богов, скреплявших начертанный на серебряной пластине согласованный первоначальный аккадский текст договора, отправленный Хаттусилисом III Рамсесу II.

Очевидная большая краткость известного нам клинописного текста по сравнению с египетским объясняется как худшей сохранностью клинописного текста, так и прежде всего тем, что в данном случае перед нами не первоначальный согласованный клинописный текст, начертанный на серебряной пластине, подученный Рамсесом II от Хаттусилиса III, а клинописная копия другого, также клинописного, но уже вторичного текста, который был составлен в Египте, записан на серебряной пластине и, в свою очередь, отправлен Рамсесом II ко двору Хаттусилиса III. Египетские писцы-переводчики, несомненно использовавшие в своей работе первоначальный клинописный текст, полученный Рамсесом II от Хаттусилиса III (после перевода на египетский язык этот текст лег в основу египетского варианта договора), по каким-то причинам его немного сократили.

Кроме того, отсутствие как в египетском, так и в аккадском варианте договора упоминания об обязательстве Хаттусилиса III поддержать наследника Рамсеса II, возможно, объясняется тем обстоятельством, что Рамсеса II менее по сравнению с Хаттусилисом III, пришедшим к власти после отстранения племянника Урхи-Тешуба, волновала необходимость гарантировать своему сыну наследование престола.

Подчеркивание двух факторов в качестве основного содержания договора — взаимопомощь в случае внешней военной опасности и в случае внутренних смут — позволяет сделать определенный вывод о предпосылках, приведших к заключению вечного мира между Египтом и страной хеттов. Этими предпосылками были внешняя опасность и внутренние смуты. О какой-либо внешней военной угрозе Египту во времена Рамсеса II (помимо угрозы со стороны хеттов) говорить трудно. Нет низких свидетельств и о каких-либо внутренних смутах в Египте, пошатнувших трон Рамсеса II²⁵. Что касается государства [С. 57] хеттов, то здесь внутренние беспорядки в правление Хаттусилиса III были весьма вероятны. В плохо сохранившейся и потому трудной для интерпретации строке 21 египетского текста договора все же явно говорится о возможности существования заговора, направленного против власти Хаттусилиса III или его сына.

Аналогичным образом военная опасность с какой-либо третьей стороны угрожала прежде всего царству хеттов, и потому можно думать, что инициатором переговоров, приведших подписанию мирного соглашения с Египтом, был Хаттусилис [501, с. 112 – 130]. На царство хеттов с востока наступали ассирийцы, и именно об этом свидетельствуют хеттские документы, относящиеся к периоду, предшествующему 21-му году правления Рамсеса II, когда был заключен договор о мире и союз между двумя недавними противниками. Речь в данном случае идет о хеттских документах КВо I, 14:6—19 и КВо I, 14 rev. 4 ff. в которых говорится о завоеваниях ассирийских царей Адад-Нерари I и Салманасара I в районе Ханигальбата (бывшего царства Митанни), на восточной границе хеттского государства.

Хеттскими документами устанавливается, что Адад-Нерари I совершил поход в Ханигальбат, сверг тамошнего правителя Шаттуара, но затем вновь восстановил в Ханигальбате власть последнего — уже в качестве вассала Ассирии. Через много лет после того, как сын Шаттуара, Васашатта, поднял восстание против ассирийцев, Адад-Нерари I вторично вторгся в Ханигальбат, устранил Васашатта, включив Ханигальбат в состав Ассирии [485, с. 1]. Случилось это в небольшой отрезок времени между восшествием

на престол Хаттусилиса III и заключением мирного договора Египта с царством хеттов [485, с. 9]. Поражение Васашатта привело к значительным изменениям расстановке политических сил в Азии [485, с. 9] и создало угрожающее положение на восточной границе хеттской державы. Отныне ассирийские войска могли в любой момент вторгнуться в Северную Сирию, и это обстоятельство не мог не учитывать Хаттусилис III. Интересно, что Адад-Нерари I написал Хаттусилису III письмо (KUB XXIII, 102), в котором предлагал заключать договор о мире и братстве. Однако Хаттусилис III считал недостойным для себя называть Адад-Нерари I братом хотя Адад-Нерари I после устранения Васашатта претендовал на титул «великого царя». Хеттский властитель ответил Адад-Нерари I, что не станет называть его своим братом, как это не делали и предки Хаттусилиса III [485, с. 10, примеч. 44—46]. В это время ассирийские отряды, подошли вплотную к стенам Каркемиша, и потому Хаттусилис III считал за лучшее заключить договор о мире и союзе с Рамсесом II, бесспорным «великим царем», соглашение с которым не унижало достоинства правителя страны хеттов.

Как мы уже указывали, текст мирного договора Рамсеса II с Хаттусилисом III согласовывался заблаговременно. В переговорах [С. 58] участвовали специальные представители двух договаривающихся сторон, велась оживленная переписка.

В Богазкёе было найдено письмо египетского визиря к Хаттусилису III [206, с. 42, табл. 2] и письмо египетской царицы [359, с. 203; 210, с. 72—85], которая поздравляла свою «сестру» — жену Хаттусилиса III Пудухепу — со знаменательным событием — установлением мирных и союзнических отношений между двумя недавними противниками. (О переписке Рамсеса II с хеттским двором см. также [207; 208; 209; 210; 212; 213].)

Хотя в договоре, как мы могли убедиться нигде не упоминается граница между Египтом и царством хеттов, однако по всем данным, Рамсесу II не удалось расширить владения Египта в Азии. Большая часть Сирии и Финикии, несомненно, осталась под властью хеттов, и только Южная Финикия, Южная Сирия и Палестина оказались в сфере влияния Египта [25, т. II, с. 120].

Отметим, что, еще ведя упорную борьбу с хеттами, а также после заключения мирного договора с Хаттусилисом III Рамсес II добивался установления дружественных отношений с Вавилонией — несомненно, в целях укрепления позиций Египта на восточных границах страны хеттов. О сказанном выше свидетельствует содержание письма Хаттусилиса III, адресованного вавилонскому царю Кадашман-Эллилю II, в котором сообщается как о предшествующем времени правления союзника Хаттусилиса III — вавилонского царя Кадашман-Тургу (отца Кадашман-Эллиля II), так и о взаимоотношениях Рамсеса II с Кадашман-Эллилем II после заключения мирного соглашения с хеттами (текст KBo I 10 [205, с. 130]). В данном письме речь идет не о заключении мирного договора Египта с хеттским царством (так первоначально оценили исследователи содержание письма) и не о предварительных переговорах, подготавливавших этот договор, а о дипломатической активности Рамсеса II, направленной на установление дружественных отношений Египта с Вавилонией и во время войны с хеттами, и после нее, т. е. как во время царствования Кадашман-Тургу, так и во время правления сына последнего Кадашман-Эллиля II.

Приведем теперь текст письма KBo I, 10 в переводе Эл. Эделя [205, с. 131—132] с учетом замечаний М. Б. Роутона [486, с. 16-18]:

«(55) [Так (говоря) моему брату: „]То, что мой брат написал [относи]тельно посланцев царя Египта (56), [относительно этих посланцев царя] Египта так написал я моему брату: (57) [Когда тво]й отец и я заключили соглашение о дружбе и стали братьями (58), [тогда ск]азали [мы так:] братья мы. С каким-либо общим врагом [желаем мы быть во враждебных отношениях, и с] каким-либо общим другом желаем мы быть в дружественных отношениях!”...

Когда же царь Египта (60) [и я между собой в]раждовали, тогда я написал твоему отцу Кадашман-Тургу: (61) [„Царь [С. 59] Египта] враждует со мной”, и твой отец написал мне: (62) [„Когда твои отряды] выступают против Египта, выступлю и я с тобой; (63) [когда ты

против Египта] выступишь, [пошлю] я [тебе] (пешее) войско и колесницы, как если бы они были привлечены вместе со мной". Спрашиваю [т]еперь, мой брат, твоё величество, о том, что тебе могли бы сказать. (65) [Когда я выступил], взял ли я (пешее) войско и колесницы в том большом количестве, о котором он (Кадашман-Тургу.— *И. С.*) сказал, что [пошлет], чтобы со мной выступили? (66) (Но) когда и что я взял?²⁶ Что касается моего врага, который за границу [бежал, который] прибыл к царю Египта, когда я ему (царю Египта.— *И. С.*) написал: (68) „Моего врага] мне предоставь!" Тогда он (царь Египта.— *И. С.*) не позволил предоставить (мне) моего врага (69), [и из-за этого (дела) гневались друг на друга я и царь Египта]. (70) [Я написал] твоему отцу „Царь Египта привлек на помощь моего врага!" И тогда твой отец посланцев царя] Египта отослал прочь. Когда же ты, мой брат, (72) [царем стал], тогда ты [твоих посланцев к царю Е]гипта направил. Дела посланцев (73) [царя Египта... и царь Египта твои (74) [подарки принял, и ты его подарки] принял. Теперь (75) [...И если ты твоих посланцев к царю Египта] посылаешь, почему должен я тебе (в этом) мешать?» [205, с. 131-132; 486, с. 17].

Как полагал Эл. Эдель, письмо Хаттусилиса III к Кадашман-Эллилю II было направлено еще до заключения мирного договора между Египтом и страной хеттов [205, с. 133]. Между тем, по мнению М. Б. Роутона, последняя строка письма Хаттусилиса III, подчеркивающая согласие хеттского царя на установление хороших отношений Вавилонии с Египтом, указывает что это письмо было составлено уже после подписания Хаттусилисом III мирного соглашения с Рамсесом II в 21-й год правления последнего [486, с. 16—17]. Согласно трактовке М. Б. Роутона, текст КВо I, 10 являлся ответом Хаттусилиса III на какое-то письмо Кадашман-Эллиля II, в котором Кадашман-Эллиль II скорее всего обвинял Хаттусилиса III в том, что он втянул Кадашман-Тургу (отца Кадашман-Эллиля II) во враждебные отношения с Рамсесом II [486, с. 17]. Хаттусилис III как бы оправдывался, сообщая Кадашман-Эллилю II, что предложенные его отцом пешие войска и колесницы не были использованы Хаттусилисом III в военных действиях против Египта, да и сейчас, уже после заключения мирного договора с Египтом, хеттский царь не собирается препятствовать развитию дружественных отношений между Вавилонией и Египтом.

Отметим, что приведенный текст КВо I, 10, несомненно, во первых, свидетельствует о существовании дипломатических связей Египта с Вавилонией в период борьбы с царством хеттов, во-вторых, указывает на налаживание дружественных отношений между Египтом и Вавилонией после подписания мирного договора с хеттами. Особо подчеркнем, что в тексте КВо I, 10 [С. 60] как о причине вражды Хаттусилиса III к Рамсесу II говорится о каком-то противнике хеттского царя, бежавшем в Египет, скорее всего о знатном подданном или родиче Хаттусилиса III, возможно замешанном в династийной борьбе за престол, в которой столкнулись друг с другом Урхи-Тешуб и Хаттусилис III (племянник и дядя). Сообщаемый текстом КВо I, 10 факт поддержки Рамсесом II какого-то враждебного хеттскому царю беглеца, бесспорно, заслуживает внимания, коль скоро он нашел свое отражение и в соответствующих параграфах мирного договора Хаттусилиса III с Рамсесом II, предусматривающих взаимную выдачу подобного рода беглецов.

БРАК РАМСЕСА II С ХЕТТСКОЙ ПРИНЦЕССОЙ, ДОЧЕРЬЮ ХАТТУСИЛИСА III

Через 13 лет после заключения мирного договора с хеттами, в 34-й год своего царствования (год второго празднования юбилея «тридцатилетия» — хеб-седа), Рамсес II вступил в брак со старшей дочерью Хаттусилиса III. Последний, сопровождая свою дочь, с большой свитой и богатыми дарами лично прибыл в Египет вместе с царем страны Кеди для участия в свадебных торжествах [207, с. 13 и сл.]. Позднее, как сообщают стелы из Коптоса и Абидоса, Рамсес II взял в жены и другую дочь Хаттусилиса III [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 282—283]²⁷. Надписи о бракосочетании Рамсеса II со старшей дочерью Хаттусилиса III были высечены во многих местах в Египте и Нубии. Помимо большого текста

в Абу-Симбеле аналогичные тексты, сообщающие о первом браке Рамсеса II с хеттской принцессой, имеются на стелах в Карнаке, в Амаре, в Акше, в Элефантине [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 234—256; 357, с. 181—238], а также на разрушенной стеле из святилища Мут в Карнаке [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 256—257; 372, с. 34—45].

Браку Рамсеса II со старшей дочерью Хаттусилиса III предшествовали длительные переговоры, и оживленная переписка между царствующими домами Египта и страны хеттов.

Так, в найденном в архиве Богазкёя письме, адресованном хеттской царице Пудухепе, жене Хаттусилиса III, Рамсес II информировал ее: «Смотри, великий царь, царь Хатти, мой брат, написал мне, говоря: „Пусть придут люди, чтобы возлить хорошее, прекрасное масло на голову моей дочери, и пусть она будет доставлена в дом великого царя, царя Египта”» [209, с. 262—275; 502, с. 187, примеч. 41].

Как сообщал Рамсес II в другом письме Пудухепе, он удовлетворил просьбу Хаттусилиса III побеспокоиться о том, чтобы его дочь была благополучно доставлена в Египет: «Что карается твоего послания мне: „Смотри, невеста... которую я дам, я дал ее и ее приданое больше, чем приданое (дочери) царя (страны) Зулапи... Я даю моей дочери рабов, скот, овец и [С. 61] лошадей, и в этом году я отправляю мою дочь, которая доставит рабов, скот, овец и лошадей в страну Эйз, и пусть мой брат пошлет человека, чтобы он побеспокоился о них в стране Эйз”, — так мой брат написал мне, и я отвечу ему следующее: „В отношении этих рабов, и этих стад лошадей, и этих стад скота, и этих стад овец... я написал Сети, правителю города Рамсес, города, который (находится) в стране Упи, чтобы (он) побеспокоился о них, и он будет тем, кто отвечает за них, до тех пор пока невеста не прибудет в Египет”. И далее я написал правителю Птах... в городе Рамсес, городе, который (находится) в Канаане, побеспокоиться об этих рабах, и этих стадах телят, и этих стадах овец. Он будет тем, кто отвечает за них, пока невеста не прибудет в Египет... и из уважения к твоему посланию: „Что касается охраны невесты, дай продовольствие их людям”, хорошо, я прикажу, чтобы оно было дано [212, с. 29—63; 502, с. 187, примеч. 41].

О том, как старшая дочь Хаттусилиса III с богатым приданым прибыла в Египет, рассказывается в египетских текстах и наиболее обстоятельно в том из них, который сохранился на «брачной стеле» Рамсеса II.

«Брачная стела» Рамсеса II, высеченная на отвесной скале из песчаника на южной стороне большого храма в Абу-Симбел [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 234—252; 357, с. 181—238], воспроизводит текст документа, разосланного в различные храмы Египта для его увековечения на их стенах. Надпись эта не избежала повреждений. Резчику, высекавшему в Абу-Симбеле текст «брачной стелы», не хватило места для ее полного воспроизведения. Он высек только 41 строку, несмотря на то что постепенно уменьшал размеры иероглифов. В конце концов ему пришлось дойти до края скалы и остановиться, не завершив повествования. Как пишет Я. Черны, «надпись долго, может быть целые столетия, подвергалась влиянию непогоды, пока ее совершенно не засыпало песком, но к этому времени мельчайшие частицы песка, приносимые преобладающими здесь северными ветрами, уже значительно сгладили поверхность камня.

Поэтому неудивительно, что немецкий ученый Р. Лепсиус первый взявшийся за изучение стелы в 1843—1844 гг., списал да и то с большими пробелами, только 18 строк, так как нижняя часть стелы, вероятно, погребена под песками. Лишь в конце прошлого века французский египтолог Э. Буриан скопировал, хотя и несовершенно, всю надпись. Много в оригинале сильно попорчено выветриванием, и некоторые слова, даже целые строки часто так неразборчивы, особенно при дневном свете, что исследователь может добиться успеха лишь в том случае, если он располагает достаточным временем и ярким электрическим освещением для работы ночью» [91, с. 31].

Первые 25 строк текста «брачной стелы» содержат длинное вступление с обычными славословиями и похвалами Рамсесу II. Далее сообщается следующее: «Тогда снарядил он (Рамсес II) [С. 62] свое колесничное войско, чтобы нанесло оно удар по стране Хета. Поразил он ее, будучи один, на глазах у воинов своих. Создал он себе имя навеки во дворце своем.

Запомнили они мощь руки его. Кто уцелел от руки его, тех сделал он ничтожными. Мощь его среди них как пылающий факел... И когда прошло много лет и страна их погибала и ослабевала год от года из-за мощи великого живого бога, владыки двух земель, властителя девяти луков, царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, которому дана жизнь, написал великий правитель страны Хета, умиротворяя величество его, увеличивая мощь его, превознося победу его, говоря: „Отврати гнев свой, отведи кару свою, дай нам вдохнуть дыхание жизни. Ведь ты сын Сутеха! Присудил он тебе страну Хета. Дары наши, все, что ты пожелаешь, принесем мы их в твой почтенный дворец. Вот мы под ногами твоими, о победоносный царь! Случилось с нами все, как определил ты, о царь Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун, которому дана жизнь!” И писал великий правитель страны Хета письма, умиротворяя величество его год за годом, но ни разу не прислушался он к ним. А когда увидели они страну свою в этом скверном состоянии из-за великой мощи владыки двух земель, царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сына Ра, Рамсеса Мериамуна, которому дана жизнь, сказал великий правитель страны Хета воинам своим и сановникам своим, говоря: „Смотрите! Наша страна бедствует, а владыка наш Сутех гневается на нас. Небо не дарует нам дождь. Все страны, объединившись, сражаются против нас. Соберем же все достояние наше, и пусть дочь (моя) старшая будет во главе его. Принесем мы дары благому богу, царю Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сыну Ра, Рамсесу Мериамуну, которому дана жизнь, чтобы дал он нам мир и мы могли бы жить”. И приказал он, чтобы доставили дочь его старшую и перед ней дары прекрасные, состоящие из золота, серебра и металлов многочисленных, рабов, лошадей — нет числа им, быков, овец, коз — нет конца вещам, которые они принесли.

Пришел некто, чтобы обрадовать сердце величества его, говоря: „Вот, повелел великий правитель страны Хета, чтобы доставили дочь его старшую с дарами многочисленными, состоящими из множества вещей, которые покрывают ту, которая: во главе их, правительницу страны Хета, вместе с сановниками великими страны Хета, несущими их. Прошли они через множество гор и трудных перевалов. Достигли они границ величества твоего. Пусть отправятся воины и сановники встретить их! О царь Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун!” И величество его обрадовался, и дворец был доволен, когда услышал он об этом чудесном событии, неизвестном (ранее) в Египте: Тотчас послал он воинов и сановников встречать их... Потом стал величество его совещаться со своим сердцем, говоря: „Каково будет тем, кого послал я [С. 63] следовать в качестве послов в Сирию в эти дни дождя и снега, случающиеся в (период) перет (зимы)?” Потом принес он жертву великую отцу своему Сутеху. Обратился он к нему, говоря: „Небо в руках твоих, земля под ногами. Все, что ты приказываешь, свершается. Не сотвори дождь холодный и снег до тех пор, пока не достигнут меня те чудеса, которые ты предназначил мне!” ...И услышал отец его Сутех все, что он сказал. И было небо спокойным, и дни (периода) шему (лета) случались в (период) перет (зимы), так что воины и сановники путешествовали приятно, члены их были в довольстве, а сердца — в радости...

Когда дочь этого великого правителя страны Хета проследовала в Египет, колесничное войско, сановники величества его смешались в свите ее с колесничным войском страны Хета. Были они все как египетские воины... Ели они и пили они, имея одно сердце, как братья, и ни один не ссорился со своим соседом. Мир и братство были между ними по замыслу самого бога. И великие правители всех стран, через которые они проходили были в смущении и отвернулись, удивленные, когда увидели они людей страны Хета, соединившихся с воинами царя Египта”. [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 243—252, стк. 26—41]. На этом текст абу-симбельской стелы обрывается, но другие варианты этого текста — из Карнака и Амары — сообщают о том, что Рамсес II был поражен красотой хеттской царевны, которая получила египетское имя Маатнефрура как царствующая жена фараона. Рамсес II поместил ее в своем дворце и виделся с нею каждый день. После заключения брака

с дочерью Хаттусилиса III Рамсес II стал считать хеттов как бы подданными Египта, который отныне благоденствовал в мире и без страха. На «брачной стеле» из большого храма в Абу-Симбеле сохранились рельефное изображение прибытия царевны в резиденцию Рамсеса II (в центре композиции) и изображение следующего за своей дочерью Хаттусилиса III [468, с. 114, № 339]. Само собой разумеется, что прибытие в столицу Египта, в город Пер-Рамсес, Хаттусилиса III вместе с царем страны Кеди для присутствия на торжественной церемонии бракосочетания хеттской царевны с фараоном было истолковано придворными Рамсеса II как ещё одна его блестящая победа.

Брак Рамсеса II с хеттской царевной произвел большое впечатление на современников и оставил о себе память в веках. От позднего эллинистического времени известна запись сказки о болезни царевны Бентреш из страны Бахтан (скорее всего Бактрии) [200, с. 47—50], для исцеления которой (изгнания злых духов) по просьбе ее отца из Египта была отправлена статуя бога Хонсу, якобы обладающая волшебной силой врачевания. Поскольку царевна Бентреш названа старшей сестрой жены Рамсеса II Нефруры, можно считать, что в этом сказочном повествовании отразились предания о браке Рамсеса II с дочерью Хаттусилиса III²⁸. [С. 64]

РАМСЕС II И НУБИЯ

В царствование Рамсеса II вся Нубия до четвертого порога находилась в абсолютном подчинении Египта. Египетская администрация полностью контролировала обстановку в Нубии, доставляя в царскую казну различные материальные ценности и прежде всего золото. Как свидетельствует надпись на стеле из Кубана от 3-го года правления Рамсеса II, последний преуспел там, где потерпел неудачу его отец Сети I, выкопав колодец и достав воду на трудном пути к золотым рудникам в Вади-Аллаки [137, т. II, § 282—295; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 356 и сл.; 490, с. 30; 543]. О военных экспедициях Рамсеса II в Нубию достоверных сведений нет, и можно думать, что подобные экспедиции вообще не имели места по причине прочности египетской власти в Нубии. К такому выводу пришел, в частности, Т. Сэве-Сёдерберг, оценивая достоверность трех циклов изображений и текстов, сообщающих о военных действиях Рамсеса II в Нубии, начертанных на стенах храмов в Абу-Симбеле, в Бейт эль-Вали и в Дерре [495, с. 170]. В большом абу-симбельском храме имеется много сцен и текстов, повествующих о военных действиях Рамсеса II в Нубии. Однако эти события не локализируются и не датируются и часто прерываются упоминаниями о событиях в азиатских странах. О событиях в Нубии военные сцены и тексты из Абу-Симбела сообщают трафаретные подробности: победоносное возвращение из похода, привод пленных, подношение побежденными даров и т. п. [137, т. III § 444, 450; 475, с. 39; 577, с. 180, 181, 184a]. Полагаться на эти абу-симбельские сообщения, по мнению Т. Сэве-Сёдерберга, не приходится.

Не большего доверия заслуживают и аналогичные сцены и надписи в нубийских храмах в Бейт эль-Вали и в Дерре. В храме Бейт эль-Вали представлены захват военной добычи и сцена битвы. (Последняя есть и в храме в Дерре [577, с. 165—185a].) В военной композиции изображены фараон Рамсес II на колеснице, хватающий бегущих кушитов, рядом нубийское поселение под пальмами, сидящая перед хижиной плачущая вдова, пастух со своим стадом и раненый, доставляемый с поля битвы [495, с. 171]. Предполагать, однако, реальный поход Рамсеса II в Нубию на основании вышеописанных трафаретных сцен, по мнению Т. Сэве-Сёдерберга, не следует²⁹. Не свидетельствует о таком походе и текст стелы из Асуана, датируемый 2-м годом, 3-м месяцем периода шему, 26-м днем царствования Рамсеса II, сообщающий о военных действиях в Нубии и на севере Египта (столкновение с шерденами). Все материалы о военной активности Рамсеса II в Нубии малодостоверны и скорее всего повторяют привычные мотивы египетского традиционного отношения к этой стране [495, с. 172].

Как известно, Нубия управлялась египетским наместником, носящим титул «царский сын Куша», опиравшимся на Египетскую [С. 65] военную и гражданскую администрацию, в которую, главным образом в конце правления фараонов Рамессидов, проникали и местные элементы³⁰. В Нубии египтяне осуществляли не косвенное (как в Азии), а прямое управление, основой которого были военная сила (концентрировавшаяся в многочисленных крепостях) и гражданское чиновничество. Все вышесказанное было характерно и для царствования Рамсеса II.

Известно несколько «царских сыновей куша» — современников Рамсеса II. Так, многочисленные памятники упоминают «царского сына Куша» Сетау, который носил кроме того, титулы «начальник двойного дома серебра и золота», «великий начальник дома Амуна» [495, с. 176; 475, № 14; 294, с. 51]. В Абу-Симбеле две стелы говорят как о современнике Рамсеса II о «царском сыне Куша», Пасере (II) [495, с. 176; 475, № 13]. «Царским сыном Куша» при Рамсесе II был некий Хеви, отмеченный в четырех текстах из Сихейла, а также в надписи оставленной на пути из Асуана в Коноссо [23, с. 154; 287, № 25, 26, 27 а—в, 28, 29], и на берлинской стеле, исследовавшейся Г. А. Рейснером и А. Готье [495, с. 176].

Ушебти двух «царских сыновей Куша», управлявших Нубией во времена Рамсеса II, были обнаружены в Анибе (где, однако, они не похоронены) [495, с. 177; 475, № 15, 16]. А. Готье упоминает пять «царских сыновей Куша» времени Рамсеса II: Иуни, Аменемопета, Сетау, Мессуа, Пасера [258; с. 113]. Г. А. Белова в своей специальной статье называет шесть «царских сыновей Куша», управлявших Нубией во времена Рамсеса II, носивших имена Аменемопет, Иуни, Хеканахт, Пасер (II), Хеви, Сетау [23, с. 169, 170, 172]. Большинство из этих «царских сыновей Куша», в особенности Сетау [294, с. 51 и сл.], помимо своего основного титула имели множество званий (военных, гражданских, почетных) [23, с. 172], отражавших господствующее положение наместников фараона в покоренной Нубии³¹. Последняя была прочно присоединена к Египту задолго до воцарения Рамсеса II, которому скорее всего не пришлось совершать в нее военные походы, несмотря на наличие трафаретных надписей и изображений, казалось бы свидетельствующих об обратном³². О прочности египетской власти в Нубии в этот период свидетельствует осуществлявшееся Рамсесом II в Нубии исключительно интенсивное храмовое строительство.

РАМСЕС II И АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

В памяти народов античного мира Рамсес II остался как великий фараон и полководец-завоеватель. Так, Иосиф Флавий, используя труд Манефона, писал о Рамсесе II (Σέθω³³ ὁ καὶ Ραμέσσης), что он совершил победоносный поход на восток против мидийцев (Против Апиона I, 15). Об азиатском походе Рамсеса II повествовал и Гекатей Абдерский, рассказывавший [С. 66] о выступлении царя Осимандия (Ὀσὶμανδύας) (т. е. Рамсеса II, но названного в соответствии с греческой транскрипцией тронного имени последнего — *Wsr-m3't-R*) против восставших бактрийцев (Диодор I, 47, 6). О том же, как сообщал Тацит (Анналы II, 60), поведал родственнику римских императоров Германику один старый фиванский жрец, вспоминая о великом завоевателе, покорившем различные народы Африки и Азии, в том числе и бактрийцев.

В позднем иероглифическом тексте эллинистического времени, сообщающем о болезни царевны Бентреш из страны Бахтан, излеченной присланной к ней из Египта чудодейственной статуей фиванского бога Хонсу, также речь идет, по-видимому, о Рамсесе II [541, с. 47]. Долгое время исследователи считали, что упоминаемый впервые у Геродота (II, 102—110) легендарный египетский фараон Сесострис, якобы совершивший походы в Европу, Азию, Ливию, Нубию, был Рамсесом II, чье краткое прозвище «Сеси» легло в основу грецизированного имени «Сесострис» [393, с. 595]³⁴. Подобную идентификацию имени «Сесострис» опроверг К. Зете, который доказал, что в древнеегипетском имени «Сесострис» обобщены имена трех фараонов Среднего царства — Сенусертов, и в особенности Сенусерта I, но оно не является прозвищем Рамсеса II — Сеси [517].

Подобный вывод стал в настоящее время общепризнанным [386, с. 244, 247, 255; 471, т. II, с. 226; 551, с. 11]³⁵. Нам кажется, однако, что фараоны Сенусерты меньше похожи на легендарного Сесостриса, чем Рамсес II, и потому возможно предположение: если фонетически имя «Сесострис» и не восходит к прозвищу Рамсеса II — Сеси, то в историческом плане именно Рамсес II повлиял на формирование предания о великом завоевателе Сесострисе³⁶.

ПЕР-РАМСЕС — РЕЗИДЕНЦИЯ РАМСЕСА II

Столицей Египта в царствование Рамсеса II стал город Пер-Рамсес Мериамун-Великий-Победами, строительство которого началось в дельте Нила, возможно, еще при Сети I на месте древней резиденции гиксосских правителей Авариса.

Пер-Рамсес (т. е. Дом Рамсеса) превратился в местопребывание административных учреждений и двора всех фараонов XIX и XX династии — фараонов Рамессидов³⁷.

Относительно локализации Авариса до сих пор существуют различные мнения, причем аргументы, привлекаемые для обоснования той или иной точки зрения, столь серьезны, что А. Гардинер должен был отметить это специально [242, с. 258]. По общему заключению, древний Аварис, столица гиксосов, находился там же, где впоследствии был построен Пер-Рамсес. (Исключение составляет мнение Р. Вайлля, не дающего, впрочем, собственной локализации Авариса [561, с. 10—25].) Основным [С. 67] доказательством идентичности Авариса и Пер-Рамсеса считается поклонение Сетху (Сутеху) в Аварисе и в Пер-Рамсесе, как об этом свидетельствует хотя бы современная Рамсесу II стела 400-летия эры Сетха (Сутеха). Имеется, кроме того, сходство в описании географических особенностей окрестностей обоих городов. Археологических свидетельств, определяющих местоположение Авариса, наберется, впрочем, не так уж много и потому для локализации столицы гиксосов первостепенное значение имеет локализация столицы Рамессидов — города Пер-Рамсес. Последняя проблема имеет большую историю. Пер-Рамсес пытались обнаружить в различных пунктах Дельты: в Телль-эр-Ретабе [454, с. 28, табл. XXXV], в Пелузии [241, с. 127, 179, 242], в Танисе, в местности Катаана-Кантур и в местности Чель³⁸ [431, с. 22]. В настоящее время внимание исследователей привлекают два пункта восточной Дельты — город Танис и территория в местности Катаана-Кантур, расположенной примерно в 25 км к юго-западу от Таниса, на стыке бубастидского и пелузийского рукавов Нила [546, с. 133, 138, фиг. 21—22]. Основными приверженцами отождествления Пер-Рамсеса с Танисом выступили такие исследователи, как П. Монтэ, А. Гардинер, Г. Кеес, Ю. фон Бекерат, [116; 118; 238, т. 2, с. 171—175; 254, с. 122—188; 339, с. 145—182; 413; 414; 420, с. 1—28]. В пользу локализации Пер-Рамсеса в местности Катаана-Кантур высказались М. Хамза, В. Хейс, Л. Хабаш, Е. П. Апхилл, Дж. Вэн Сетерс [289, с. 444—562; 297, с. 31—68; 300; 301, т. 2, с. 329; 544, с. 299—316; 546].

Обоснованная многими исследователями, в том числе такими крупнейшими авторитетами, как П. Монтэ и А. Гардинер, топографическая идентификация Пер-Рамсеса (Авариса) с Танисом до сих пор пользуется широким признанием. Во многих египтологических работах и в настоящее время повторяется тезис о локальной совместимости Пер-Рамсеса (Авариса) с Танисом (см., например, [35, с. 7]). Именно поэтому мы считаем необходимым противопоставить подобной распространенной точке зрения очень убедительное опровержение, содержащееся в работе Дж. Вэн Сетерса.

Дж. Вэн Сетерс собрал и глубоко проанализировал все факты, показывающие несостоятельность традиционного вывода о местонахождении столицы Рамсеса II. Аргументация Дж. Вэн Сетерса нам представляется безупречной и исчерпывающей, и поэтому мы позволим себе изложить ее, чтобы каждый мог убедиться в ее неотразимости.

При отождествлении Пер-Рамсеса с Танисом, как указывает Дж. Вэн Сетерс, обращалось внимание на возможность отнесения тех или иных обнаруженных в Танисе архитектурных памятников ко времени Рамессидов.

Дискуссия по этому вопросу началась с анализа датировки больших, окружающих Танис стен. В своем раннем сообщении по поводу этих стен Ж. Фугерусс говорил о том, что внутреннее [С. 68] ограждение Таниса было возведено в годы царствования фараонов XXI династии [233, с. 19—48], как это засвидетельствовано картушем с именем «Псусеннес» на кирпичях. Это ограждение, согласно указанию Ж. Фугерусса, использовало линию внешней стены в ее северной и западной сторонах. Внешнюю стену, исходя из подобного вывода, должны были соорудить до правления XXI династии, и, следовательно, эту стену нужно относить ко времени Рамессидов [546, с. 128].

Более поздние археологические обследования внешней стены, проведенные П. Монтэ, показали, однако, что заключение Ж. Фугерусса было ошибочным [414, с. 13—27]. Как свидетельствует установленный П. Монтэ план внешней стены, эта стена являлась частью небольшого ограждения, а монументальный проход на западной стороне внешней стены ясно датирует все сооружение временем Шешонка III [414, с. 14 и сл.]. Несмотря на столь важное доказательство, П. Монтэ продолжал защищать идею, что Рамессиды возвели внешнюю стену и проход, которые позднее были включены в постройки Шешонка III. Подкрепляя свой вывод, П. Монтэ обратил внимание на использование Шешонком III при сооружении прохода материалов из прохода, созданного при Рамсесе II. Нужно, однако, учитывать, что эти материалы к тому моменту, когда они были открыты П. Монтэ, уже долгое время не находились в своем первоначальном местоположении (*in situ*), и потому использование их для более ранней датировки внешней стены является весьма сомнительным делом [546, с. 129].

П. Монтэ указал также в подтверждение своей точки зрения на открытие помещенных в фундамент внешней стены останков двух человеческих жертвоприношений — скелетов ребенка и взрослого в специальных глиняных сосудах. Вначале П. Монтэ датировал эти находки гиксосским периодом [420, с. 19; 254, с. 124; 116, с. 33]³⁹, но позднее отнес их ко времени Рамессидов. Тот факт, однако, что подобные сосуды со скелетами были найдены и возле прохода, сооруженного при Шешонке III, позволяет предполагать отнесение к его времени и двух других сакральных погребений. Обращаясь к различным храмовым сооружениям Таниса, П. Монтэ датировал их периодом Рамессидов, хотя ясных археологических указаний на этот счет, как отметил Дж. Вэн Сетерс, у него не имелось. Это, в сущности, признал и сам П. Монтэ [414, с. 50; 546, с. 129]. Как предположил последний, древние храмы Таниса были сначала полностью разрушены, а затем якобы восстановлены на прежнем месте. Такое предположение маловероятно. Известно, что при строительстве новой столицы египетские фараоны, в особенности Рамсес II, использовали памятники и материалы, доставленные из других мест и относящиеся к более раннему историческому периоду.

Однако в тех случаях, когда царь продолжал поклоняться какому-либо божеству на том же самом месте, обычным было [С. 69] не полное разрушение первоначального сооружения (с последующим его восстановлением), а практика расширения уже существующей постройки. Именно подобная практика была характерна и для храмов Фив. Возможность полного восстановления сначала разрушенных храмов Таниса не была достаточно осмыслена П. Монтэ. Но своеобразный, отмеченный выше археологический феномен Таниса легко объяснить предположением, что столица Египта с воцарением фараонов XXI династии была переведена в Танис из другого места.

Между тем в Танисе были обнаружены наиболее впечатляющие сооружения времени Рамессидов, такие, как стела 400-летия эры Сетха (Сутеха), как статуи царей и богов, обелиски, части зданий, колонны [414, с. 52—93]. В надписях на этих памятниках имеются упоминания всех основных божеств Пер-Рамсеса, известных из литературных источников [420, с. 86 и сл.]. На колоннах, например, имеются посвящения Птаху Рамсеса и Ра Рамсеса. По мнению А. Гардинера, любой подобный архитектурный объект мог быть обнаружен только в городе, в котором почитали упоминаемое божество, т. е. в Пер-Рамсесе [254, с. 123 и сл.]. Бесспорным, однако, является факт, подчёркиваемый Дж. Вэн Сетерсом, что колонны

не были найдены в Танисе *in situ*⁴⁰. Исследователи, проводившие раскопки в Танисе, пытались установить какую-нибудь архитектурную общность между колоннами и другими остатками строений, но без успеха [414, с. 33, 45; 546, с. 131].

Важным обстоятельством является полное отсутствие в Танисе какого-либо археологического пласта, предшествующего XXI династии. В то время как обнаруженные в Танисе крупные памятники Рамессидов выглядят очень впечатляюще, в Танисе не были найдены малогабаритные предметы, которые можно было бы датировать временем Рамессидов или еще более ранним периодом⁴¹. Что касается обнаруженных в Танисе блоков строений и статуй с надписями более ранних фараонов, то они могли быть доставлены в Танис правителями XXI династии с целью застроить и украсить свою новую столицу [301, т. 2].

Другим местом для локализации Авариса и Пер-Рамсеса может быть, как мы уже указывали, местность Катаана-Кантир [94, с. 316—324; 95, с. 207—226; 261, с. 127 и сл.; 281, с. 56 и сл., табл. XIX; 289, с. 444—562; 297, с. 31—68; 300; 546, с. 132, примеч. 21]. В настоящее время большая часть этой местности используется для земледелия, но в ней встречается несколько холмов в окрестностях Езбет Рушди эс-Сагира и Телль эд-Дабаа⁴², в которых были обнаружены весьма многозначащие археологические материалы, несмотря на то что эта местность протяженностью 3 км с севера на юг и 1,5 км с востока на запад обследовалась очень слабо. Древнейшее поселение здесь было основано во времена Среднего царства Аменемхетом I в качестве крепости и центра торговли с Сирией и Палестиной. (Известно, что Аменемхет I обращал большое внимание [С. 70] на защиту границ восточной Дельты [466, с. 24 и сл.].) Немного к северу от Катаана-Кантира был обнаружен дверной проем из красного гранита, свидетельствующий о том, что их строитель Сенусерт III реставрировал большое здание, возведенное Аменемхетом I [289, с. 448 и сл.]. Статуя Аменемхета I и стол для жертвоприношений времени Сенусерта III были найдены возле Телль эд-Дабаа [289, с. 452 и сл.].

В Езбет Рушди эс-Сагира С. Адам откопал около поселения Шахата храм Среднего царства, несколько домов и дворец этого же периода. Вместе с ними С. Адам обнаружил стелы и надписи чиновников XII династии, [95, с. 207—226]. В этом же районе были найдены статуи последних правителей XII династии, царицы Собекнофру, а также царя XIII династии Ааму Сахорнеджихериотефа [289, с. 458 и сл.]. Равным образом здесь обнаружили два пирамидиона, из которых один принадлежал Эи (Ау), фараону XIII династии, а это заставило предположить, что некоторые правители конца Среднего царства были захоронены в обследованном пункте [289, с. 471 и сл.]. Все это определенно указывало на большое политическое значение местности Катаана-Кантир в эпоху Среднего царства и в особенности во II Переходный период.

В то же время в регионе, где производились раскопки, было обнаружено сравнительно мало предметов, которые можно было бы датировать временем гиксосов. И все же С. Адам в Езбет Рушди эс-Сагира засвидетельствовал существование поселения от периода Среднего царства и до установления гиксосского господства [95, с. 207—226]⁴³. Для раннего слоя этого поселения была характерна глиняная посуда, типичная для Среднего царства, в то время как к более поздней стадии относятся сосуды и скарабеи, найденные в местности Телль эль-Яхуди и по стилю датируемые II Переходным периодом. На одном из скарабеев, обнаруженных в Езбет Рушди эс-Сагира, упоминается гиксосский правитель Хиан. В Телль эд-Дабаа нашли фрагмент стелы гиксосской царевны Тани [526, с. 233]. Как справедливо отмечает Дж. Вэн Сетерс, эти, казалось бы, незначительные находки имеют большую археологическую значимость, чем статуи из Таниса, поскольку они указывают на наличие в Телль эль-Яхуди и в Телль эд-Дабаа гиксосских поселений, восходящих к периоду Среднего царства [546, с. 134]. Все это, впрочем, еще не говорит о том, что здесь была столица гиксосов Аварис. Более доказательна обнаруженные в Катаана-Кантире и восходящие ко времени Рамессидов многочисленные черепки глазурованных плиток и глиняные формы, с помощью которых эти плитки были изготовлены [297, с. 46—62; 300].

Изображения на черепках плиток характерны для тронного зала дворца, и В. Хейсу удалось реконструировать некоторые его элементы, такие, как помост для царского трона, окно для аудиенций и украшенные орнаментом проходы. Не может быть никакого сомнения в том, что прекрасный дворец Рамсеса II [С. 71] находился в Катаана-Кантире. Работавший в этой же местности Л. Хабаши полностью реконструировал 24 дверных проема дворца эпохи Рамессидов [289, с. 490]. Он нашел в Катаана-Кантире также колодец, облицованный блоками с начертанным на них именем Рамсеса II. Все эти архитектурные элементы были обнаружены в Катаана-Кантире *in situ*. В то же время в данной местности полностью отсутствуют остатки каких-либо построек более поздних периодов, чем местность Катаана-Кантир коренным образом отличается от Таниса. Найденные в Катаана-Кантире статуи и стелы также представляют значительный интерес. С. Адам в 1954 г. откопал здесь основание огромной статуи Рамсеса II с небольшим фрагментом ноги [94, с. 316—324]. Недалеко находились и другие небольшие части статуи, которую полностью все же реконструировать не удалось. Тем не менее, основываясь на обычных масштабах статуй Рамсеса II, С. Адам предположил, что и найденная им статуя должна была достигать высоты около 10 м, т. е. отнес ее ко второй по величине и уступающей лишь колоссу Рамсеса II в Рамессеуме в Фивах. Л. Хабаши обследовал происходящие из Катаана-Кантира стелы — как непосредственно откопанные там, так и приобретенные у торговцев древностями [289, с. 501—559]⁴⁴. Большинство этих стел невелики и принадлежат жрецам, гражданским и военным чиновникам. Все это позволяет сделать вывод, что здесь находились центры бюрократического управления, хранилища, мастерские, военные посты и храмы, в том числе храмы основных божеств Пер-Рамсеса: Амуна, Птаха, Ра, Маат, Собека, Сетха и самого обожествленного Рамсеса II. Особый интерес представляет происходящая из Катаана-Кантира стела военного должностного лица по имени Усермаатранахт [289, с. 507, табл. XXI]. Как явствует из текста стелы, Усермаатранахту за службу в Азии был дан участок земли к западу от Пер-Рамсеса. Верхняя часть стелы изображает царя, повергающего азиатов перед богом Сетхом. Образ этого божества, его украшения и одежда тождественны тому богу Сетху, о котором идет речь на стеле 400-летия эры Сетха.

Совершенно очевидно, что Сетху поклонялись в Катаана-Кантире, и потому две данные стелы, упоминающие Сетха, фактически тесно связаны друг с другом, хотя первая стела происходит из Катаана-Кантира, а вторая была обнаружена в Танисе [причем стела не находилась в своем первоначальном местоположении (*in situ*)]. В дальнейшем, продолжая раскопки в Катаана-Кантире, М. Хамза нашел пять глиняных черепков (остраконов), на которых сообщалось о винограднике к западу от Пер-Рамсеса, принадлежавшем тому же Усермаатранахту [297, с. 43—45].

Основываясь на свидетельствах археологии, Дж. Вэн Сетерс пришел к выводу, что в местности Катаана-Кантир в период Рамессидов существовали дворцы, храмы Пер-Рамсеса и военные посты. В противоположность памятникам Таниса ни один [С. 72] из обнаруженных археологических памятников не мог быть доставлен в Катаана-Кантир при фараонах XXI династии, поскольку нет доказательств существования там поселения в эпохи более поздние, чем время Рамессидов. Кроме того, в Катаана-Кантире был обнаружен тот археологический комплекс малых объектов, относящихся к периоду Рамессидов, который полностью отсутствует в Танисе. Одновременно в Катаана-Кантире была найдена целая серия предметов с именами царей обеих династий Рамессидов (XIX и XX), которая сразу же обрывалась с прекращением царствования фараонов, носивших имя «Рамсес» [300, с. 7; 289, с. 558 и сл.]. Неестественно предполагать, чтобы два пункта в северо-восточной Дельте одновременно имели одинаковое значение и были связаны с почитанием одних и тех же божеств. Подобную логическую трудность пытался преодолеть Г. Кеес, согласно высказыванию которого царское владение простиралось от Таниса до Катаана-Кантира, причем большую часть времени фараоны проводили именно в последнем [331, с. 201]. Этот компромисс, по мнению Дж. Вэн Сетерса, не вытекает из археологического обследования Таниса и Катаана-Кантира. Если основываться исключительно на данных археологии, тогда

для локализации Пер-Рамсеса местность Катаана-Кантир имеет явное преимущество по сравнению с Танисом. Все найденное в Танисе от времени Рамессидов может легко быть объяснено как доставленное из Катаана-Кантира в начале воцарения фараонов XXI династии. Кроме того, все находки из Катаана-Кантира, восходящие к периоду Рамессидов, не могут быть расшифрованы иначе, как указывающие на местоположение столицы Рамессидов — города Пер-Рамсес.

Свое заключение, что именно местность Катаана-Кантир охватывает район расположения Авариса и Пер-Рамсеса, Дж. Вэн Сетерс убедительно подтверждает ссылками на литературные источники, характеризующие столицу Рамессидов⁴⁵. Как указывает Дж. Вэн Сетерс, имеются два типа литературных текстов, посвященных Пер-Рамсесу: в одном типе описываются в общем плане окрестности Пер-Рамсеса, в другом он локализуется в соотношении с определенными географическими пунктами — городами, реками, номами и т. п.

Имеющиеся источники охватывают период от гиксосов и правления Рамессидов до греко-римского и византийского времени.

Некоторые тексты описывают план Авариса и Пер-Рамсеса и их окрестностей. Согласно Манефону в изложении Иосифа Флавия, Аварис в стратегическом отношении был очень хорошо расположенным и укрепленным военным пунктом. В районе столицы гиксосов проводились военные маневры. Согласно стеле Камоса, вокруг Авариса росли фруктовые сады и виноградники, а у города была прекрасная гавань для стоянки морских кораблей [296, с. 205 и сл.]. Большинство описаний Пер-Рамсеса подобны той характеристике, которую давал Аварису [С. 73] Камос. В папирусе Анастаси III (1,11—3,1) некий писец Пибеса сообщает о Пер-Рамсесе следующее: «В резиденции прекрасно жить; ее поля полны всяческим превосходным добром; она каждый день снабжается обильной провизией; ее заводы полны рыбой, а ее пруды — птицей; ее луга зелены от травы и растительности высотой в полтора локтя... ее зернохранилища наполнены пшеницей и полбой, они (зернохранилища.— *И. С.*) поднимаются почти до небес... гранаты, яблоки и оливки, фиги из фруктовых садов, сладкое вино из Кенкем, превосходный мед, красная рыба *wḏ* из озера резиденции... Воды Гора... производят соль и натрон. Ее (резиденции.— *И. С.*) корабли уплывают вдаль и возвращаются в гавань» [248, с. 21—22].

В том же папирусе Анастаси III, в так называемом панегирике Мернептаха, о Пер-Рамсесе сказано, что это место, где выстраиваются колесницы, спланиваются отряды воинов, находят приют корабли, а дворцы города прекрасны балконами, ослепляют залами из ляпис-лазури и бирюзы.

В Библии о земле Гесем (Гошен), или о земле Раамсес, где поселились израильтяне по соседству с городом Пер-Рамсес, говорится как о самой лучшей в Египте. А папирус Анастаси IV (6,4 – 6,10) подчеркивает большую величину Пер-Рамсеса, отмечая, что «его западная часть есть дом Амуна, его южная часть есть дом Сутеха, Аштарта находится на его востоке, а Буто — в его северной части» [248, с. 40—41; см. также папирус Анастаси II (1,1—2,2); 248, с. 12]. Дж. Вэн Сетерс задает резонный вопрос: разве все приведенные выше описания столицы Рамессидов подходят для Таниса? Основываясь на собственных впечатлениях, полученных во время путешествия по Египту, а также на указаниях работы Г. Кееса [331, с. 196 и сл.], он пишет о том, что район Таниса и пространство к югу от него длиной 14 км, вплоть до Телль эль-Фараауна или Телль Небешеха, является пустынной местностью с немногочисленными участками земли, занятыми растительностью, представляющей результат современных усилий. Здесь очень мало деревьев. Поверхность земли очень низка и потому часто заливается морскими водами, вследствие чего пропитка почвы солями делает ее непригодной для земледелия. Этот район не мог иметь в древности большого сельскохозяйственного значения, как сказано об окрестностях Пер-Рамсеса в папирусе Анастаси III [546, с. 139—140].

Основное значение Таниса заключалось в том, что он был стратегической морской базой на танисском рукаве Нила, через которую осуществлялась морская торговля с Азией.

Однако подобная роль Таниса определилась позднее и не была характерна ни для времени гиксосов, ни для периода Рамессидов, когда, по словам Г. Кееса, «египетские порты лежали выше по течению рукавов Нила из-за мелей в устьях и незащищенности, плоской береговой линии... Ни одно из пригодных к разгрузке мест в окрестностях лагун (Таниса) не могло быть достигнуто [С. 74] со стороны суши иначе, как с трудностями» [331, с. 196 и сл.], по причине частых затоплений. Соответственно с военной точки зрения «окружающая Танис равнина не предоставляла удобных пространств земли для удивительных, влекомых лошадьми боевых колесниц» [331, с. 196 и сл.]. Танис не имел прямой связи с пограничной крепостью Силе и был плохо пригоден для отправки по суше военных отрядов в Азию. Все это превращало Танис в географический пункт, совершенно неподходящий для локализации Авариса и Пер-Рамсеса, даже если допустить преувеличения в описании достоинств последних источниками. Помимо всего прочего ни один исследователь все еще не объяснил, каким образом Танис мог бы считаться «наиболее подходящим местом» для столицы гиксосов или Рамессидов [546, с. 140].

Совсем иначе обстоит дело с местностью Катаана-Кантир. Вплоть до настоящего времени это наиболее плодородный сельскохозяйственный район Египта. В древности здесь имелась обширная территория, пригодная для размещения войска, к тому же способная обеспечить его обильным провиантом при подготовке военных походов. Подтверждает сказанное содержание одной хорбетской стелы, происходящей, по мнению Л. Хабаши [289, с. 514 и сл.], из Катаана-Кантира. Данная стела перечисляет имена важных военных чиновников, официальных лиц, связанных с хранилищами. От Катаана-Кантира в древности шел прямой путь в пограничную крепость Силе; Катаана-Кантир был расположен на восточном рукаве Нила, который связывал его с Верхним Египтом и со всеми значительными в эпоху Среднего царства и во II Переходный периоды пунктами восточной Дельты. Все это подтверждается надписями, обнаруженными в районе Катаана-Кантира, которые называют это место «ртом двух путей», т. е. путей в крепость Силе и на Синай [95, с. 216; 333, с. 3].

В Катаана-Кантире, как уже нами отмечалось, находились дворцы фараонов Рамессидов, о чем свидетельствуют найденные здесь черепки прекрасных глазурованных плиток, когда-то облицовывавших эти дворцы. Ничего подобного до сих пор не найдено в Танисе, почему Г. Кеес и мог высказать предположение, что правители XIX и XX династии большую часть времени проводили в Катаана-Кантире. Г. Кеес был вынужден допустить, что писцы, рассказавшие о достоинствах Пер-Рамсеса, имели при этом в виду местность Катаана-Кантир [331, с. 201]. Разъяснение такого рода является, однако, излишним, если исключить Танис при локализации Пер-Рамсеса и определять его расположение исключительно местностью Катаана-Кантир. Район Пер-Рамсеса, называемый в Библии «земля Раамсес», был очень обширным и, как указывает текст папируса Анастаси IV (6,1—6,10) [248, с. 40—41], имел на своих границах владения культов Амуна, Сетха (Сутеха), Аштарты и Буто. На юге Пер-Рамсес граничил собственно с Аварисом (в настоящее время [С. 75] это местность Телль эд-Дабаа). На севере Пер-Рамсес соприкасался с *Imt* — священным местом Буто (сейчас Телль Небешех). Владения Амуна на западе Пер-Рамсеса охватывали земли по левому берегу восточного рукава Нила. На востоке Пер-Рамсеса находились владения культов Аштарты и других богов семитов, в том числе Баал-Цафона [303, с. 482 и сл.]. Для окрестностей Катаана-Кантира сообщения папируса Анастаси IV о границах Пер-Рамсеса кажутся вполне реальными, в то время как для окрестностей Таниса они не находят никакого подтверждения.

Сильный аргумент против локализации Пер-Рамсеса в Танисе содержится в глоссарии В. С. Голенищева, затрагивающем период XXI династии [241, с. 198; 254, с. 126]⁴⁶. В этом глоссарии названия обоих городов зафиксированы не рядом, а разделены другими географическими наименованиями между ними. А. Гардинер не дал этому свидетельству какого-либо объяснения, в то время как Ю. фон Бекерат предположил, что Пер-Рамсес глоссария В. С. Голенищева был каким-то другим городом (т. е. не столицей Рамессидов),

расположенным в западной Дельте [116, с. 30 и сл.]. Хотя такое предположение формально допустимо, оно в данном случае вряд ли соответствует истине.

Согласно библейским сообщениям, земля Гошен, также именуемая как земля Раамсес, находилась около Пер-Рамсеса. Между тем греческая традиция идентифицирует землю Гесем (грецизированное соответствие наименованию «земля Гошен») с XX, или Арабским, номом, который располагался далеко от Таниса [241, с; 261], и, следовательно, Пер-Рамсес и Танис не тождественны друг другу. Центром арабского нома в древности был город Факуса (совр. Факус), расположенный примерно в 4 или 5 км к юго-западу от местности Катаана-Кантир. Наименование «Гошен» («Гесем») присутствует в названии города Факуса. Еще Э. Навилль [431, с. 28 и сл.] обратил внимание на то, что в данном случае произошло фонетическое преобразование египетского термина *gsmt* или *gsm*, обозначавшего древнее поселение⁴⁷. При выпадении в слове *gsm* звука *t* и прибавлении артикля *pʒ* и возникло название города Факуса. Библейские данные, таким образом, подтверждают локализацию Пер-Рамсеса в местности Катаана-Кантир.

Настоятельница монастыря, аббатиса Этерия, путешествовавшая по библейским землям в 533—540 гг. н. э., так описывает увиденное ею в районе Факусы: «От города Арабия 4 мили до (города) Рамсеса. Мы, для того чтобы прибыть в Арабию — место нашей остановки, должны были пройти через середину Рамсеса, каковой город Рамсеса в настоящее время представляет из себя поля, в которых нет ни единого поселения. Действительно, заметно, что он (город Рамсеса) был огромен в окружности и имел много строений, остатки которых, какими бы разрушенными они ни были, кажутся бесконечными и по [С. 76] настоящий день» [241, с. 263; см. также 431, с. 27 и сл.]. Несомненно, что аббатиса Этерия посетила местность Катаана-Кантир. В ее время остатки зданий древнего Пер-Рамсеса были здесь еще хорошо видны, и, таким образом, позднее свидетельство Этерии лишний раз подтверждает справедливость локализации Пер-Рамсеса, предложенной такими авторами, как М. Хамза, В. Хейс, Л. Хабаши, Дж. Вэн Сетерс.

А. Гардинер пытался опровергнуть выводы М. Хамзы, В. Хейса, Л. Хабаши, но выдвигаемые им возражения были малоубедительны [238, с. 173]. Так, А. Гардинер указывал на то, что поселение городского типа существовало в Катаана-Кантире задолго до Рамсеса II, факт почитания богов Амуна, Ра, Птаха, Сетха (Сутеха) в местности Катаана-Кантир не имеет достаточного обоснования, а обнаруженные там ярлыки и пробки от кувшинов с вином, содержащие записи географического характера, возможно, происходят из другого района Дельты. По справедливому заключению Е. П. Апхилла, все эти соображения А. Гардинера не в состоянии поколебать доводы, приводимые критиками его концепции [544, с. 314—316]. Полагаем, что в настоящее время этот вопрос можно считать решенным, и потому следует локализовать столицу Рамсеса II — город Пер-Рамсес Мериамун-Великий Победами — не в Танисе, а в местности Катаана-Кантир.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ВО ВРЕМЕНА РАМСЕСА II

В царствование Рамсеса II в долине Нила было возведено столько крупномасштабных построек, что перечислить их полностью нет никакой возможности. Следы строительной деятельности Рамсеса II сохранились по всей долине Нила. В плане строительства Рамсес II совершенно затмил своих предшественников, многие памятники которых он присвоил, начертав на них свое имя или разобрав в качестве исходного материала для собственных сооружений.

Все работы времени Рамсеса II в области архитектуры и скульптуры поражают и по сей день приезжающих в Египет туристов своими грандиозными размерами, величием и монументальностью.

Не претендуя на исчерпывающий характер описания монументального строительства в Египте и Нубии во времена Рамсеса II, попытаемся дать краткую сводку соответствующих сведений, исследуя долину Нила с севера на Юг⁴⁸.

Множество архитектурных объектов, относящихся ко времени Рамсеса II, было обнаружено в дельте Нила, в Танисе: это величественный колосс фараона, достигавший высоты 28 м, обелиски; стелы (в том числе стела, упоминающая 400-летнюю эру Сетха) сооружения из гранита и кварцита, руины храмов [С. 77] [457; 459, с. 693—708]. В Дельте сооружения Рамсеса II известны в Телль Небешехе, Телль Мокдаме, Телль эль-Яхуди, Телль эль-Маскуте, Катаана-Кантире, Ком эль-Хисне, Ком-Зимране и во многих других пунктах⁴⁹.

В Мемфисе при Рамсесе II перестроили храм Птаха и поставили там две колоссальные статуи фараона, из которых одна осталась на своем первоначальном месте, а другая теперь украшает площадь Каира перед главным вокзалом.

В Иллахуне Рамсес II повелел разобрать храм Сенусерта II, чтобы использовать полученный материал для своих подстроек.

В Гераклеополе при Рамсесе перестроили местный храм. Строительные работы производились также в Гелиополе, Гермополе, Коптосе, Эдфу. В Абидосе реконструировали и завершили величественный заупокойный храм Сети I [148; 234; 585]⁵⁰, в котором поклонялись Осирису, Исиде, Гору, Птаху, Амуну и самому Сети I⁵¹.

Посвященный Осирису заупокойный храм, построенный в Абидосе при Рамсесе II, был великолепным памятником монументального строительства, хотя и меньшего масштаба, чем храм Сети I [155]⁵².

В абидосском храме Рамсеса II изображено много военных сцен. Здесь же помещён отрывок так называемого «литературного» отчета о битве при Кадеше. На стенах внутри храма были представлены списки жертвоприношений, список царствовавших фараонов, астрономические и религиозные тексты, в том числе молебен солнцу. В храме было множество помещений и ниш, посвященных различным богам. Большой интерес представляют посвятельная надпись Рамсеса II, содержащая его обращение к Сети I, пространное славословие фараона, сведения о его соправлении с Сети I, сообщение о сооружении колодца в земле Акита (в Нубии) [137, т. III, § 251—281; 257; 344, т. II, вып. 6, 1971, с. 323—336; 388, т. I, табл. 6; 463, т. II, 3; 506, с. 26—27]⁵³.

Прекрасны творения зодчих Рамсеса II в грандиозных храмовых ансамблях Карнака, Луксора, Рамессеума, Абу-Симбела. Все эти шедевры древнеегипетской архитектуры уже неоднократно подробно описывались и исследовались во многих общих и специальных работах, посвященных проблемам искусства и храмового строительства в древнем Египте. Сказать что-либо новое об этих изумительных памятниках творческого гения египетского народа трудно, и потому, коль скоро их специальный искусствоведческий анализ не входит в нашу задачу, мы позволим себе для общей характеристики наиболее величественных храмов, возведенных в Египте в царствование Рамсеса II, дабы не повторяться и не пересказывать своими словами то, что уже давно хорошо сказано, воспользоваться теми их [С. 78] исчерпывающими, яркими описаниями, которые уже имеются в египтологической литературе.

Величественны постройки Рамсеса II в Фивах, в частности, в карнакском храмовом комплексе. Как писала М. Э. Матье, «главным объектом работ в Карнаке при первых трех царях новой (XIX.— II. С.) династии был начатый Хoremхемом гигантский гипостиль. Во время короткого правления Рамсеса I успели лишь выполнить часть рельефов на внутренней стороне нового (II) пилона, сооружение же колоннад (кроме уже стоявшей центральной) и декорировка зала продолжались в течение царствования Сети I и закончились лишь при Рамсесе II⁵⁴.

В зале было всего 134 колонны. Колонны центрального нефа с капителями в виде расцветших папирусов достигали высоты (без абак) 19,26 м. Колонны боковых проходов,

имевшие контуры связок нераспустившихся папирусов, но с гладкими капителями и стволами, были ниже — 14,74 м высотой (без абак). Для устройства перекрытия среднего прохода на колоннах обоих соседних рядов были надстроены небольшие стенки с окнами, и зал получил, таким образом, верхнее освещение.

Чтобы лучше представить себе облик гипостилья Карнака, необходимо учесть: его стены и колонны покрывали цветные рельефы общей площадью 24 282 кв. м. Местами сверкало золото, тонкими листами которого были обиты части колонн и рельефов. Тематика рельефов на стенах была посвящена прославлению военных побед фараона. Умело расположенные огромные композиции содержали разнообразные массовые сцены походов, битв, лагерных стоянок» [51, с. 429]. По словам Дж. Брэстеда, «тот, кто стоит впервые в тени его (гипостилья.— *И. С.*) подавляющих своей величиной колоннад, этого леса могучих стволов, грандиознейших из когда-либо созданных человеческими руками, увенчанных выступающими капителями нефа, из которых на каждом могут стоять одновременно сто человек; кто созерцает огромные пролеты его крыльев, покрытых сверху архитравами, весящими каждый сотню тонн, и знает, что в его стенах поместился бы весь собор Notre Dame, и притом далеко не вплотную; кто охватит взглядом колоссальный портал, над которым некогда находилась в качестве притолоки глыба более 40 футов (12 м.— *И. С.*) длиной и около 150 тонн весом,— такой наблюдатель... исполнится глубокого уважения к эпохе, создавшей этот величайший из когда-либо воздвигнутых людьми зал с колоннами» [25, т. II, с. 132].

При Рамсесе II в Карнаке помимо гипостилья была возведена окружающая храм стена⁵⁵, а также различные строения. Были поставлены культовые статуи в Карнакском храме Птаха и множество различных скульптур. В Карнаке при Рамсесе II были высечены текст «литературного» отчета о битве при Кадеше («поэма» Пентаура) и текст мирного договора с хеттами⁵⁶. [С. 79] В Луксоре к прекрасному, симметрическому храму времени Аменхотепа III был пристроен новый перистильный двор с колоннами. Двор этот сооружался по оси, отклоняющейся от центральной линии плана первоначального храма с таким расчетом, чтобы соединить центральный вход в Луксор с карнакским храмовым комплексом аллеей сфинксов [473, с. 110—119]. На стенах больших пилонов Луксорского храма имеются сцены из войны с хеттами и запись «литературного» отчета о битве при Кадеше [356]. За пилонами в Луксоре при Рамсесе II было сооружено небольшое святилище из материалов построек времени Тутмоса III. Перед пилонами стояли два обелиска, один из которых сейчас находится в Париже. Четыре стоящих и два сидящих колосса Рамсеса II с прекрасными скульптурными фигурами царицы Нефертари украшают Луксор. Несколько стоящих колоссов Рамсеса II расположены также между колоннами перистильного двора Луксора, а к самому большому из этих колоссов примыкает статуя Нефертари. Прекрасные фотографии многочисленных памятников Луксора, возведенных или присвоенных Рамсесом II, содержатся в работе К. Михаловского [58, № 5, 8, 14, 19, 22, 24, 27, 28, 30, 32, 35, 36, 38, 40, 42, 60, 63, 66, 73, 76, 78], в вводной статье которой дается краткий очерк истории строительства Луксорского храма. К. Михаловский указывает, что «расцвет архитектуры Луксора в ее нынешней форме относится прежде всего ко времени Аменхотепа II» [58, с. 6], когда в Луксоре работал знаменитый зодчий Аменхотеп, сын Хапу.

Как пишет К. Михаловский, «наиболее значительные изменения произвел в Луксоре Рамсес II. Решив пристроить еще один двор с северной стороны, он не мог осуществить это обычным путем, т. е. при помощи продолжения главной оси храма, поскольку последнему препятствовало местоположение находящихся перед храмом помещений для людей, выстроенных ранее Тутмосом III, где ежегодно останавливалась торжественная процессия во время празднеств Нового года. Именно поэтому двор Рамсеса II имеет ось, повернутую на восток, что является исключением в культовой архитектуре древнего Египта. Рамсес II кроме сооружения... обелисков и своих колоссальных статуй, установленных перед пилоном, узурпировал статуи Аменхотепа III, превращая их в собственные...

Направляясь с южной стороны через аллею сфинксов к главному входу в храм, мы замечаем с левой стороны стройный гранитный обелиск, высота которого достигает более 25 метров. От второго, стоявшего с левой стороны, сохранилась только база. Был он, впрочем, на 2,5 метра ниже первого. Эти обелиски, высеченные из черного гранита, увенчанные золотыми верхушками, были установлены перед храмом по приказу Рамсеса II. В 1831 г. Мухаммед-Али подарил их Франции. Французы решили, однако, принять только один, западный обелиск, более низкий, но зато лучше сохранившийся. 25 августа 1836 года [С. 80] инженер Леба установил его на площади Согласия в Париже [363; 418], где он воспринимается ныне как неразрывная часть городского ансамбля.

Перед самым пилоном по приказу Рамсеса II было установлено шесть его колоссальных статуй. Две фигуры из черного гранита, стоящие по обеим сторонам входа, изображали фараона сидящим, остальные четыре, выполненные из красного гранита, — стоящим. Ныне сохранился только один из этих четырех колоссов, и то в весьма плохом состоянии. Сохранилась также и связанная с этим монументом скульптура, изображающая дочь Рамсеса Меритамен. Около же сидящих статуй фараона, высота которых вместе с цоколями достигала 15,6 метра, у трона, были помещены небольшие фигуры одной из его супруг — знаменитой царицы Нефертари... Пилон Рамсеса имеет нерегулярную кладку и выстроен частично из блоков более ранних построек. Его ширина достигает 65 метров. На фасаде пилона изображены сцены знаменитого похода фараона против объединенных армий сирийцев и хеттов, предпринятого в пятом году его царствования... Кроме эпизодов битвы при Кадеше на стенах пилона находится изображение фараона, приказывающего наказывать палками шпионов, а также сцена военного совета... Двор Рамсеса... имеющий форму параллелограмма размерами 30×57 метров, окружен двойными портиками с колоннами, увенчанными капителями, в виде закрытых папирусов... У входа во двор установлены две статуи из черного гранита, изображающие сидящего на троне фараона и стоящую справа от него царицу; фигура последней значительно меньше по размерам. Все эти памятники были узурпированы Рамсесом II, который приказал поместить на них собственные картуши; даже супруга Аменхотепа III, царица Тии, изображенная в образе богини Хатор, была переименована в Нефертари, жену Рамсеса II... Проходя через небольшие ворота, построенные при Филиппе Арридее в широком проходе пилона, мы переступаем порог знаменитой колоннады Аменхотепа III... длина которой достигает 52 метров, а ширина между окружающими ее стенами — 20 метров... Внутри колоннады, по обеим сторонам от входа, находятся статуи, установленные Рамсесом II. Две из них, выполненные из белого известняка, изображают царя с царицей, третья — только фараона...

Внешние стены храма были также покрыты рельефами, большинство из которых не сохранилось. Из оставшихся обращают внимание два ряда рельефов на западной стене двора Рамсеса II, изображающих батальные сцены. В нижнем ряду мы видим взятие войсками Рамсеса II города Тунипа... а в верхнем — покорение другой хеттской местности — Дапур... дав свободу воображению, глядя на нынешние руины, легко представить себе богатство и блеск этого огромного комплекса, длина которого после сооружения двора Рамсесом II достигала более четверти километра (260 метров). Во всякое время дня [С. 81] Луксорский храм чарует посетителя красотой своих колоннад рельефов, а в лунные ночи впечатление еще более усиливается благодаря таинственности неожиданных эффектов светотени» [58, с. 11, 14—17, 19—20] (см. также [134; 186; 187; 262; 385, с. 21, 33; 458; 463, т. II, с. 98 – 110])⁵⁷.

Очень подробное и яркое описание дворца и заупокойного храма Рамсеса II — Рамессеума — в западной части Фив дала М. Э. Матье в своей большой работе, посвященной искусству древнего Египта: «Храм Рамсеса II, созданный зодчим Пенра и известный под названием Рамессеума (древнее название „Дом миллионов лет Рамсеса-Мериамона во владении Амона“), намного превосходил по масштабам и монументальности оформления святилище Сети I. К сожалению, и здесь нам не известны ни фасад всего ансамбля, ни способ соединения его с Нилом, так как территория перед храмом в настоящее время занята полями.

Если исходить из того, что Рамсес III явно стремился построить свой заупокойный храм... по образцу Рамессеума, можно предположить, что и перед последним возвышались грандиозные ворота с башнями и находился бассейн, откуда шел канал к Нилу...

В настоящее время входом на территорию заупокойного ансамбля Рамсеса II, обнесенную кирпичной стеной, служит гигантский пилон из песчаника. За пилоном находится первый двор. Удачное разрешение декорировки этого двора было достаточно сложным делом, так как требуемое в египетской архитектуре соблюдение симметрии здесь было затруднено тем, что левая, южная стена двора являлась одновременно и фасадом расположенного здесь, как и в храме Эйе, дворца... Пенра блестяще разрешил стоявшую перед ним задачу, оформив фасад дворца в виде портика с двойной колоннадой, а противоположную, северную стену дворца — одним рядом колонн, перед которыми, однако, стояли осирические колоссы царя. Западная стена дворца не имела колонн, она была ограничена следующим, сравнительно невысоким пилоном, к проходу которого вела лестница, так как второй двор был расположен выше первого. С каждой стороны лестницы стояла гигантская гранитная статуя Рамсеса, около 20 метров в высоту. Сохранившийся колосс является величайшей монолитной скульптурой и весит около 1000 тонн. Поверхность пилона была покрыта раскрашенными рельефами, содержащими две огромные композиции: битву с хеттами при Кадеше и праздник Мина, во время которого фараон торжественно срезал золотым серпом первый сноп, открывая этим жатву во всей стране... Из портика во дворец вели два входа, расположенные по обе стороны „окна явлений”. Через небольшие вестибюли посетители попадали в приемный зал с 16 колоннами, занимавший центральную часть здания. В каждой из боковых стен зала кроме двери из вестибюля была ещё дверь, которая вела в личные комнаты царя... В глубине зала, прямо против „окна явлений” был проход в четырехколонный [С. 82] тронный зал. Позади здания дворца был расположен в особой постройке гарем с четырьмя отдельными комплексами, по пяти комнат в каждом.

Второй двор Рамессеума был оформлен иначе, чем первый, так как он служил подходом к зданию заупокойного царского храма. Здесь портики шли вдоль всех четырех стен, но оформление их было решено различно: боковые портики (северный и южный) имели по два ряда колонн в форме связок папируса, с гладкими стволами и капителями; с востока, вдоль пилона, был возведен один ряд колонн с осирическими колоссами перед ними; вдоль западной же стороны двора, перед входом в храм, возвышался двойной ряд колонн и осирические колоссы... Гипостиль, расположенный во всю ширину здания, занимал площадь в 1200 кв. м и имел 48 колонн, разделявших его на 9 нефов. Как и в Карнаке, центральный неф был самым широким и высоким; обрамлявшие его колонны с капителями в виде раскрытых папирусов также возвышались над колоннами боковых проходов, имевшими вид связок нераспустившихся папирусов с гладкими капителями и стволами; так же было устроено и верхнее освещение храма... (см. [275]). В Рамессеуме... гипостиль предшествовал трем группам дальнейших помещений, и поэтому нефы, подводившие к центру каждой из боковых частей храма, были несколько шире остальных, хотя и уступали центральному... За гипостилем находилась культовая часть храма из пяти самостоятельных подразделений... Основное лежало на центральной оси здания и состояло из трех последовательно расположенных восьмиколонных залов, средние проходы которых служили, таким образом, продолжением центрального нефа большого гипостиля. Далее находилась главная молельня храма, посвященная, вероятно, Амону и царю, потолок которой поддерживался четырьмя четырехгранными столпами. Назначение остальных комплексов не вполне установлено, но, по некоторым данным, можно предположить, что два южных были предназначены для культов Сети I и бога Осириса, а один из северных, с открытым двором,— для солярного культа. Возможно, что за святилищем Осириса были устроены сокровищницы храма.

Все помещения были богато декорированы. Потолки, как всегда, изображали небесный свод: на потолке центрального нефа гипостиля были изображены священные коршуны с распростертыми крыльями, а на синем фоне перекрытий боковых нефов сияли

желтые звезды. Особенно интересен был потолок первого колонного зала центрального культового помещения, покрытый символическими изображениями созвездий.

На стенах и колоннах были размещены то большие композиции походов и побед Рамсеса, то ритуальные сцены или фигуры фараонов и богов.

Помимо зданий храма и дворца на территории Рамессеума стояло много других построек... [С. 83] Огромное место на территории Рамессеума занимали кладовые. Бесконечными рядами тянутся здесь сложенные из кирпича длинные сводчатые помещения, сгруппированные в особые, тщательно охранявшиеся комплексы, которые почти вплотную окружали храм с севера, запада и юга. Они имели различное назначение и соответственно различное оформление. Наиболее важным был, по-видимому, комплекс, занимавший северо-западный угол Рамессеума. Перед ним был устроен портик с 28 колоннами, в западном конце которого находилось каменное возвышение с навесом. Из портика были двери в 12 кладовых, а посередине — вход в длинный узкий зал с 34 колоннами, расположенными в два ряда. Возможно, здесь размещалось управление кладовыми» [51, с. 434—437].

Как уже отмечалось, на поверхности большого пилона в Рамессеуме изображены сцены битвы при Кадеше (сама битва и военный лагерь Рамсеса II). То же сражение представлено и в левой части переднего перистильного двора. В других сценах в различных залах фигурируют фараон, сидящий перед деревом «персея», изображения богов и культовых лодок. Огромный, из красного гранита сидящий колосс Рамсеса II в Рамессеуме весом 1000 т очень впечатляющ — он на 100 или 200 т тяжелее танисского колосса⁵⁸.

Рамессеум представлял собой дворец и заупокойный храм Рамсеса II, расположенный на левом, западном берегу Нила, в западной части Фив. В этой же части Фив, в Долине царей, в скале, была высечена гробница Рамсеса II, в которой первоначально покоилась мумия фараона (гробница № 7). Гробница Рамсеса II — грандиозное сооружение, которое уходит в глубь скалы до 122 м. Коридор 46 м длиной ведет к двум комнатам; через 18 м начинается большой зал и еще четыре помещения. Гробница Рамсеса II по длине равна гробнице Сети I, а по площади превосходит последнюю.

Мумию Рамсеса II вместе с мумиями многих других фараонов эпохи Нового царства в 1881 г. нашли Г. Масперо и Э. Бругш [398, с. 294] в пещерном тайнике в скалах Дейр эль-Бахри. Посмертное «существование» Рамсеса II оказалось не простым. Сначала его мумию, чтобы спасти от грабителей, в правление Херихора в Фивах перенесли в гробницу Сети I. Позднее, при Пайноджеме I, ее перепеленали и поместили в новый саркофаг. Вскоре мумия Рамсеса II оказалась спрятанной сначала в гробнице фараона Аменхотепа I, затем около 960 г. до н. э. в тайнике Дейр эль-Бахри в гробнице царицы Инхапи [26, с. 63]. Мумия Рамсеса II, ныне находящаяся в Каирском музее, хорошо сохранилась и дает возможность увидеть облик высокого, величественного старика⁵⁹, у которого обнаруживаются черты сходства с тем изысканно красивым юношей, который запечатлен в прекрасной базальтовой статуэтке из Туринского музея (№ 1380) [51, с. 451, рис. 27; 151, табл. 56; 361, табл. 103; 497, табл. 357]. (Раскопанная гробница первой, [С. 84] главной жены Рамсеса II, царицы Нефертари-Меренмут, находится в западной части Фив, в Долине царей, и отличается «замечательно выполненными росписями» [51, с. 443].)

Как писала М. Э. Матъе, «наиболее замечательными являются два пещерных храма в Абу-Симбеле, превзошедшие все другие... Один из них, большой, посвящен культам Амона, Ра-Гора-Ахути, Птаха и самого Рамсеса II, однако оформление храма было обусловлено одной идеей: всеми возможными средствами превознести могущество Рамсеса II. Начиная от масштабов святилища и кончая тематикой его декорировки, все было пронизано этой идеей. Лучшим ее воплощением является фасад храма. Он представляет собою как бы переднюю стену огромного пилона, перед которым возвышаются четыре гигантские статуи Рамсеса II. Высеченные из скалы и достигающие 20 метров в высоту, эти исполины, превосходящие даже колоссы Мемнона, издавна видны всем плывущим по Нилу. Поразительно сохранение портретных черт на колоссах такого масштаба. В выборе места для храма сказалось столь свойственное египетским зодчим умение поставить

памятник с учетом окружающей местности: когда храм, расположенный на западном берегу Нила⁶⁰, освещается первыми лучами солнца, гигантские скульптуры внезапно окрашиваются темно-красным цветом и кажутся особенно рельефными на фоне отбрасываемых ими иссиня-темных теней. Колоссы производили незабываемое впечатление всеподавляющей мощи фараона. Образ Рамсеса II вообще господствует в храме: над входом высечено скульптурное изображение его имени, в первом помещении потолок поддерживают пилястры со стоящими перед ними гигантскими статуями царя, в культовой молельне наряду со скульптурами Амона, Птаха и Ра-Гора-Ахути имеется статуя самого Рамсеса.

Прославлению военных побед фараона посвящены рельефы гипостилья. На восточной стене, по обе стороны от входа, помещены традиционные изображения — Рамсес II убивает перед богами группы пленных, направо от входа — ливийцев, налево — нубийцев. Правая, северная стена занята грандиозными скульптурными картинами, повествующими о борьбе Рамсеса с хеттами, в том числе здесь показана и знаменитая битва при Кадеше. На левой, южной стене развернуты эпизоды войн с ливийцами и нубийцами. На последней, западной стене видны итоги победоносных доходов Рамсеса: царь приводит пленных к богам, направо от прохода в следующие помещения — хеттов, налево — нубийцев в соответствии с тем, какие войска изображены на примыкающих северной и южной стенах⁶¹.

Рельефы Абу-Симбела замечательны по высокому художественному уровню. Наряду с неизбежными традиционными схемами, занимающими здесь сравнительно немного места, мы видим ряд интересных композиционных решений. Некоторые из них скопированы с фиванских храмов Рамсеса II, другие появляются впервые... [С. 85] Второй, меньший пещерный храм Абу-Симбела расположен к северу от большого. Его фасад также украшен скульптурами, однако здесь они высечены в глубоких нишах. По каждую сторону от входа мы видим по две статуи фараона, между которыми находится статуя царицы Нефертари-Меренмут. Этот храм гораздо проще и скромнее и состоит только из гипостилья и молельни с тремя нишами. Колонны имеют хаторические капители в соответствии с тем, что весь памятник был посвящен богине Хатор. В средней нише стояла статуя священной коровы, перед которой был изображен фараон, как бы находящийся под защитой богини» [51, с. 468—469] (см. также [33; 160; 162, с. 303—333; 179; 180; 181; 184; 185, с. 2—5, 18—19, 21, 50—51, 54—55; 196; 256; 274; 384; 463, т. VII, с. 95—117]).

К статуям Рамсеса II, обрамляющим вход в большой, южный храм Абу-Симбела, примыкают фигуры членов семьи фараона: к одной статве примыкают скульптурные изображения матери Рамсеса II, царицы Туи, и жены, царицы Нефертари-Меренмут, к другой статве примыкают скульптуры дочерей — Бент-Анат и Небеттауи.

Северный, малый храм Абу-Симбела, посвященный богине Хатор, помимо двух статуй самого Рамсеса II, обрамляющих вход в храм, и изображения царицы Нефертари-Меренмут имеет фигуры его детей — Аменхерхопшефа, Парахерунамифа, Мерира, Меритамены, Хенттауи и др. В гипостильном зале северного, малого храма стоят восемь столбов с посвященными богине Хатор систрами на их вершинах. Сцен исторического характера здесь нет, но зато в гипостильном зале есть много текстов религиозных, посвященных почитанию богов и богинь — Хатор, Сетха, Гора, Ануке, Амуна, Птаха, Хершефи, Горахте и Мут [197; 199].

Храмы Абу-Симбела в настоящее время красуются во всем своем блеске на новом месте — на плоскогорье, находящемся на 60 м выше прежнего уровня расположения храмов. Заблаговременное перенесение храмов Абу-Симбела в связи со строительством Асуанской плотины и предстоящим затоплением окружающей местности было титанической работой, в которой (в рамках ЮНЕСКО) участвовало много стран. Это был гигантский труд, сравнимый с тем, который много тысяч лет тому назад оказалось нужно затратить при сооружении храмов. Скальное «тело» храмов специальными машинами распилили на огромные каменные блоки, которые затем перенумеровали и сложили в строгой последовательности на новой строительной площадке [198]. В связи с планировавшимися большими работами в Абу-Симбеле и в других районах Верхнего Египта и Нубии,

обусловленными сооружением Асуанской плотины, в 1960 г. организацией ЮНЕСКО был подготовлен и отпечатан специальный 5-й выпуск журнала «Курьер», в котором оказались собранными статьи многих крупных египтологов, посвященные проблеме спасения памятников древнего Египта и Нубии. [С. 86] В этих статьях, богато иллюстрированных черно-белыми и цветными фотографическими воспроизведениями прекрасных творений древнеегипетских архитекторов, скульпторов и художников, содержится богатый фактический материал, характеризующий строительную деятельность Рамсеса II. Снимки позволяют представить фантастическую красоту и величественность абу-симбельских творений. Можно увидеть, как в малом храме Абу-Симбела Исида и Хатор благословляют царицу Нефертари, как Рамсес II перед началом Кадешского сражения восседает на троне в своем военном лагере, как он на колеснице атакует врагов, как первые лучи солнца будят колоссов Рамсеса II. Фотоснимки, собранные в специальном выпуске журнала «Курьер», показывают впечатляющий фасад большого, южного храма Абу-Симбела, гигантскую ступню колосса Рамсеса II, царицу Нефертари, помещенную между статуями супруга, Нефертари в образе богини Хатор с сестром в руках, дочь Рамсеса II Бент-Анат, играющую на сестре, и многое другое [«Курьер» (ЮНЕСКО), № 5, февраль (специальный выпуск), 1960].

Храмы Абу-Симбела, бесспорно, наиболее величественны и прекрасны из всех воздвигнутых Рамсесом II в Нубии. Заслуживают, однако, внимания другие храмы времени Рамсеса II, множество которых имеется в стране Куш.

Храм в Вади эс-Себуа [190, с. 23—49; 260] располагал аллеей сфинксов, «которая ведет к Нилу от храма, воздвигнутого великим фараоном Рамсесом II в честь бога Амона» [32, с. 24]. Храм в Герф-Хусейне, имеющий большой зал и шесть комнат, посвящен «Рамсесом II богу Птаху [463, т. VII, с. 33—37, 542]. Сам храм находится в пещере, вырубленной в скале на берегу Нила. Некогда к нему вела лестница, окаймленная скульптурными изображениями баранов» [32, с. 30]. Остатки храма сохранились в Акше (Судане) [549], около 40 км к югу от Абу-Симбела. Этот храм был посвящен богу солнца. На рельефе изображен коленопреклоненный Рамсес II во время церемонии посвящения храма. В Нубии имеются храмы Рамсеса II также в Гебель эль-Сильсиле, Бейт эль-Вали [463, т. II, с. 21—27; 476; 479], Калабше [259] (храм высечен в скале). Уже упомянутый храм в Вади эс-Себуа подобен храму в Герф-Хусейне, а храм в Дерре [128; 463, т. II, с. 84] по своему плану имеет сходство с храмами в Абу-Симбеле. Скальное святилище было возведено при Рамсесе II в Фарасе. В Амаре [224] также сохранились остатки храма времени Рамсеса II⁶², и даже далеко на юге, у города Напата, в правление Рамсеса II был воздвигнут храм Амуна.

Таковы в кратком изложении основные памятники монументального строительства Рамсеса II в долине Нила. Дать их полный перечень крайне трудно, так как за свое многолетнее царствование Рамсес II буквально наводнил Египет величественными сооружениями⁶³. Следует, однако, помнить, что в своем строительном рвении Рамсес II не останавливался перед [С. 87] разрушением уже сделанного его предшественниками, а также перед присвоением себе чужих творений.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЕГИПТА В ЦАРСТВОВАНИЕ РАМСЕСА II

Не подлежит сомнению, что социальная и экономическая система Египта в правление Рамсеса II продолжала оставаться такой же, какой она сложилась задолго до его воцарения и какой она сохранялась на протяжении веков и после смерти последнего. Какие-либо оригинальные социальные или экономические сдвиги при Рамсесе II не происходили. Годы жизни и царствования этого фараона характеризуются расцветом и полным господством в долине Нила государственного (царско-храмового) хозяйства в том виде, в каком оно функционировало в эпоху многих фараонов Рамессидов.

Нам уже приходилось подробно исследовать систему налоговой эксплуатации такого хозяйства в области основного, зернового производства, и потому мы сейчас можем лишь сослаться на наши опубликованные работы [76, с. 3—21; 77], не возвращаясь к этой проблеме вновь⁶⁴.

Все известное нам о времени царствования Рамсеса II подтверждает мнение, что это был период экономического процветания Египта. Без наличия больших продовольственных запасов в государственных закромах невозможны были бы ни длительные военные походы Рамсеса II в Азию, ни гигантское монументальное строительство в долине Нила⁶⁵. Согласно выводам Я. Черны, экономическая основа Египта в эпоху Рамессидов была стабильной [176, с. 920], что прежде всего справедливо, конечно, для времени царствования Рамсеса II. При этом фараоне медь как средство платежа ценилась в сто раз меньше, чем серебро⁶⁶, и лишь значительно позднее, при Рамсесе VII, наблюдалось повышение ценности меди [176, с. 906], приведшее к вздорожанию зерна. (Медь доставлялась в Египет из-за рубежа, и поэтому, по мнению Я. Черны, резкое изменение международной обстановки при Рамсесе III могло привести к уменьшению количества меди в долине Нила [176, с. 921].) В целом, по словам Я. Черны, «экономика периода Рамессидов, охватывавшего две сотни лет, со вступления (на престол) Сети I до конца царствования Рамсеса XI, была удивительно устойчивой, поскольку базировалась на сельскохозяйственных ресурсах страны, и (это) имело (свое) выражение в содержании, выплачиваемом зерном царским работникам в Фивах. Подобные ресурсы хорошо обеспечивались многочисленным и трудолюбивым классом земледельцев и организовывались квалифицированной корпорацией чиновников, которые наблюдали за обслуживанием ирригационной системы, налоговым поступлением зерна (в казну.— И. С.) и перераспределением [С. 88] зерна в форме платежей и выплат» [176, с. 920]⁶⁷. Приведенный нами сейчас вывод Я. Черны нуждается в некотором уточнении. Он обоснован при условии, если иметь в виду государственное (царско-храмовое) хозяйство, которое действительно сохраняло структурную целостность на всем протяжении эпохи Рамессидов. Известно, однако, что после царствования Рамсеса II экономическая обеспеченность Египта в силу ряда обстоятельств (прежде всего по причине несбалансированности доходных и расходных статей государственного хозяйства) не всегда находилась на должной высоте (в частности, это выражалось в задержках с выплатой натурального содержания работникам фиванского некрополя)⁶⁸. Однако в правление Рамсеса II государственное (царско-храмовое) хозяйство функционировало, по всем данным, безупречно, и это делало экономическое состояние Египта весьма благополучным⁶⁹.

Бесспорно, целесообразно было бы поставить вопрос о том, в какой степени социально-экономическое состояние Египта в царствование Рамсеса II стимулировало его активную внешнюю политику в Азии и, наоборот, в какой мере его походы в Азию влияли на развитие социально-экономических отношений в Египте. Как нам думается, сводить все к экономической обусловленности упорной борьбы Рамсеса II за восстановление в Азии египетской гегемонии не следует. Здесь могли оказывать свое воздействие и престижные мотивы. Все же некоторые наши соображения по вопросу о взаимосвязи экономики и политики в царствование Рамсеса II мы позволим себе изложить, используя тот наш вывод, который мы уже делали: «Не подлежит сомнению, что успехи агрессивной внешней политики Египта в эпоху Нового царства, в частности в Передней Азии, способствовали оживлению рабовладельческих отношений в долине Нила.

Нужно, однако, помнить слова К. Маркса о том, что „в лице раба похищается непосредственно орудие производства. Однако затем производство той страны, для которой он похищается, должно быть организовано так, чтобы допускалось применение рабского труда” [3, с. 724]. Иными словами, внутренние социально-экономические условия в стране, куда попадает военнопленный — раб, должны быть еще пригодными для эксплуатации этого раба именно рабовладельческими методами. В древнем Египте вследствие специфики его экономики главный производящий и эксплуатируемый класс на протяжении всей его истории, в том числе и в эпоху Нового царства, состоял не из рабов, но из местного

земледельческого населения. Этот факт не смогли изменить и завоевательные войны фараонов XVIII династии, несмотря на частые случаи массового угона военнопленных в Египет» [78, с. 57].

Не смогли изменить этот факт и войны Рамсеса II. Поступавшие в Египет рабы включались в систему государственного хозяйства. Они распределялись между храмами и частными [С. 89] лицами. Их труд использовался на строительных работах, в ремесленном производстве, в садоводстве, в домашнем хозяйстве. Однако во всех случаях рабы были всего лишь дополнительной рабочей силой. Иногда пленных селили компактными массами в особых местах, где они, будучи юридически рабами, по своему экономическому положению приближались к местному подневольному населению. Так поступал и Рамсес II. Согласно его надписи в Абу-Симбеле, он «сажал на землю кочевников-шасу, селил на высотах ливийцев, заполнял крепости, которые он построил; пленными своего меча» [137, т. III, § 457]. Несмотря на то что в эпоху Рамессидов в распоряжении частных лиц рабов было сравнительно много, цена на раба могла быть достаточно высокой. Так, от времени Рамсеса II сохранился протокол судебного разбирательства по делу о покупке рабыни. Документ этот свидетельствует о том, что цена рабыни была высокой, достигая 373,4 г серебра [250, табл. XIII—XVI].

«Само собой разумеется, что захват военнопленных совершался египетскими армиями всегда, когда это было возможно, однако этот захват никогда не был единственной и главной целью внешнеполитических акций. В Египте всегда было достаточно своего тяглового эксплуатируемого населения, и потому потребность в дополнительной чужеземной рабочей силе была невелика... Египет нуждался прежде всего в сырье (дерево, металлы, скот) и лишь в некоторой степени в рабах» [78, с. 57—58]. Желанной добычей всегда были красивые наложницы, предметы роскоши, дорогие вина, яства, благовония, изделия ювелирного мастерства, оружие, т. е. все то, что интересовало привилегированные слои египетского общества и не имело производительного использования.

РАМСЕС II И ЖРЕЧЕСТВО⁷⁰

Для времени Рамсеса II, как, впрочем, и для большинства эпох истории древнего Египта, характерно полное подчинение жречества фараону. Это и естественно. Как мы уже имели возможность отметить [77; 81], жрецы древнего Египта были всего лишь особого рода государственными чиновниками, специализировавшимися на обслуживании культов богов, и как чиновники они находились в абсолютной зависимости от всей системы государственной власти, возглавлявшейся фараоном. По идее только фараон — сын богов и богинь Египта — мог быть представителем своих божественных «родителей» на земле. Жрецы считались лишь заместителями фараона, подменявшими своего верховного суверена в повседневных делах религиозного культа того или иного божества (см. [215; 338; 494]). Неудивительна поэтому теоретическая (а иногда и практическая) возможность сочетания у фараонов должности светского и жреческого характера. Все отмеченное выше особенно характерно [С. 90] для царствования Рамсеса II, когда прославление, возвеличивание и обожествление фараоновской власти и личности фараона достигло высочайшей степени, а жречество всех культов, как то и следовало по идеологической интерпретации основы государства древнего Египта, оказалось в полной зависимости от своего патрона — божественного правителя страны, земного бога, в сущности, единственного полноправного жреца, законного выразителя интересов всех богов и богинь Египта — подлинных «родителей» фараона.

В свете всего сказанного не приходится, конечно, удивляться и тому обстоятельству, что в Карнаке сохранились тексты, рассказывающие о том случае, когда Рамсес II выступал в Фивах не только в функции фараона, но и в функции «первого жреца» Амуна. Как отметил К. Зете, в гипостильном зале Карнака можно обнаружить интересную рельефную сцену, изображающую Рамсеса II в качестве лица, сопровождавшего религиозную процессию, состоявшую из пяти или шести людей в масках духов Буто и Гиераконполя, переносящих

священную ладью Амуна. Титул Рамсеса II при этом выглядит следующим образом: «„Первый жрец“ Амуна, царь Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамун, которому дана жизнь». По заключению К. Зете, в данном случае Рамсес II в 1-й год своего царствования ввиду отсутствия в Фивах «первого жреца» Амуна взял на себя исполнение функций последнего в руководстве фиванским праздником «опет», когда статуя Амуна торжественно перевозилась из Карнака в Луксор.

Подобное руководство теоретически, да и практически, было вполне допустимо, учитывая господствующую в древнем Египте теорию божественного происхождения фараоновской власти и личности самого фараона. Впрочем, постоянное осуществление обязанностей «первого жреца» Амуна в Фивах было, конечно, обременительно для молодого египетского властелина, почему в этот же 1-й год своего царствования, возвращаясь из Фив на север страны, в Дельту, Рамсес II сделал специальную остановку в тинитском номе, объявив о назначении в осуществление воли Амуна на должность «первого жреца» Амуна в Фивах некоего Небуненефа [368, с. 117, примеч. 4, 5; 513, с. 30—35; 518, с. 54].

Несколько иную трактовку карнакских изображений Рамсеса II, участвующего в переноске священной ладьи Амуна в качестве царя и «первого жреца» Амуна, дал К. Зееле. По мнению последнего, Рамсес II принял участие в религиозной церемонии, связанной с переноской ладьи Амуна, не в праздник «опет», а в праздник «долины» и не в 1-й год своего самостоятельного царствования, как полагал К. Зете, а несколько ранее, как соправитель своего еще здравствующего отца Сети I. Сформулированный выше вывод К. Зееле подтверждался и развивался им на основе анализа изображений и соответствующих [С. 91] текстов, имеющихся на южной стене большого гипостильного зала в Карнаке [506, с. 66—77].

Как бы, однако, ни относиться к спору К. Зееле с К. Зете, несомненно, что в 1-й год своего самостоятельного царствования Рамсес II назначил «первым жрецом» Амуна в Фивах Небуненефа. Весьма показательно, как Рамсес II осуществил выбор нового «первого жреца» Амуна. Все выглядело таким образом, будто бы данный выбор был сделан самим Амуном, который во время специального религиозного обряда как оракул ответил на поставленный ему соответствующий запрос и назвал Небуненефа в качестве «первого жреца» Амуна в Фивах. Интересно, однако, отметить, что Амун предпочел Небуненефа (а фактически, конечно, сам Рамсес II) среди лиц самого различного положения при дворе фараона.

В гробнице Небуненефа, высеченной в скалах Дра-абул Негга, в западной части Фив (№ 157), недалеко от современного поселения Курна, сохранились изображение Рамсеса II, стоящего на балконе своего дворца, имени Рамсеса II и царицы Нефертари-Меренмут и интереснейшая надпись, повествующая о том, каким образом Небуненеф оказался в высокой должности фиванского «первого жреца» Амуна. В надписи из гробницы Небуненефа, в частности, говорится следующее:

«(1) 1-й год, 3-й месяц периода ахет. В то время как его величество плыл против течения (на север) из южного города (Фив), совершив то, за что хвалит отец его Амун-Ра, владыка тронов двух земель, великий бык, начальник девятки богов, (а также) великая Мут, владычица Ишеру, (а также) (2) Хонсу в Фивах, Неферхотеп, (а также) девятка богов в его (Амуна) прекрасный праздник в Ипет (в Луксоре). Прибыл оттуда, (находясь) в похвале. Приобрели хвалу касательно жизни, благополучия, здоровья для царя Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, живущего вечно. (3) Пристали к земле, к Таур (тинитскому ному). Был доставлен „первый жрец“ Амуна Небуненеф правогласный к его величеству. Он же (Небуненеф) был в качестве „первого жреца“ Онуриса, в качестве „первого жреца“ Хатор, владычицы Дендер, (в качестве) (4) начальника жрецов всех богов. Юг его (жреческой территориальной компетенции простирался) до (местности) Херхерамун (возле Фив.— И. С.). Север его (жреческой территориальной компетенции простирался) до (местности) Чеку. (5) Сказал ему его величество: Ты (теперь) в качестве „первого жреца“ Амуна. Сокровища его, двойной амбар его под властью печати твоей. (6) Ты (теперь) в качестве верховных уст храма его. Все (служители?) его под руководством твоим. Что касается дома Хатор, владычицы (7) Дендер, он будет под руководством твоего сына, так же как должности твоих

отцов и место, которое было за тобой, (8) Да живу я, любимым Ра, хвалимым отцом моим Амуну. Назвал я ему (Амуну) всех придворных, (9) начальников воинов (?). Ему были также названы жрецы богов [С. 92] и начальники дома его, в то время как они находились перед лицом его. (10) Не удовлетворился он ни одним из них. Когда же назвал я ему имя твое, сделалось ему приятно (?) (11), так как желал он тебя. Я знаю твое совершенство. Возьми же то, за что похвалит тебя Ка (12) его (Амуна) и похвалят тебя Ка мои.

Да продлит он (Амун) тебя (пребывающим) во главе дома его. Даст он тебе старость внутри дома его. Даст пристать (13) он тебе на землях города его. Даст он (тебе) передний канат и задний канат (судна). Он сам пожелал тебя. Нет другого (среди) (14) названных ему. Даст он тебе Запад. Что же касается отца моего Амуна, великого бога, то нет подобного ему, исследующего сердца, (15) выводывающего души, понимающего то, что заключено в глубине сердца. Не в состоянии (ни один) бог совершить то, что сделал он. Не упорствую (в противодействии) замыслам его. Опираются на то, что исходит из уст его. Он владыка девятки богов. Он тебя выбрал (16) ради твоего совершенства, он тебя выделил ради твоего превосходства... (22) ...Тогда дал ему его величество два золотых кольца, его жезл из золота *d'm*. Провозгласил он (его) „первым жрецом” Амуна, (начальником) двух домов — серебра и золота, начальником двойного амбара, начальником работников, начальником всех отрядов ремесленников в Фивах. Отправили царское посольство (23) (сообщить всему Египту, что передали ему (Небуненефу)) дом Амуна, все вещи его и всех подданных (*smdt*) его... (ради тебя), о начальник (дома) Амуна, который будет существовать до бесконечности» [137, т. III, § 255—257; 158, т. I, с. 538, 851; 368, с. 119—122; 382, т. III, с. 239; 513, с. 30—35].

Итак, Небуненеф был назначен «первым жрецом» Амуна в Фивах теоретически с помощью решения божественного оракула Амуна, а фактически, конечно, по желанию Рамсеса II, который считал возможным предлагать на столь высокую жреческую должность любого из своих придворных. О Небуненефе известно, что, став «первым жрецом» Амуна в Фивах, он передал свои прежние жреческие должности, в частности должность «первого жреца» Хатор, владычицы Дендер, своему сыну Сематауи. Жена Небуненефа по имени Тахат стала «старшей над наложницами Амуна», что было естественно для супруги «первого жреца» Амуна в Фивах [368, с. 123, 248, §. 17].

Не подлежит сомнению абсолютное подчинение Небуненефа воле Рамсеса II, который, отправляясь в свою северную резиденцию, оставил руководителем фиванского жречества всем обязанного ему человека. Ничего необычного в этом конечно, не было. В данном случае фараон сохранял за собой полный контроль над храмами Фив, подобный тому, который он, несомненно, осуществлял, например, и над храмами Мемфиса, назначив несколько позднее верховным жрецом («сем») мемфисского Птаха своего любимого сына Хаемуаса (см. [273]), а после [С. 93] смерти последнего в 55-м году своего царствования — другого царевича, будущего фараона Мернептаха.

Между тем в Фивах в царствование Рамсеса II обязанности «первого жреца» Амуна после Небуненефа исполняли последовательно шесть человек: Уненефер, Минмес, Пасер, Аменхотеп, Бакенхонсу (II) и Рама-Раи [368, с. 129—136, 139—141, 144—145, 250—259, § 19—23]. Наиболее крупными фигурами среди них были Бакенхонсу (II) и Рама-Раи.

Об Уненефере, который не был связан родственными узами со своим предшественником Небуненефом, известно на основании одного памятника, хранящегося в Неаполе, только то, что один его сын, Гори, был «руководителем работ» и «первым жрецом» Онуриса, а другой сын, Амунемипет, выполнял функции «начальника стражников» и «руководителя работ, касающихся памятников его величества». Жена Уненефера Исис была «старшей над наложницами Амуна». Племянник Уненефера Пасер занимал высокий пост «царского сына Куша» (правителя Нубии). Сам Уненефер носил только титул «первого жреца» Амуна [368, с. 124, 249—250, § 18].

После Уненефера должность «первого жреца» Амуна занимал Минмес. Согласно данным статуи Минмеса из Луксора, он, как и его предшественник, носил только титул «первого жреца» Амуна. Отец Минмеса Пахемнечер был связан с культом Птаха в Фивах и

потому носил звание «старшего над руководителями Птаха (в Фивах)». Мать Минмеса именовалась «старшей над наложницами Онуриса». Очень высокий светский пост занимал брат Минмеса Рахотеп, который был «великим судьей» «начальником города» (Фив?), визирем, «руководителем праздников своего господина» (т.е. Рамсеса II), «царским посланцем в страну хета». Несомненно, что Рахотеп принимал участие в подготовке мирного договора между властелином Египта и Хаттусилисом III в 21-й год царствования Рамсеса II и с этой целью совершил дипломатический вояж в хеттское царство. Жена Рахотепа имела титул «старшей над наложницами Хершефи» [368, с. 124, 250—251, § 19]. Коль скоро Рахотеп имел непосредственное отношение к установлению дружеских и союзных отношений Египта со страной хеттов в начале 30-х годов правления Рамсеса II, можно думать, что именно на этот период падает и деятельность Минмеса.

«Первый жрец» Амуна Пасер (которого не следует смешивать с визирем Пасером — сыном Небнечеру [368, с. 125, 136—138]) известен по одной статуе из серого гранита, извлеченной из тайника (хранилища статуй) в Карнаке. Согласно тексту надписи на статуе, помимо титула «первый жрец» Амуна Пасер был также «руководителем жрецов всех богов», а это практически в его время означало, что он возглавлял жречество только города Фивы [368, с. 125—126, 252, § 20].

О «первом жреце» Амуна Аменхотепе известно очень мало, а именно только то, что сказано в надписи его сына Амунемипета, [С. 94] который был «начальником конюшни из великой конюшни резиденции (Рамсеса II)». Никаких других званий, помимо звания «первого жреца» Амуна, Аменхотеп, по-видимому не имел [368, с. 126, 252—253, § 21].

Более крупными деятелями, чем названные выше Уненефер, Минмес, Пасер и Аменхотеп, в царствование Рамсеса II были два «первых жреца» Амуна в Фивах — Бакенхонсу (II) и Рама-Раи.

О Бакенхонсу (II) сообщают обширные надписи на двух его статуях, хранящихся в Мюнхене и Каире. Из этих надписей становится известно о многих должностях Бакенхонсу и о его жреческой карьере. Если суммировать содержание надписей на обеих статуях, можно будет установить, что он был сыном «второго жреца» Амуна в Карнаке. В детские годы Бакенхонсу учился в писцовой школе при храме Мут, где отличился как «юноша отличный». Этот период жизни Бакенхонсу продолжался четыре года и, возможно, завершился тогда, когда Бакенхонсу исполнилось девять лет. В течение двенадцати лет Бакенхонсу был «руководителем конюшни» Сети I. Жреческая карьера Бакенхонсу началась тогда, когда ему шел уже двадцать первый год. До двадцати пяти лет Бакенхонсу занимал низкую должность простого жреца-«уаба». С двадцати пяти до тридцати семи лет Бакенхонсу носил жреческий титул «божественный отец». Затем последовательно Бакенхонсу занимал должности «третьего жреца» Амуна (с тридцати семи до пятидесяти двух лет), «второго жреца» Амуна (с пятидесяти двух до шестидесяти четырех лет) и, наконец, «первого жреца» Амуна (с шестидесяти четырех лет до девяносто одного года). В общей сложности Бакенхонсу выполнял жреческие обязанности в Фивах в течение семидесяти лет. В 46-й год царствования Рамсеса II Бакенхонсу еще был «первым жрецом» Амуна и в качестве такового возглавлял судебную коллегия, состоящую из девяти жрецов, разбиравшую одну тяжбу. Бакенхонсу к концу своей жизни имел титулы (помимо «первого жреца» Амуна): «руководитель жрецов всех богов», «руководитель жрецов всех богов Фив» (данный титул уточнял смысл предшествующего титула «руководитель жрецов всех богов»), «начальник мистерий на небе, на земле, в потустороннем мире», «Ур-мау („великий среди видящих“) Ра в Фивах», «жрец-„сем“», «старший над руководителями Птаха (в Фивах)», «великий руководитель работ в доме Амуна», «великий руководитель работ в Фивах», «руководитель работ моего господина», «руководитель работ в Фивах во всех прекрасных, сооружениях», «руководитель любого ремесла (при создании) всех памятников, которые сделал он (Рамсес II) для отца Амуна».

Как мы видим, Бакенхонсу (II) помимо жреческих обязанностей занимался организацией строительных работ в Фивах, и можно думать, что именно деятельность

последнего рода способствовала и жреческой карьере Бакенхонсу. [С. 95] По-видимому, многими грандиозными сооружениями, воздвигнутыми при Рамсесе II, непосредственно руководил Бакенхонсу (II). Умер он в конце царствования Рамсеса II (или при Мернептахе), уже будучи по старости смещенным с должности «первого жреца» Амуна в Фивах. Гробница Бакенхонсу (№ 35) известна в скалах Дра-абул Негга, в западной части Фив. Она имеет форму буквы «Т» и состоит из галереи, зала и различных помещений. Гробница украшена статуями и надписями, перечисляющими титулы покойного. Здесь же изображены сцены почитания Осириса, Птаха-Сокариса, Анубиса. Одна сцена представляет Бакенхонсу и его жену на коленях перед божеством. Как и все жены «первых жрецов» Амуна в Фивах, жена Бакенхонсу носила титул «старшей над наложницами Амуна» [368, с. 126—136, 253—255, § 22].

В последние годы жизни Рамсеса II «первым жрецом» Амуна стал человек, носивший двойное имя Рама-Раи. Его основная деятельность в Фивах — жреческая, хозяйственная, строительная — протекала уже после смерти Рамсеса II, при его преемниках, почти до самого конца правления фараонов XIX династии. Во многом Рама-Раи напоминал своего предшественника Бакенхонсу (II). Существовало даже высказанное Дж. Брэстедом предположение о родственных связях Рама-Раи с Бакенхонсу (II), основанное на том факте, что сын Рама-Раи, носивший титул «второго жреца» Амуна также именовался Бакенхонсу. Однако справедливым подобное предположение считать невозможно. О происхождении Рама-Раи ничего не известно, и, как подчеркивает Г. Лефевр, утверждать, что «высший понтификат был наследственным со времен великого жреца Бакенхонсу в царствование Рамсеса II,— это (означает) понапрасну громоздить гипотезу без фундамента» [368, с. 144]. Из одной надписи Рама-Раи следует, что он с детских лет был связан с фиванским жречеством, начав свою служебную деятельность с низкой должности жреца-«уаба», и только после того, как он стал известен Рамсесу II за свои благие деяния в Фивах, благодаря поддержке фараона [368, с. 145] он начал успешно делать карьеру [368, с. 139—153, 256—259, § 23].

Так складывались взаимоотношения Рамсеса II с «первыми жрецами» Амуна в Фивах. Последние все без исключения были назначенными фараоном преданными слугами своего земного владыки. Аналогично относились к власти фараона и жрецы других культов, полностью контролировавшихся Рамсесом II.

РАМСЕС II И КУЛЬТЫ ЕГИПЕТСКИХ БОГОВ

В царствование Рамсеса II особого почитания достигли культы египетских богов Сетха (Сутеха)⁷¹, Птаха [41, с. 74], Ра, Амуна. Это были как бы основные государственные культы, чей расцвет обуславливался мощной поддержкой со стороны царской власти. [Не случайно, конечно, отряды египетского войска [С. 96] при Рамсесе II носили имена Сетха (Сутеха), Птаха, Ра, Амуна.] Трудно говорить о противопоставлении при Рамсесе II одного из этих культов другому. Всех вышеперечисленных богов Рамсес II в равной степени считал своими «родителями» и покровителями, и потому он мог в одинаковой мере восхвалять в своих религиозных текстах и Сетха (Сутеха), и Птаха, и Ра, и Амуна. Если в надписях, прошедших фиванскую редакцию, воспевающих деяния Рамсеса II, совершенные им в сражении при Кадеше, единственным помощником фараона объявлялся его божественный отец Амун, то в пространном «Благословении Птаха-Танена», начертанном в Абу-Симбеле (а также в Карнаке, в Амаре, в Акше), Рамсес II принимает благословение от Птаха-Танена как от своего великого покровителя, даровавшего фараону все его победы над врагами [181; 344, т. II, вып. 5, 1971, с. 258—281; 493, с. 16, 40—41, 47, 91, 176, 189, 209, фиг. 21]. (Текст «Благословения Птаха-Танена» был повторен в Мединет-Абу Рамсесом III). Видеть здесь противопоставление Птаха-Танена Амуну вряд ли оправданно. Скорее в упомянутом выше «Благословении» сказывается обычный для древнего Египта политеизм, допускавший мирное сосуществование многих богов, одинаково могущественных и одинаково покровительствующих своему любимому «сыну» — фараону.

Противоположного мнения придерживалась М. Э. Матье, утверждавшая, что Рамсес II по политическим причинам выдвигал культ Птаха-Танена, противопоставляя его фиванскому культу Амуна-Ра [51, с. 475, 476, 563].

По поводу «Благословения Птаха-Танена» М. Э. Матье писала, что «текст этот, высеченный на стенах храма в Абу-Симбеле [344, т. II, вып. 5, 1971, с. 258—281], содержит диалог между Птахом и Рамсесом II. Бог обращается к фараону с длинной речью, в которой называет себя его отцом по плоти, обещает благоденствие и долголетие, такое же мудрое сердце, каким обладает он сам. Птах обещает обеспечивать царствование Рамсеса обильными нильскими разливами, а следовательно, богатыми урожаями; горы и земные недра будут доставлять фараону необходимые материалы для его памятников. Характерно, что Птах говорит об украшении и расширении новой столицы — Пер-Рамсеса, прямо указывая, что это нужно для „укрепления границ Египта“. Далее Птах объявляет, что это именно он даровал Рамсесу все его победы, заставив подчиниться хеттов, и что даже хеттская царица, которая стала женой Рамсеса II, приехала в Египет по воле бога. После речи Птаха следует ответ Рамсеса в котором царь благодарит бога, подчеркивая, что он — его сын, и говорит о том, какие храмы он основал Птаху. При этом очень важно, что в речи Рамсеса звучат определенные совпадения с основным философским мемфисским сочинением — так называемым „Мемфисским трактатом“ [515], в котором содержится учение о создании мира Птахом. [С. 97]

Политический характер текста „Благословения Птаха-Танена“ ясно виден как из утверждения бога, что он является отцом Рамсеса по плоти, так и по тому положению подателя жизни Египту и особенно подателя военных удач фараона, в котором он показан в тексте. Последняя роль, как известно, Птаху совершенно несвойственна, и появление его в образе воинственного божества объясняется желанием Рамсеса противопоставить его фиванскому Амону-Ра. Все назначение текста и заключается в этом. Недаром и на рельефе, возглавляющем текст, изображена типично фиванская композиция: сцена привода и убийства пленных перед богом, в которой, однако, место Амона занимает Птах-Танен» [51, с. 475—476]⁷².

Мы привели предложенный М. Э. Матье пересказ и оценку текста «Благословения Птаха-Танена», поскольку, по мнению М. Э. Матье, в данном тексте содержится свидетельство о политических устремлениях Рамсеса II, якобы желавшего умалить значение фиванского культа Амуна-Ра, чтобы тем самым ослабить влияние фиванского жречества. Думаем, однако, что противопоставление Птаха-Танена Амону-Ра в данном случае видеть необязательно. Рамсес II равно чтил и мемфисского Птаха-Танена, и фиванского Амуна-Ра, а воинственные атрибуты последнего могли быть перенесенными на образ Птаха-Танена, коль скоро речь шла о военных деяниях фараона.

Для религиозной жизни времени Рамсеса II характерным было не выдвижение какого-либо из основных культов страны на передний план в ущерб остальным, а скорее стремление совместить эти культы друг с другом⁷³. Показательным в этом смысле является пропагандируемый фиванским жречеством гимн Амуну, восходящий еще к эпохе XVIII династии, но зафиксированный на папирусе (Лейденский папирус I, 350), текст которого был записан в 52-й год царствования Рамсеса II [245, с. 12—42]. (Эта дата упоминается в записях на стороне verso, в то время как гимн Амуну занимает сторону recto и часть стороны verso.) Прославляя Амуна и Фивы как резиденцию Амуна (гл. 7, 10, 90 и др.), гимн Лейденского папируса I, 350 в гл. 300 содержит следующие знаменательные слова:

«(IV, 21)... Глава трехсотая. Имеется всего три бога: Амун, Ра, Птах; нет другого (подобного им). Скрытое (*imn*) имя его как (IV, 22) Амун. Ему принадлежит Ра как лицо. Тело его — Птах. Города их на земле установлены навеки: Фивы, Гелиополь, Мемфис — вплоть до бесконечности. Посылается божественной послание с неба — слы(IV, 23)шат в Гелиополе. Повторяется в Мемфисе для красивого лицом (т. е. Птаха.— И. С.), фиксируется на письме в записях Тота (и посылается) в город Амуна вместе с их содержанием (IV, 24) — отвечают на замыслы а Фивах. „Выходи, говорится богом, это

принадлежит девятке богов”. Все выходящее из рта его (принадлежит) Амуну. Утверждены боги ради него (Амуна) согласно с приказаниями. (IV, 25) Божественное послание послано — [С. 98] оно убьет или оживит. Жизнь (и) смерть из-за них для всех людей... Амун и Ра... всего три» [245, с. 35, табл. XVI].

При ощущаемом предпочтении, оказываемом Амуну (что естественно для текста, составленного, несомненно, в Фивах), в Лейденском гимне делается попытка совмещения и объединения Амуна с двумя другими влиятельными древними божествами — с Ра и Птахом. Слияние Амуна с Ра в единый образ бога Амуна-Ра, как известно, произошло еще задолго до начала эпохи Нового царства. Однако сопоставление и отождествление друг с другом фиванского Амуна (Амуна-Ра) и мемфисского Птаха свидетельствует уже о новом в истории развития в древнем Египте религиозных представлений. Лейденский гимн Амуну, бесспорно, демонстрирует шаг в сторону становления в Египте монотеистической концепции в области религиозного сознания [399, с. 17—25].

АЗИАТСКИЕ БОЖЕСТВА И АЗИАТЫ-СЕМИТЫ В ЕГИПТЕ В ЦАРСТВОВАНИЕ РАМСЕСА II И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

В царствование Рамсеса II «в религии заметно азиатское (отчасти ливийское) влияние выразившееся главным образом во включении в пантеон иноземных богов, особенно Ваала, Астарты, Решепа, Кадеш. Они считались главным образом божествами воины. Ваал был сопоставлен с Сетхом, Астарты включена в мемфисский цикл, ее областью считалось море» [83, т. I, с. 338]. В одном из описаний столицы Рамсеса II Пер-Рамсеса сказано, что «его западная часть есть дом Амуна, его южная часть есть дом Сутеха, Аштарты находится на его востоке, а Буто — в его северной части (Анастаси IV (6,1—6,10)) [248, с. 40—41]. По словам Дж. Брэстеда, «иноземные боги Сирии, принесенные множеством азиатских рабов, появляются среди тех, к которым обращался народ: Ваал, Кадеш, Астарты, Решеп, Анат и Сутех [25, т. II, с. 142].

Культы некоторых исконных египетских божеств в царствование Рамсеса II испытывали столь сильное влияние со стороны культов азиатских божеств, что как бы сливались с ними. Этот процесс хорошо заметен в иконографии Сетха (Сутеха), изображенного на стеле 400-летия эры Сетха, где он представлен в типично азиатском одеянии. На голове у него высокий конический колпак с выступающими со стороны лба рогами газели. С макушки колпака вдоль всей спины, почти до пола, свисает длинная лента. На него надеты браслеты, пестрые банты, короткий кинжал с кисточками. Все это типично для иконографии Баала (Ваала), с которым явно был отождествлен Сетх [96, с. 224; 419, с. 191—215]. Как свидетельствует одна стела из Рас-Шамры, Сетх отождествлялся с Баал-Цафоном [546, с. 175, примеч. 12]. В египетском тексте мирного договора, который заключил Рамсес II с Хаттусилисом III, имя бога Сетха среди [С. 99] богов — гарантов договора всюду замещает аккадскую идеограмму, обозначающую хеттско-хурритского бога грозы [584, с. 144—156]. В египетском медицинском папирусе «Херст» рассказывается о победе Сетха над сирийским богом морской стихии Йамом [254, с. 98]. В папирусе Честер-Битти I супругами Сетха помимо египетской Нефтиды объявляются сирийские богини Анат и Аштарты (Астарты) [546, с. 175, примеч. 18]. Богиню Анат иногда называли «молочной коровой Сетха», а самого Сетха — «быком Речену» (т. е. Сирии); этот эпитет применялся и по отношению к Рамсесу II как образу Сетха [303, с. 494; 413, с. 140 и сл.]⁷⁴.

Что касается культа Сетха (Сутеха) в Пер-Рамсесе, то, несмотря на азиатское одеяние и головной убор, в которых Сетх представлен на стеле 400-летия, в данном случае почиталось исконно египетское божество, лишь приобретшее некоторые азиатские черты. Вот что пишет по поводу культа Сетха (Сутеха) М. А. Коростовцев: «Сутех не является „импортированным” в египетский пантеон чужеземным богом, он коренной египетский бог, облюбленный гиксосами⁷⁵... Бог Сетх (Сутех), как и другие египетские божества, был многогранен, важнейший его аспект — бог грозы. Это сближало Сутеха с семитским Баалом,

также богом грозы. Отождествление богов отразилось в иконографии: гиксосский Сутех изображался в головном уборе Баала. Женой Сутеха была сирийская богиня Анат, храм которой находился в Танисе. Таким образом, гиксосский Сутех в своей основе был египетским божеством, приобретшим чужеземный колорит...

Этот бог известен как древнее верхнеегипетское божество. Местами его культа в Верхнем Египте были Ком-Омбо, одиннадцатый верхнеегипетский ном Шасхотеп... в Среднем Египте — местность Су поблизости от Гераклеополя, оазисы Ливийской пустыни, Харга и Дахлис и другие районы... В Нижнем Египте культ Сетха существовал в северо-восточной части Дельты со времен II династии.

После изгнания гиксосов культ Сетха продолжал процветать в Пи-Рамсесе, резиденции Рамсеса II... В сознании египтян Сетх, несомненно, был великим божеством Египта. Во времена того же Рамсеса II, как показали раскопки П. Монте, главными богами в Танисе были Амон, Ра, Пта и Сетх (Сутех), причем в текстах они названы богами Рамсеса II» [41, с. 113—114; см. также 238, т. 2, с. 67; 242, с. 165; 254, с. 124; 276, с. 255 и сл.; 332, с. 23, примеч. 4; 412, с. 406—411; 584, с. 144—156].

Помимо Сетха (Сутеха) с азиатскими божествами отождествлялись и другие боги Египта. Так, в эпоху Рамессидов бог Ра иногда отождествлялся с азиатским богом Элемом. В одной версии «Спора Гора с Сетхом» Ра назван «Быком, пребывающим в Гелиополе», который имеет в качестве своих дочерей сирийских богинь Анат и Аштарту [546, с. 178, примеч. 27, 28]. Богиня Анат называлась матерью Рамсеса II⁷⁶. Она имела свой [С. 100] храм в Пер-Рамсесе [413, табл. XIII]. Аштарта отождествлялась с богиней Сехмет [472, с. 412—414].

Азиатское религиозное влияние, весьма сильное в эпоху Нового царства и в особенности при фараонах XIX—XX династий, коснулось непосредственно семьи Рамсеса II. Известно, что одна из старших дочерей фараона носила сирийское имя Бент-Анат [т. е. «дочь (богини) Анат»]. В правление Рамсеса II и при его преемниках Египет был буквально наводнен семитами — выходцами из Передней Азии. «Финикийцы, сирийцы, палестинцы появляются в Египте во все большем количестве. Один из сыновей Рамсеса II был женат на дочери сирийского шкипера, которую звали Бент-Анат. Одним из приближенных фараона Мернепта (сына Рамсеса II.— И. С.) был семит Бен-Оцен. На суде над покушавшимися на жизнь Рамсеса III председательствовал некто Махар-Баал, явный семит» [41, с. 270]. Из сказанного выше видно, что положение азиатов-семитов в Египте иногда было весьма привилегированным. Многие выходцы из Передней Азии достигали при Рамсесе II и его преемниках очень высокого положения при дворе и даже роднились с царствующим домом⁷⁷.

ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ РАМСЕСА II

В соответствии с древней религиозной доктриной, фараоны считались существами божественной природы, «детьми» великих богов мироздания, и потому являлись объектами религиозного почитания [41, с. 151—155]. Особенно последовательно подобная доктрина соблюдалась в отношении Рамсеса II, прижизненное и посмертное обожествление и культовое обслуживание которого осуществлялись по всему Египту и за его пределами. Культ Рамсеса II как бога функционировал в Египте в Пер-Рамсесе, Гелиополе, Абидосе, Рамессеуме, Карнаке, Луксоре и в ряде других мест. По свидетельству стелы из Хорбета, Рамсес II почитался в качестве бога обитателями находившейся там военной колонии [480, с. 57—67]. Рамсес II сооружал в свою честь храмы, в которых ему поклонялись как богу, воздвигал гигантские статуи, которые становились объектами его культа [286]. Особого развития обожествление Рамсеса II достигло в Нубии. Там Рамсесу II при его жизни и после смерти поклонялись в храмах Абу-Симбела, Герф-Хусейна, Вади эс-Себуа, Бейт эль-Вали, Амары, Акши. В некоторых храмах (в Абу-Симбеле, Бейт эль-Вали, Акше) имелись изображения Рамсеса II, совершающего поклонения самому себе как богу [56, с. 309—321; 286, с. 1—16; 495, с. 205]. Б. А. Тураев писал: «Рамсес II выступает богом с такими

притязаниями, как редко кто из его предшественников. Его не стесняет несравнимость божества» [83, т. I, с. 333]. Несомненно, Рамсес II довел до логического завершения те принципы обожествления фараона и его [С. 101] власти, которые с древнейших времен были характерны для мировоззрения жителей долины Нила. Очень древнее представление о фараоне-божестве, «сыне» божественных «родителей», носило явно политический оттенок, и потому, пропагандируясь, оно пережило тысячелетия фараоновского периода древнеегипетской истории, показав свою жизненность и во времена Птолемеев и римских цезарей⁷⁸.

ЮБИЛЕИ «ТРИДЦАТИЛЕТИЯ» РАМСЕСА II⁷⁹

Рамсес II на протяжении своих более чем 66 лет царствования отпраздновал 14 юбилеев «тридцатилетия» (хеб-сед) что превосходит количество подобных юбилеев, отмеченных каким-либо другим фараоном [288, с. 64]. Во всех этих празднованиях участвовало много высокопоставленных должностных лиц, но только в девяти случаях известны их имена. Любимый сын Рамсеса II, царевич Хаемуас, и визирь Ха вместе руководили первыми пятью юбилеями, а визирь Ха — еще и шестым юбилеем. Хаемуас, однако, оставил больше надписей о юбилейных торжествах своего отца, чем визирь Ха. В пещерном храме Хоремхеба в Гебель эль-Сильсиле Хаемуас зафиксировал три надписи, в районе Асуана — две и в Эль-Кабе — одну. Так, в нише на фасаде пещерного храма Хоремхеба в Гебель эль-Сильсиле Хаемуас повелел изобразить себя и начертать надпись, сообщающую о данном ему приказе отца провозгласить в 30-й год царствования Рамсеса II первый юбилей «тридцатилетия» [463, т. V, с. 209, № 4]. По сторонам от двери, открывающей ход из галереи в святилище того же пещерного храма, Хаемуас повелел поставить две стелы, тексты которых указывают на 30, 34, 37, 40-й годы как на даты первых четырех юбилеев Рамсеса II [463, т. II, с. 212, № 42, 43]⁸⁰. В районе Асуана, в восточной части о-ва Бига, Хаемуас оставил стелу, упоминающую первые три юбилея — в 30, 34 и 37-й годы царствования Рамсеса II [463, т. II, с. 256, № 5в]. Л. Хабаш обнаружил в Асуане текст надписи и рельефную сцену, которые указывают на провозглашение пятого юбилея в 42-й год правления Рамсеса II [288, с. 64, примеч. 5; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 393—394]. На фасаде храма Аменхотепа III в Эль-Кабе царевич Хаемуас изображен перед своим отцом с сопроводительным текстом, утверждающим, что он прибыл в это место в 41-й год для провозглашения пятого юбилея Рамсеса II⁸¹.

Визирь Ха оставил в пещерном храме Хоремхеба в Гебель эль-Сильсиле две стелы и надпись в одну горизонтальную строку, посвященные шестому юбилею. Согласно сообщению текста стелы, помещенной к северу от прохода, ведущего в святилище, первые четыре юбилея Рамсеса II отмечались в 30, 34, 37 и 40-й годы его царствования [463, т. V, с. 212, № 47]. Над статуей визиря к югу от того же прохода высечена длинная надпись, [С. 102] указывающая на то, что в 1-й день 2-го месяца зимнего сезона 42-го года правления Рамсеса II визирь Ха получил приказ провозгласить пятый юбилей [288, с. 64, примеч. 8; 463, т. V, с. 212, № 48].

На второй стеле, высеченной к северу от первой, говорится о получении визирем Ха в 1-й день 1-го месяца зимнего сезона 45-го года правления Рамсеса II приказ объявить о шестом юбилее [344, т. II, вып. 7, 1976, с. 394—395; 463, т. V, с. 212, № 49].

Ничего не известно о седьмом и восьмом юбилеях Рамсеса II, за исключением упоминания о последнем из них на одном берлинском скарабее [288, с. 65, примеч. 10]. Наиболее вероятно, по мнению Л. Хабаша, что эти юбилеи отмечались в 49-й и 52-й годы царствования Рамсеса II [288, с. 65; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 395—396]. О девятом юбилее Рамсеса II сообщает текст, высеченный в проходе пилона храма в Арманте [288, с. 65, примеч. 11; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 396]. Здесь же говорится о том, что в 1-й день 1-го месяца зимнего сезона 54-го года своего царствования Рамсес II приказал руководителю Рамессеума по имени Иупа провозгласить девятый юбилей, а в 17-й день 1-го месяца

зимнего сезона 57-го и 60-го годов своего царствования Рамсес II отдал аналогичный приказ визирю Ноферронпету относительно десятого и одиннадцатого юбилеев соответственно [288, с. 65, примеч. 12, 13; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 397]. В 1-й день 1-го месяца зимнего сезона 61, 63 и 65-го годов царствования Рамсеса II подобные приказы были отданы в отношении проведения двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого юбилеев, однако лица, которые за них были ответственны, неизвестны [288, с. 68, примеч. 14; 344, т. II, вып. 7, 1976, с. 398].

Имеются данные, свидетельствующие, что в организации юбилейных торжеств участвовали люди, выполнявшие функции помощников тех, кому поручалось руководить этими юбилеями. Так, к северу от входа в пещерный храм Хоремхеба в Гебель эль-Сильсиле сохранились изображения «слушающегося зова» Иуа и писца Ибпаи, которые прибыли вместе с царевичем Хаемуасом для провозглашения четвертого юбилея Рамсеса II [288, с. 65, фиг. 1]. В пещерном храме в Гебель эль-Сильсиле имеются и другие аналогичные тексты, один из которых упоминает некоего Рамеса — «слушающегося зова» царевича Хаемуаса, который прибыл для провозглашения юбилея [288, с. 66, фиг. 2] Рамсеса II. В другой надписи там же речь идет о «писце свитков» Хаемуаса по имени Сунеро [288, с. 66—67, примеч. 3], выполнявшем аналогичное задание. Под стелой визиря Ха в Гебель эль-Сильсиле, посвященной Шестому юбилею Рамсеса II, изображены три человека в молитвенной позе с поднятыми руками. Первый из них назван писцом Хатиаи, второй — братом писца по имени Неферхотеп, третий — писцом Паи [288, с. 66, примеч. 18, с. 67, фиг. 3]. Под другой стелой визиря Ха [С. 103] в Гебель эль-Сильсиле упоминается писец Ахбакенамун. Безусловно, все эти лица помогали визирю Ха в организации и проведении юбилеев. Тот факт, что пещерный храм в Гебель эль-Сильсиле был выбран для фиксации упоминаний о первых юбилеях Рамсеса II, говорит о религиозном и стратегическом значении местности, в которой находился данный храм, местности, пограничной с Нубией.

Скальная надпись на о-ве Сихейл не только упоминает один из юбилеев Рамсеса II, но называет и управителя Элефантины [288, с. 66, примеч. 21; 463, т. V, с. 251, № 137], который был вовлечен в проведение этого юбилея. Аналогичная ответственность за проведение царских юбилеев возлагалась, по-видимому, на всех руководителей египетских городских центров и номов. Все четырнадцать юбилеев «тридцатилетия» Рамсеса II праздновались в 30, 34, 37, 40, 42, 45, 49, 52, 55, 58, 61, 62, 64 и 66-й годы его царствования, т. е. во вторую половину его правления, уже после завершения военных действий египтян в Азии и после заключения мирного договора с Хаттусилисом III.

По случаю юбилейных торжеств (в особенности связанных с первым юбилеем) в Египте от имени фараона возводились здания, обелиски или статуи, посвященные богам — покровителям фараона. Так, между первым и вторым пилонами своего храма в Абидосе Рамсес II приказал соорудить часовню в память о своем первом юбилее и высечь соответствующую надпись. Аналогичная надпись была обнаружена на осирических колоннах на западной стороне второго двора Рамессеума [288, с. 69—70]. В ряде случаев Рамсес II повелевал изображать себя в связи с юбилейными торжествами рядом с тем или иным божеством. Об этом свидетельствуют, например, каменные блоки, обнаруженные в 1947 г., содержащие фрагменты сцен, показывающих Рамсеса II рядом с богами-покровителями: Собеком, Гором, Гебом, Харендотом, Нейт, Маат, Нефтидой, Исидой, Хатор, Амуном-Ра, Шепси [288, с. 70, фиг. 4, 5].

В Бруклинском музее хранится блок из известняка, на котором Рамсес II представлен вместе с богиней Анат Рамсеса Мериамуна [288, с. 71, примеч. 42]. Все вышеперечисленные юбилейные изображения Рамсеса II рядом с божествами, высеченные на каменных блоках, происходят из Саккара и, вероятно, являются частями разрушенной гробницы царевича Хаемуаса, на которой были зафиксированы сцены, относящиеся к одному из первых юбилеев Рамсеса II, в проведении которых Хаемуас, как известно, принимал активное участие [288, с. 71, примеч. 43]⁸².

СЕМЬЯ РАМСЕСА II

Рамсес II был сыном Сети I и царицы Туи [292]. Семья его была огромна. Помимо бесчисленных наложниц гарема известны четыре его законные супруги [258, с. 75—80], по крайней [С. 104] мере 79 сыновей [453, с. 82]⁸³ и 63 дочери [258, с. 102— 113]⁸⁴, а по некоторым подсчетам, 111 сыновей и 67 дочерей [385, с. 9].

Первой законной женой молодого Рамсеса II была Нефертари-Меренмут [258, с. 75—77]⁸⁵, считавшаяся царицей, как свидетельствует надпись в гробнице «первого жреца» Амуна Небуненефа, уже в 1-й год самостоятельного правления Рамсеса II. Нефертари-Меренмут стала женой Рамсеса II еще в период его соправления с Сети I. К сожалению, неизвестно, сколь долгой была ее жизнь. Совершенно очевидно, что Нефертари-Меренмут была еще жива в период строительства абу-симбельского храмового комплекса, малый храм которого был посвящен ей и в котором имеется много ее скульптурных изображений. В Абу-Симбеле она отождествлена с богинями Хатор, Мут, Ануке и названа наследственной правительницей севера и юга Египта. Нефертари-Меренмут представлена рядом с колоссами Рамсеса II в Абу-Симбеле и в Луксоре. Известна ее статуя из гранита, в настоящее время находящаяся в Ватикане, и сидящая фигура из черного гранита, хранящаяся в Турине. Ее гробница была открыта в 1904 г. в Долине цариц, в западной части Фив. Довольно многочисленны скарабей с ее именем. Царица Нефертари-Меренмут была матерью старшего сына Рамсеса II, царевича Аменхерунемефа (Аменхерхопшефа), возглавляющего все списки сыновей Рамсеса II.

Второй законной женой Рамсеса II — возможно, одновременно с Нефертари-Меренмут — была Истнофрет [258, с. 77—78], родившая нескольких сыновей, в том числе столь прославленных, как четвертый сын, царевич Хаемуас⁸⁶, и тринадцатый сын, царевич Мернептах, унаследовавший впоследствии престол. Царица Истнофрет была матерью и старшей дочери Рамсеса II — царевны Бент-Анат. Истнофрет изображена со своими детьми на многих монументальных сооружениях. Вместе со своими сыновьями она представлена в скульптурной группе, ныне хранящейся в Париже.

Третьей законной женой Рамсеса II стала дочь хеттского царя Хаттусилиса III, вступившая в брак с египетским фараоном на 34-м году его правления. Она получила египетское имя Маатнефрура («Видящая красоту Ра»), Маатнефрура изображена вместе со своим отцом Хаттусилисом III на стеле, высеченной на южной стороне внутреннего зала большого храма в Абу-Симбеле, и представлена рядом с Рамсесом II на одном из его колоссов в Танисе. [258, с. 79—80].

Четвертой законной женой Рамсеса II стала другая дочь Хаттусилиса III [348, с. 14—18]. Законной царицей была также некая «дочь царя» Хентмира, которая не имела сыновей и, по-видимому, прожила недолго [273, с. 2, 8].

Известно, что в гареме Рамсеса II была также дочь царя Вавилона и дочь правителя страны Зулапи (Северная Сирия) [502, с. 187, примеч. 41, 42]. [С. 105] Старшим сыном Рамсеса II был царевич Аменхерхопшеф (или Аменхерунемеф), упоминаемый в стандартных храмовых списках из Рамессеума, Луксора и Дерра, а также на туринской статуе. В храме в Бейт эль-Вали он назван Аменхерунемефом. По-видимому, в данном случае по каким-то причинам было произведено изменение имени царевича, поскольку Аменхерхопшеф и Аменхерунемеф явно одно и то же лицо, поскольку они нигде не перечислены и не изображены вместе.

Сын царицы Истнофрет — царевич Рамсесу — изображен вместе со своей матерью и братом Хаемуасом в небольшой скульптурной группе, ныне хранящейся в Париже, а также на стелах в Асуане и в Гебель эль-Сильсиле. Его можно обнаружить и в абу-симбельском храме. Ему же как умершему посвящена статуя, изготовленная по заказу сына его брата Хаемуаса. Принадлежащая Рамсесу фигурка ушебти была помещена в Серапеуме в 26-й год правления Рамсеса II. (О старших сыновьях Рамсеса II см. [273; 529, с. 275].)

Царевич Парахерунамиф известен по нескольким спискам, в частности по записям в абу-симбельском храме. Имеется и скарабей с его именем.

Сын Рамсеса II и царицы Истнофрет — царевич Хаемуас долгое время был наиболее влиятельным при дворе своего отца. Он исполнял обязанности верховного жреца («сем») Птаха в Мемфисе и был признан наследником престола в 30-й год правления Рамсеса II [273]. О Хаемуасе сообщают многие надписи. Он фигурирует в трёх списках детей Рамсеса II. В юности он принимал участие в войнах в Сирии, о чем свидетельствуют изображения и тексты в Рамессеуме и в Карнаке. Как верховный жрец Птаха в Мемфисе, Хаемуас засвидетельствован фигурками ушебти, изготовленными в связи с церемонией захоронения священных быков Аписов в 16, 26, 30-й и в еще один неизвестный год правления Рамсеса II. С 30-го по 40-й (или 42-й) год царствования Рамсеса II Хаемуас руководил, несомненно четырьмя (а возможно, пятью) юбилеями «тридцатилетия» своего отца [288, с. 64, примеч. 4]. В должности верховного жреца Птаха Хаемуасу в 55-й год правления Рамсеса II наследовал его брат Мернептах. Известны ушебти и гробницы Хаемуаса, а также различные предметы (нагрудные украшения, амулеты), найденные в Серапеуме в погребениях быков Аписов. В Британском музее хранится прекрасная статуя Хаемуаса [273, с. 99—137].

Хаемуас надолго оставил по себе память в египетском народе, который много веков спустя, как свидетельствуют о том Геродот и поздние демотические записи эллинистического и римского времени, в своих сказках изображал Хаемуаса (Сатни-Хаемуаса, или Сетона) как могущественного чародея и мага — отца еще более великого волшебника — Са-Осириса, успешно боровшегося с эфиопскими колдунами и, в частности, поведавшего своему отцу Сатни-Хаемуасу притчу о праведном [С. 106] страдальце, притчу, удивительно похожую на евангельский рассказ о нищем Лазаре [41, с. 38—39; 82, с. 267; 88, с. 159—231; 273, с. 70—71; 282].

Сын Рамсеса II Ментухерхопшеф принимал участие в военных походах в Азию. Его скарабей хранится в Берлине. Он же присвоил статую в Бубастисе. Ментухерхопшеф был начальником над лошадьми и колесницами.

Царевич Небенхару участвовал, в осаде города Дапур.

Царевич Мериамун упомянут в Рамессеуме и в Луксоре изображен при осаде Дапура.

Царевич Аменемуа представлен в храме в Дерре под именем Сетимуа. Он участвовал в осаде Дапура.

Царевич Сети, сын царицы Нефертари-Меренмут, в 53-й год царствования Рамсеса II еще был жив. Он изображен при осаде Дапура и в военных сценах в Карнаке.

Известны имена царевичей Сетепенра, Рамери, Херхерумефа и многих других.

Царевич Мернептах, сын царицы, Истнофрет, в 55-й год правления Рамсеса II наследовал Хаемуасу в должности верховного жреца Птаха в Мемфисе. В этот же год он был объявлен наследником престола. После смерти Рамсеса II он стал фараоном [161, с. 335—372; 324].

Старшая дочь Рамсеса II и царицы Истнофрет по имени Бент-Анат возглавляла луксорский список его дочерей. Ее статуи помещались на Синае, в Танисе, в Карнаке, в Абу-Симбеле. Ее гробница находится в Долине цариц, в западной части Фив. Встречаются записи, в которых Бент-Анат предстает не только как «дочь царя», но и как «великая жена царя», из чего может быть, следует, что Рамсес II вступил в брак со своей собственной дочерью.

Дочь Рамсеса II Меритамен в луксорском списке стоит четвертой, а в абу-симбельском — пятой. Она, как и Бент-Анат, была погребена в Долине цариц и также носила титул «великая жена царя», что, возможно, указывает на ее брак с отцом. Ее изображение сохранилось в Абу-Симбеле, а статуя была найдена в Танисе.

Дочь Рамсеса II Небеттауи изображена рядом с его колоссом Абу-Симбеле. Её гробница находится в Долине цариц. Она также носила титул «жена царя» и, вероятно, состояла в браке со своим отцом. Позднее она стала женой кого-то другого, поскольку ее дочь Истмах не считалась дочерью царя.

Таковы данные о некоторых детях Рамсеса II⁸⁷, который, по словам Дж. Брэстеда, «оставил после себя настолько многочисленное семейство, что последнее образовало особый благородный рамессидский класс, который еще спустя четыреста лет носил среди других титулов имя Рамсеса, не как отческое, а как обозначение класса или ранга... Рамсес очень гордился своим огромным семейством и часто приказывал скульпторам изображать своих сыновей и дочерей в длинных рядах на стенах [С. 107] храмов. Старшие сыновья сопровождали его в походах, и, согласно Диодору, каждый отряд его армии находился под командой одного из них. Его любимцем был Хаемуас... Но вниманием его пользовались все, и его любимейшие жены и дочери появляются весьма часто на его памятниках» [25, т. II, с. 143].

РАМСЕС II В БИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В библейских книгах Бытие и Исход упоминается земля и город Раамсес (т. е. Рамсес) применительно к двум историческим периодам — периоду поселения в Египте израильских племен (время Иосифа)⁸⁸ и периоду притеснения потомков. Израиля в стране фараонов (время Моисея)⁸⁹. В Библии сказано об этом так:

«Поселил Иосиф отца своего и братьев своих и дал им владение в земле Египетской, в лучшей части земли, в земле Раамсес, как повелел фараон» (Бытие XLVII, 11) [24].

«Восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа, и сказал народу своему: вот народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас; перехитрим же его, чтобы он не размножился; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится противу нас, и выйдет из земли (нашей). И поставили над ним начальников работ, чтобы изнурили его тяжкими работами. И он (т. е. израильский народ.— И. С.) построил фараону Питом и Раамсес — города для запасов» (Исход I, 8—11) [24].

[Далее следует пространное описание того, каким образом Моисею удалось добиться от фараона согласия на уход израильтян из Египта.]

«И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Суккот — до шестисот тысяч мужчин, кроме детей» (Исход XII, 37).

Построенный израильтянами, согласно утверждению Библии, город Раамсес мог быть только Пер-Рамсесом [165, с. 75—98, 544, с. 291—292], основанной Рамсесом II в дельте Нила новой столицей Египта, и, следовательно, именно этот фараон подразумевается в соответствующей записи книги Исход как притеснитель израильтян.

Название местности, в которой обосновались израильтяне при Иосифе, как земля Раамсес в Библии относится ко времени на несколько веков более раннему, чем начало царствования Рамсеса II, и потому ошибочно, поскольку до Рамсеса II, до построения Пер-Рамсеса, не могла существовать, естественно и земля Раамсес. В данном случае в Библии более позднее обозначение территории, соседствующей с Пер-Рамсесом, переносится в прошлое. Библейский фараон — притеснитель израильтян отождествляется, как мы видим, довольно просто: это тот правитель, при котором был построен Пер-Рамсес, т. е. это Рамсес II. О фараоне, при котором после длительной борьбы [С. 108] с ним Моисея израильтяне покинули Египет, Библия также дает достаточно определенное указание: это преемник фараона, при котором был построен Пер-Рамсес, т. е. это Мернептах, сын и наследник Рамсеса II.

Вот как об этом сказано в книге Исход: «Спустя долгое Время умер царь Египетский. И стонали сыны Израилевы от работы и вопияли, и вопль их от работы восшел к богу» (II, 23) [24]. Если считать, что тяжелые работы были наложены на израильтян при Рамсесе II, то тогда именно его смерть подразумевается в приведенном выше отрывке из книги Исход, и, следовательно, деятельность Моисея должна была происходить при преемнике Рамсеса II — при Мернептахе. Следует отметить, что в русском тексте книги Исход еще раз упоминается смерть фараона [(«Спустя много времени умер царь Египетский») (IV, 18)]. На этом основании можно, казалось бы, сделать вывод, что фараоном, с которым вел борьбу

Моисей и при котором израильтяне ушли из Египта, был не Мернептах, а кто-то царствовавший после него. Необходимо, однако, иметь в виду, что в русском тексте Библии в книге Исход вторая фраза, сообщающая о смерти фараона, заключена в скобки. Этой фразы нет в древнееврейском масоретском оригинале Библии (Исход IV, 18) [69]⁹⁰, и потому скорее всего в книге Исход под фараоном, при котором израильтяне покинули Египет, подразумевается правитель, царствовавший после, смерти Рамсеса II, т. е. Мернептах. Подобный вывод кажется очевидным, если полагаться только на текст Библии. Между тем справедливость библейского указания была поставлена под сомнение еще в конце прошлого века, когда в 1896 г. была открыта так называемая «стела Израиля» [456, табл. 13, 14].

Данная стела, обнаруженная в заупокойном храме Мернептаха, представляет собой заднюю сторону плиты с текстом времени Аменхотепа III. Издал и перевел «стелу Израиля» В. Шпигельберг [533, с. 1—25; 137, т. III. с. 256—264, § 602—617]. В тексте стелы идет речь о победах, одержанных Мернептахом в 5-й год своего царствования над ливийцами и «народами моря». В конце стелы говорится следующее: «Ни один не поднимает голову свою среди „девяти луков“. Опустошена Техену. Хета стала смиренной. Захвачен Канаан всяческим злом. Уведен Ашкелон. Схвачен Гезер. Иеноам сделан несуществующим. Израиль опустошен, нет семени его⁹¹. Хару (Сирия) стала вдовой для Египта. Все страны вместе находятся в состоянии спокойствия. Каждый бродяга наказывается царем Верхнего и Нижнего Египта Баенра Мериамуном, сыном Ра, Мернептахом Хетепхермаатом, которому дана жизнь, как солнцу, каждый день» [533, с. 9—10, 14, табл. I, стк. 26—28].

Свое название «стела Израиля» получила потому, что в ней (единственный раз в египетском тексте) встречается термин Израиль (*jsrir*) как обозначение народа, проживавшего в Палестине в 5-й год царствования Мернептаха. Между тем, если [С. 109] учитывать зафиксированную на «стеле Израиля» датировку, станет невозможным отождествление фараона «исхода» израильтян с Мернептахом, поскольку в Библии сказано, что израильтяне попали в Палестину через много лет после того, как покинули Египет (Иисус Навин XXIV, 7), и, следовательно, они никак не могли бы оказаться в Палестине, если бы этот правитель был фараоном «исхода». Перед исследователями, привыкшими доверять каждому слову Библии, возникла сложная задача: «стела Израиля» не позволяла видеть в Мернептахе фараона «исхода», в то же время, согласно прямому свидетельству книги Исход, при преемнике фараона, построившего Пер-Рамсес (т. е. при преемнике Рамсеса II), израильтяне ушли из Египта. Выход из создавшегося положения некоторые авторы увидели в предположении, что не все израильтяне побывали в Египте, часть израильских племен постоянно оставалась в Палестине и именно о них сообщает «стела Израиля» [390, с. 39; 453, с. 114; 531]. Большинство историков, занимавшихся проблемой пребывания израильтян в Египте, отказавшись от отождествления Мернептаха с фараоном «исхода», стали отодвигать этот «исход» к более отдаленному прошлому [280; 326], или вообще отрицать факт пребывания израильских племен в Египте [263, с. 52].

Оставалась еще возможность отнести пребывание израильтян в Египте и «исход» из него к более позднему времени, чем годы царствования Рамсеса II и Мернептаха. По такому пути в начале нашего столетия пошли Б. Д. Эрдманнс [217, с. 67] и В. В. Струве [71; 72; 74]. Именно В. В. Струве пытался доказать, что израильские племена пришли в Египет при Мернептахе, а ушли из Египта в конце царствования Рамсеса III, которого, по мнению В. В. Струве, библейские авторы спутали с Рамсесом II, почему последний и подразумевается в книге Исход как фараон — строитель Пер-Рамсеса и притеснитель израильтян.

Анализируя содержание «стелы Израиля», В. В. Струве принял точку зрения Э. Навилля [429, с. 195], что в данном тексте не идет речь о походе Мернептаха в Азию. По мнению В. В. Струве, «стела Израиля» сообщает о разорении страны хеттов, Финикии, Сирии, Палестины не египетскими войсками, а ордами «народов моря». Пострадал от набегов «народов моря» и Израиль, и именно это обстоятельство, как полагал В. В. Струве, побудило израильские племена переселиться в Египет, о чем, по мнению В. В. Струве, имеется прямое указание в египетском папирусе Анастаси VI [4, 13 (53-61)]: «Другое

послание для (54) моего [господина]: мы закончили с разрешением племенам шасу из Эдома (55) пройти крепость Мернептаха Хетепхермаата, да будет он жив, невредим, здоров, которая (находится в области) Чеку (*Tkw*), (56) (по направлению) к прудам Питома (*Pr-Tm*) Мернептаха Хетепхермаата (57), который (находится в области) Чеку, чтобы сохранить жизнь им, [С. 110] и сохранить жизнь их стадам благодаря великой (мощи) фараона, да будет он жив, невредим, здоров — (58) благого солнца для каждой страны» [248]⁹².

В аргументации В. В. Струве центральное место занимает утверждение, что израильтяне пришли в долину Нила под угрозой голода вследствие разорения той местности, в которой они находились, не войсками Мернептаха (в этом вопросе В. В. Струве был, по-видимому, прав), а «народами моря», вторгшимися в Сирию и Палестину с севера. В прямую зависимость с этим вторжением В. В. Струве поставил и сообщение о переселении в Египет племен шасу из Эдома.

Между тем нельзя утверждать, что запись в папирусе Анастаси VI, в которой сообщается о приходе племен шасу из Эдома в Египет, следует датировать временем Мернептаха. Как, например, полагает Р. А. Каминос, эта запись могла быть сделана в царствование Сети II [149, с. 297]. Отпадает, таким образом, обязательная связь между приходом племен шасу в Египет, в район городов Чеку (Суккот) и Питом, и вторжением «народов моря».

Становится сомнительным один из основных аргументов концепции В. В. Струве [71, с. 32—40].

Пришедшие из местности Эдом племена шасу могли бы быть израильтянами. Однако, исходя из аргументации В. В. Струве, они с таким же основанием могут пониматься и как эдомитяне, еще не принявшие в качестве своего племенного наименования название местности Эдом, в которой обитали и из которой частично или полностью переселились в Египет. В данном случае вопрос об этнической принадлежности шасу из Эдома остается открытым (о шасу см. [266]). Единственное, что, по-видимому, можно предполагать, так это древнюю связь Израиля с Эдомом (местностью и племенным понятием), вследствие чего в Эдоме как территории на юге Палестины и существовал культ Яхве, воспеваемый в песне Деборы. Израильтяне и эдомитяне были племенными группами, первоначально совместно кочевавшими в одном регионе, и потому предания обоих народов, как справедливо указывал В. В. Струве, могли повлиять на формирование библейского рассказа о пребывании израильтян в Египте.

Однако превращать содержание соответствующих строк папируса Анастаси VI в исторический документ, свидетельствующий о приходе израильтян в долину Нила, все же, нам думается, нельзя, несмотря на то, что с формальной стороны нет препятствий увидеть в шасу из страны Эдом какую-то небольшую группу израильтян, отколовшуюся от основной массы израильских племен, уже давно прочно обосновавшихся в Палестине в соответствии с данными «стелы Израиля». Эта небольшая группа могла бы прийти в дельту Нила из Эдома и при Сети II. Нужно, однако, иметь в виду, что то, на чем настаивал В. В. Струве, — это лишь теоретически допускаемая [С. 111] возможность, а не бесспорная истина, якобы точно зафиксированная в папирусе Анастаси VI.

Предлагаемая В. В. Струве интерпретация рассмотренного им текста не является единственно допустимой, и потому нельзя, опираясь на этот текст, утверждать, что библейское предание о пребывании израильтян в Египте стало документально доказанным фактом⁹³. Древнейшие истоки библейской традиции о приходе израильских племен в Египет следует искать не во времена Мернептаха или Сети II, а в значительно более отдаленный исторический период, о чем в Библии имеется довольно точное свидетельство. В книге Исход по данному поводу можно прочесть: «Времени же, которые сыны Израилевы обитали в Египте, было четыреста тридцать лет. И было в конце четырехсот тридцати лет в этот самый день вышли все сонмы Господа из земли Египетской» (XII, 40, 41) [69].

Срок в 430 лет, которым в Библии определяется время пребывания израильтян в Египте, несомненно, заставляет вспомнить о 400-летьи эры Сетха (Сутеха), которое

отмечалось при Хоремхебе. Как мы уже имели возможность указать эра Сетха (Сутеха) начала свой отсчет в правление фараона Нехси, царствовавшего в Аварисе незадолго до начала владычества гиксосов, когда большие массы семитов обосновались в дельте Нила, а их правители подчинили своей власти весь Египет. В Библии, таким образом, содержится, по существу, скрытый намек на тождество израильтян с гиксосами, намек, хотя и ошибочный, но не лишенный известного основания, поскольку в гиксосский период в Египте проживало действительно значительное количество семитов [263; 377; 454]. Не случайно современник Птолемея II Филадельфа — египетский историк Манефон [38, с. 132—133; 73, т. III, IV], по-видимому, знакомый с библейским преданием о пребывании израильтян в Египте, сопоставил их с гиксосами и дал свою интерпретацию библейского повествования, изложенную позднее Иосифом Флавием.

Вот что писал Иосиф Флавий в гл. 14 первой книги «Против Апиона», приводя выдержку из труда Манефона:

«Был у нас царь по имени Тимеос. В его царствование Бог, неизвестно почему, прогневался, и из восточных стран внезапно напали на нашу землю люди бесславного происхождения, полные отваги, и завладели ею легко, без боя и насильно. Они покорили всех бывших в ней князей, затем беспощадно сожгли города и разрушили храмы богов. С жителями они поступили самым жестоким образом, убивая одних, а других вместе с женами и детьми обращая в рабство. После всего того они избрали царя из своей среды, имя которого Салатис. Последний основал свою резиденцию в Мемфисе, обложил данью верхнюю и нижнюю землю и поставил гарнизоны в более подходящих пунктах. Но в особенности он укрепил восточные окраины в ожидании, что ассирийцы, когда-либо собравшись с силами, сделают нападение на его царство, желая завладеть [\[С. 112\]](#) им. Найдя в Сетроитском номе, на востоке от Бубастидского рукава Нила, весьма удобно расположенный город, который, согласно древнему религиозному сказанию, назывался Аварис, он обстроил его, укрепил его весьма сильными стенами и поместил в нем многочисленный гарнизон, состоявший из двухсот сорока тысяч тяжеловооруженных. Туда он отправлялся летом как для раздачи продовольствия и жалованья, так и для того, чтобы с целью внушения страха соседним народам заставлять воинов усердно заниматься военными упражнениями. Он умер, процарствовав девятнадцать лет. Ему наследовал другой, по имени Беон, который царствовал сорок четыре года. После него Апахнан царствовал тридцать шесть лет и семь месяцев. После него царствовали: Апофис — шестьдесят один год и Ианнас — пятьдесят лет и один месяц. Последним из всех этих царей был Ассис, который царствовал сорок девять лет и два месяца. Вот эти шесть были первыми царями среди них, и они постоянно и со все большей силой стремились к тому, чтобы искоренить род египетский. Весь их народ назывался Гиксос, что значит „цари-пастухи”. Ибо „Гик” означает на священном языке „царя”, а „сос” в народной речи — „пастуха”, или „пастухов”; из этих же двух частей образовалось слово Гиксос⁹⁴. Некоторые полагают, что это были арабы...

Вышеупомянутые цари из так называемых пастухов и их преемники владели Египтом в продолжение пятисот одиннадцати лет. После этого цари фивские и верхнеегипетские поднялись против пастухов, и вспыхнула сильная и продолжительная война. В царствование Мисфрагмуфоса (Тутмоса III.— *И. С.*) пастухи были побеждены и вытеснены из всего Египта, и они заперлись в одном месте, которое в окружности своей заключало десять тысяч арур. Место это называлось Аварис. Его со всех сторон, говорит Манефон, пастухи окружили большой и крепкой стеной, для того чтобы иметь все свое состояние и добычу в безопасности. Но Фуммос (Тутмос IV.— *И. С.*), сын Мисфрагмуфоса, расположившись перед стеной во главе войска из четырехсот восьмидесяти тысяч человек, осаждал их, стараясь силой подчинить их себе. Но, отчаявшись в успехе осады, он заключил с ними договор, в силу которого они должны были оставить Египет и могли все в полной безопасности направиться, куда им угодно было. И тогда они на основании состоявшегося соглашения со своими домочадцами и своим состоянием оставили Египет в количестве не менее двухсот сорока тысяч человек и пошли в Сирийскую пустыню. Но из страха перед

могуществом ассирийцев, которые тогда владычествовали в Азии, они в ныне называемой Иудее построили город, который мог бы вместить столько тысяч людей, и наименовали его Иерусалимом» [84, с. 17—21; см. также 90, с. 58—59].

В гл. 26 первой книги «Против Апиона» Иосиф Флавий передает еще одну версию повествования Манефона о гиксосах, версию более враждебную по отношению к евреям: [С. 113] «Итак, сообщив, что предки наши вышли из Египта за столько лет раньше (Рамсеса), и вставив затем царя Аменофиса (Аменхотепа III.— *И. С.*), он (Манефон.— *И. С.*) заявляет, что этот последний пожелал, подобно Гору, одному из своих предшественников на престоле, лицезреть богов и сообщил о своем желании сыну Пааписа, тезке своему Аменофису, который вследствие своих знаний и дару предвидения будущего считал себя божественного происхождения. Тезка его ответил, что он (лишь в том случае) сможет лицезреть богов, если очистит всю страну от прокаженных и прочих нечистых людей. Сообразно с этим царь велел собрать со всего Египта всех калек, и число их дошло до 80 000. Затем он приказал заключить их в каменоломни, находящиеся к востоку от течения Нила, где работали и остальные выделенные из общества египтяне. Среди последних, говорит он, находились и некоторые ученые жрецы, пораженные проказою. Но в то же время Аменофис, этот мудрый прорицатель, перепугался, боясь за себя и за царя гнева богов, как бы не освободились насильно отведенные в каменоломни; и вот он стал поговаривать, что кое-кто, пожалуй, заступится за прокаженных с оружием в руках и овладеет Египтом на тринадцать лет. Не решившись, однако, высказать это самому царю, он оставил об этом последнему письмо и покончил жизнь самоубийством. Фараон был в полном отчаянии. Затем он (Манефон.— *И. С.*) пишет буквально следующее: „Когда же истек несчастным срок в каменоломнях, то царь по настоятельной просьбе дать им убежище и кров предоставил им покинутый гиксосами город Аварис, который, по преданию, издревле посвящен был Тифону (т. е. богу Сетху.— *И. С.*). Заняв этот город и пользуясь всею (прилегающею к нему) областью в качестве убежища, они выбрали начальником своим некоего жреца из Гелиополиса, Осарсифа, поклявшись беспрекословно повиноваться ему. Первым же изданным им постановлением был закон не поклоняться богам и не воздерживаться ни от каких издавна в Египте почитавшихся священными животных, но убивать и употреблять в пищу всех, равно как не сближаться ни с кем из населения, кроме принесших клятву единомышленников. Издав такой и много других противных египетским обычаям постановлений, он приказал народу восстановить стены города и готовиться к войне с фараоном Аменофисом. Сам же он, собрав как прочих жрецов, так и прокаженных, отрядил посольство к изгнанным Тутмосисом пастухам в город по имени Иерусалим и, сообщив о положении своем и прочих подвергшихся позорному насилию сотоварищей, просил предпринять общее единодушное нашествие на Египет. При этом он советовал направиться сперва к Аварису, первоначальной родине их общих предков, и обещал в достаточной мере припасти для войска провиант, чтобы затем уже, когда понадобится, сражаться вместе и без труда подчинить себе (всю) страну. Крайне обрадовавшись этому обстоятельству, те единодушно выступили в [С. 114] поход в количестве до 200 000 человек и скоро прибыли в Аварис. Узнав в подробности об этом нашествии, Аменофис, фараон египетский, немало смутился, так как вспомнил об Аменофисе, сыне Пааписа. Созвав тотчас египетское войско и посоветовавшись с его начальниками, он приказал прислать к себе наиболее чтимых в капищах священных животных и повелел жрецам, каждому в отдельности, охранять в самых безопасных местах изображения божеств. Пятилетнего же сына своего Сетоса, называвшегося также, по отцу Рамсесу, Рамессом, он отправил к своему другу. Сам же он приготовился защищаться с прочими египтянами в числе до 300 000 отборных воинов. Сойдясь с врагами, он, однако, не вступил с ними в битву, так как ему пришла в голову мысль, что он собирается воевать с богами. Повернув поэтому быстро назад и прибыв в Мемфис, он захватил Аписа и всех прочих доставленных туда по его повелению священных животных и немедленно отправился со свитою и всем войском египетским в Эфиопию, ввиду того что царь эфиопский был по добровольному признанию его вассалом. Последний принял фараона и

всю его свиту, поскольку страна его обладала в достаточной мере городами, селениями и нужными для всех этих преследуемых судьбой пришельцев провиантом на по крайней мере тринадцатилетнее изгнание, и выставил на границе Египта эфиопский сторожевой лагерь для охраны людей царя Аменофиса. Так обстояло дело в Эфиопии. Гиксосы же, соединившись с прокаженными египтянами, поступали столь жестоко с (покоренным ими) населением, что видевшим их тогдашние зверства первое их владычество казалось золотым: они не только жгли города и деревни, грабя и оскверняя храмы, не только не щадили изображений богов, но и делали из святилищ постоянно кухни, в которых зажаривали особенно высоко почитавшихся животных, а соответствующих жрецов и прорицателей заставляли разыгрывать при этом роль жертвоприносителей и резников, чтобы затем, обобрав догола, выгонять их. При этом рассказывается, что происходивший из Гелиополиса жрец Осарсиф, так названный по гелиополитанскому божеству Осирису, основав новое свое государство и дав ему законы, изменил, пристав к этим людям, свое имя на название Моисея, которым и стал с тех пор именоваться”.

Вот это и многое другое, что я краткости ради обхожу молчанием, сообщают египтяне об иудеях. Далее Манефон рассказывает, что после этого Аменофис с большим войском и в сопровождении сына своего Рамсеса, под начальством которого также была особая рать, выступил из пределов Эфиопии. Сойдясь с гиксосами и прокаженными, они оба победили их и, умертвив множество, преследовали остальных до границы Сирии. Это и тому подобное сообщает Манефон» [84, с. 57—60]⁹⁵.

Анализируя две приведенные выше версии Манефона (в пересказе Иосифа Флавия) о гиксосах, В. В. Струве пришел к выводу, что «факт пребывания Израиля не отрицался туземцами [С. 115] (египтянами.— И. С.), но рассматривался соответствующим действительности» [74, с. 6]. Подобное заключение, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Обе версии Манефона восходят, как нам представляется, не столько к данным египетской исторической традиции, сколько к библейскому преданию, с которым в Александрии мог ознакомиться Манефон. Писавший на греческом языке египетский историк пытался найти в прошлом своего народа материалы, подкреплявшие библейскую традицию, и это привело его к ошибочному отождествлению евреев с гиксосами, а египетских царей, которые вели с ними борьбу,— с великими фараонами Нового царства: Тутмосом III, Тутмосом IV, Аменхотепом III и Рамсесом II. Подобное отождествление было, конечно, далеко от истины. Не следует, однако, забывать, что те семитские племена, которые получили название гиксосов, слились после изгнания из Египта с ханаанским населением Палестины, и их воспоминания о пребывании в долине Нила через много веков могли лечь в основу сказаний смешавшихся с ханаанеянами израильтян (о гиксосах см. [41а; 41б; 102; 116, с. 68; 118; 219; 240а, с. 95—110; 249, с. 85—89; 284, с. 36—56; 291, с. 195—202; 293; 296, с. 198—208; 358 и др.]).

Израильтянам легко было воспринять исторические легенды ханаанеян, отражавшие воспоминания о пребывании в Египте большого числа семитов в гиксосский период. Приход семитов-кочевников из Палестины в Египет был явлением заурядным. Семиты приходили в Египет и до гиксосов, и после них. Как сказано в тексте венского фрагмента надписи из гробницы Хоремхеба, «немногие из азиатов, которые не знали, как им прожить, пришли (б) [про]ся (убежища во владениях) фараона, согласно обычаю ваших предков с изначала» [137, т. III, с. 6—7, § 10-12].

По свидетельству стелы Рамсеса II из Бейт-Шеана, в 9-й год его царствования какие-то азиаты из Палестины пришли в Египет, в район Пер-Рамсеса, выразить покорность фараону: «Они все, склонившись ниц, пришли к нему, к его дому жизни и благополучия — Пер-Рамсесу Мериамуну-Великому-Победами» [469, с. 255в].

Допустимое, хотя и недоказуемое из-за отсутствия точных документальных данных проникновение некоторых израильских племен в дельту Нила при ближайших предшественниках или преемниках Рамсеса II или в его собственное царствование как заурядный в истории Египта эпизод не только не должно было привлечь особого внимания египтян, но и самими израильтянами не могло восприниматься как событие того

исключительного значения в жизни израильского народа, каким оно представлено в Библии. Если приход израильтян в Египет действительно имел место, то он должен был бы выглядеть так, как описывается в папирусе Анастаси VI [4, 13 (53—61)] приход каких-то кочевников-шасу из страны Эдом, осуществленный в царствование Сети II — внука Рамсеса II. [С. 116]

В Библии «исход» израильтян из Египта представлен грандиозным, полным драматизма событием. Однако подобное его изображение, несомненно, явилось результатом поздней, тенденциозной обработки составителями Библии многих сказаний, как собственно израильских, так и тех, которые существовали у древних обитателей Палестины — ханаанеян.

При анализе библейского повествования о деятельности в Египте легендарного Иосифа можно обнаружить определенное соответствие сообщаемых Библией фактов с тем, что известно о социальной организации Египта в эпоху Рамессидов. В то же время в том, как в книге Бытие изображена хозяйственная деятельность Иосифа, чувствуется непонимание авторами Библии специфики социально-экономических отношений, существовавших в рамессидовском Египте.

Хозяйственные и законодательные мероприятия Иосифа в книге Бытие описываются следующим образом: «И купил Иосиф всю землю Египетскую для фараона, потому что продали Египтяне каждый свое поле, ибо голод одолевал их. И досталась земля фараону. И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого. Только земли жрецов не купил (он), ибо жрецам от фараона положен был участок, и они питались своим участком, который дал им фараон, посему и не продали земли своей. И сказал Иосиф народу: вот я купил теперь для фараона вас и землю вашу; вот вам семена и засевайте землю, когда будет, жатва, давайте пятую часть фараону, а четыре части останутся вам на засеяние полей, на пропитание вам и тем, кто в домах ваших, и на пропитание детям вашим... И поставил Иосиф в закон земли Египетской, даже до сего дня: пятую часть давать фараону, исключая землю жрецов, которая не принадлежала фараону» (XLVII, 20—26) [24].

Указание вышеприведенных строк Библии на 1/5 часть урожая как на взимаемый с земледельцев налог в пользу фараона может быть согласовано с данными хозяйственных документов эпохи Рамессидов. Соответствует реальности и утверждение, что «досталась земля фараону», поскольку в рамессидовском Египте действительно существовал огромный государственный земельный фонд, распорядителем которого был фараон [76, с. 4—21; 77]. В Библии явно была сделана попытка объяснить возникновение в Египте государственной земельной собственности. Однако сама эта попытка показывает, что своеобразие поземельных отношений в Египте для автора или авторов приведенного раздела Библии оказалось тайной за семью печатями. Фараон в древнем Египте никогда и ни у кого не покупал ни клочка земли. Указание на покупку земли Иосифом для фараона соответствует тем представлениям, которые были естественны для людей, знакомых с укладом экономической жизни в Израильском и Иудейском царствах (и в Вавилонии), но совершенно не понимавших особенностей, характерных для Египта. Не имело места в Египте эпохи Рамессидов и выделение [С. 117] земли жрецов как не принадлежавшей фараону. Подобное выделение если и наблюдалось, то только в очень позднее время, через много столетий после царствования фараонов Рамессидов. Все это говорит о поздней записи соответствующего текста Библии. О том же свидетельствует и такая фраза: «И поставил Иосиф в закон земли Египетской, даже до сего дня». Не приходится сомневаться в том, что тот, кто написал «даже до сего дня», сделал это значительно позднее времени, к которому относится весь приведенный нами раздел Библии.

О поздней окончательной редакции книги Бытие говорит и то, как в ней сообщается о египетском имени Иосифа и его жены, египтянки: «И нарек фараон Иосифу имя: Цафнат-панеах, и дал ему в жены Асенету, дочь Потифера» (XLI, 45) [24]. Имя «Цафнат-панеах» расшифровывается как древнеегипетское *dd p3 ntr iw.f(r) ʿnh* («говорит бог: он будет жить»), а имя «Асенета» («Аснат») является теофорным, с включением, согласно К. Зете, наименования саисской богини Нейт («принадлежащая Нейт») [218, с. 204—206; 510, I,

§ 223, 1; 550, с. 148, 203], что все вместе указывает на позднее время записи соответствующих строк Библии⁹⁶.

Теперь подведем итог нашему исследованию вопроса о пребывании израильтян в Египте в связи с упоминанием в Библии Рамсеса II как фараона — притеснителя израильтян. Мы полагаем, что в основе записанного в довольно позднее время (в VIII—VII вв. до н. э.) библейского рассказа о приходе сынов Израиля в Египет и «исходе» из него лежат многочисленные предания ханаанского населения Палестины, неоднократно проникавшего в страну фараонов. Наиболее мощный пласт этих преданий восходит, по-видимому, к гиксосскому периоду истории древнего Египта, и думается, что именно на исторический факт изгнания гиксосских царей из Египта опирается в значительной степени и библейское повествование об «исходе».

В то же время мы считаем, что нельзя полностью отрицать и недоказуемую пока возможность сочетания ханаанских преданий с преданиями собственно израильскими, восходившими к, тому периоду, когда при первых фараонах XIX династии какие-то племенные группы из израильского племенного союза проникли в дельту Нила, обосновавшись в ее восточной части, неподалеку от Суккота (Чеку), в земле Гошен (Гесен), или земле Раамсес, по соседству с новой резиденцией фараонов Рамессидов — городом Пер Рамсес (библейским городом Раамсес). В царствование Рамсеса II эти племенные группы израильтян могли благополучно покинуть пределы Египта⁹⁷ и, воссоединившись с основными массами формировавшегося на севере Синая (в районе оазиса Кадеш-Барнеа) израильского племенного союза, впоследствии проникнуть в Палестину, где уже, в 5-й год правления Мернептаха племена израильтян заняли достаточно заметное место, в связи с чем они и были специально упомянуты на «стеле Израиля»⁹⁸. [С. 118]